

БИБЛИОТЕКА ФИЛОЛОГА

Проф. А. И. СМирницкий

СИНТАКСИС АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Подготовил к печати и отредактировал
кандидат филологических наук
В. В. ПАССЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
Москва 1957

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга была написана учениками проф. А. И. Смирницкого после его смерти. (1954 г.). В основу книги был положен теоретический курс современного английского языка, читанный А. И. Смирницким в течение одиннадцати лет в МГУ и в 1-ом МГПИИЯ. Кроме того, составители использовали рукописные материалы, наброски и отдельные замечания автора, предоставленные им О. С. Ахмановой. Таким образом, предлагаемая книга содержит изложение только таких положений А. И. Смирницкого, которые еще нигде не были опубликованы ни целиком, ни частично.

В отношении самого построения книги необходимо обратить внимание на следующее. Поскольку «Синтаксис английского языка» выходит в свет раньше «Морфологии английского языка», представлялось целесообразным включить в книгу теоретическое введение, относящееся ко всему курсу грамматики (не только к синтаксису, но и морфологии). Этот раздел максимально точно воспроизводит рукописные материалы автора с сохранением примеров из области русского языка. Далее нужно отметить, что помещение проблемы порядка слов в часть, посвященную теории словосочетания, вовсе не означает, что порядок слов не имеет отношения к предложению как таковому. Чтобы подчеркнуть это, составители сочли целесообразным, помимо общего раздела о порядке слов, включить в теорию предложения специальные разделы, посвященные вопросу о месте второстепенных членов предложения.

Материалы были собраны и обработаны для настоящего издания В. В. Пассеком, С. А. Григорьевой, Г. Б. Микаэлян, Т. П. Сергеевой, А. К. Старковой, Е. И. Таль, Е. С. Турковой. Реальную помощь коллективу составителей оказала О. С. Ахманова.

Составители

ЧАСТЬ I
СОДЕРЖАНИЕ И ЗАДАЧИ
ГРАММАТИКИ

Глава I
ЯЗЫК И РЕЧЬ

§ 1. Деление науки соответственно предмету исследования должно отражать наиболее существенные различия в составе и строении самого предмета данной науки. Иначе говоря, разграничение каких-либо разделов науки по тому, что в них изучается, и соответствующее объединение более специальных, более частных подразделений в более общие крупные разделы должны быть не условными, а основанными на объективном соотношении между частями и сторонами данного предмета в целом.

Это относится, естественно, и к выделению и разграничению языковых наук — таких, как лексикология и грамматика, фонетика и семасиология, морфология и синтаксис. А для этого необходимо обратиться к самому языку, являющемуся объектом лингвистического изучения, и, прежде всего, к речевой деятельности людей, в которой находит свое действительное и полное существование язык.

1. РЕЧЬ

§ 2. Среди различных явлений в человеческом обществе мы находим и то особое явление, которое обычно называют речью (*франц. langage, англ. speech, нем. Rede*).

Речь есть закономерное соединение определенного звучания, производимого органами речи (гортань, язык, губы и пр.), с определенным смысловым содержанием (значением). (Ср. §§ 7 и 8.)

Таким образом, например, произнесенное кем-либо звучание [стой] в соединении со значением *стой* представляет собой отдельный отрезок речи, поскольку в данном случае будет иметь место соединение определенного звучания (именно звучания [стой]) с определенным значением (*стой*, а не *беги*, не *сиди* и пр.); и это соединение оказывается закономерным в том смысле, что оно не создано по прихоти данного лица на данный момент.

Само же по себе, вне соединения со значением, никакое звучание, даже если оно и имеет характер речевого звучания (как, например, [стой]), не является речью или каким-либо ее отрезком. Речевое звучание, производимое или рассматриваемое отдельно от соответствующего смыслового содержания, представляет собой лишь внешнюю сторону речи, но не речь как таковую.

Подобным же образом и значение вне соединения с определенным речевым звучанием представляет собой не речь, а только одну ее сторону — внутреннюю сторону речи.

§ 3. Отдельный отрезок речи, имеющий в данных условиях определенную целевую направленность как некоторое законченное целое, представляет собой акт речи.

Так, приведенное выше 'стой' — 'Стой!', — сказанное кем-либо в данный конкретный момент с определенной целью, есть акт речи. Подобным же актом речи явится и более сложное речевое произведение 'Не стой на ветру!' Но то же самое 'стой', включенное в состав предложения (например, 'Не стой на ветру!'), уже будет представлять собой не целый акт речи, а лишь известную его часть. В составе этого предложения, в сочетании с другими словами, речевой отрезок 'стой' уже не имеет той законченности и целевой определенности, какую мы находим при самостоятельном употреблении единицы 'стой' - 'Стой!'

Предложение 'Стой!' вообще не равняется отрезку речи 'стой' в составе предложения 'Не стой на ветру!' Дело в том, что в случае 'Стой!' эта единица оказывается не просто вообще

произнесенной, но произнесенной с определенной интонацией, т. е. с определенной скоростью, силой и «мелодией». На письме соответствующая интонация в данном случае очень приблизительно изображается восклицательным знаком. Вместе с тем в предложении 'Стой!' важно и то, что в нем нет других слов, кроме того, которое представлено в нем самой единицей 'стой'. Это отсутствие других слов, с одной стороны, сосредоточивает все внимание на единице 'стой', с другой стороны, оно придает предложению утвердительный смысл: ведь в русском языке (как и во многих других) утверждение выражается не особым словом, а отсутствием отрицания.

Таким образом, предложение 'Стой!', сказанное кем-либо в определенных условиях, представляет собой целый акт речи потому, что сочетание единицы 'стой' с определенной интонацией и нарочитая изолированность этой единицы (отсутствие при ней других слов) создают достаточную законченность и достаточно определяют целевую направленность данного отрезка речи.

Иначе обстоит дело с единицей 'стой' в составе предложения 'Не стой на ветру!' Здесь определенная интонация предложения (скажем, та же, что в рассмотренном выше акте речи 'Стой!') принадлежит уже не единице 'стой', а всему сочетанию 'Не стой на ветру!', и значение этой интонации (просьбы, требования и т. п.) присоединяется не к единице 'стой', а к сочетанию в целом. Тем самым единица 'стой' сама по себе достаточно не определяется здесь интонацией. Так же, понятно, и соединение ее с другими словами уменьшает ее смысловую самостоятельность: здесь уже, например, речь идет не о стоянии как таковом, а о стоянии на ветру, так что самому стоянию уделяется меньше внимания. Особенно же следует заметить, что наличие отрицания 'не' уничтожает значение утверждения, с которым единица 'стой' выступает при отсутствии отрицания. Тем самым 'стой' в составе предложения 'Не стой на ветру!' оказывается менее определенным, менее законченным явлением речи, чем предложение 'Стой!', почему единица 'стой', взятая в составе этого предложения, и не представляет собой целого акта речи.

§ 4. Один акт речи может ограничиваться одним предложением, как в приведенных выше примерах, но он может

также состоять и из большего или меньшего числа предложений. Так, выступление оратора на определенную тему, представляющее собой некоторое связное целое, или пропетая кем-либо песня является по отношению ко всей не относящейся сюда речи отдельным и единым актом речи.

Таким образом, акты речи могут быть и очень сложными, причем в более сложных актах речи могут выделяться более простые. Например, в выступлении оратора могут выделяться частные вопросы в пределах общей темы, а каждый отдельный вопрос может быть изложен в ряде отдельных предложений, каждое из которых будет выступать как особый акт речи.

Однако при выделении составных частей из такого акта речи, который является лишь одним предложением, мы обычно уже не получим настолько законченных и ясных по своей целевой направленности отрезков речи, чтобы их можно было признать отдельными актами речи (ср. выше, § 3).

Из сказанного следует, что отдельный акт речи обычно представляет собой либо отдельное предложение, либо связанную в некоторое осмысленное целое цепь предложений (ораторское выступление, художественное произведение и т. п.),

§ 5. Хотя предложение регулярно выступает в виде отдельного акта речи (см. §§3—4), тем не менее следует строго различать предложение как таковое и соответствующий ему акт речи.

В самом деле, ведь, например, 'Стой!', сказанное кем-либо в данный момент, и такое же 'Стой!', сказанное другим человеком или тем же самым, но в другой раз, являются различными актами речи, но они представляют собой одно и то же предложение, лишь повторенное дважды (или большее число раз). Равным образом, сколько бы мы ни повторяли лермонтовские стихи «Белеет парус одинокий В тумане моря голубом...», мы будем иметь все время одно и то же произведение; отдельных же актов будет столько, сколько раз эти стихи будут воспроизведены.

Отмеченные различия сводятся к различию между некоторым речевым произведением (того или иного объема и характера) и соответствующим актом речи. Суть этого различия состоит в следующем.

Любое речевое произведение характеризуется определен-

ным составом и строением. Самые же процессы его произнесения и осознания в тот или другой конкретный отрезок времени, при тех или других условиях, тем или другим лицом и пр. не характеризуют речевое произведение как таковое, почему оно и остается одним и тем же в различных речевых актах (поскольку в его состав и строение не вносятся при его воспроизведении какие-либо изменения). Каждый же акт речи характеризуется не только тем, какое произведение он собой представляет, но и самими данными конкретными процессами произнесения и осознания этого произведения.

Всякое речевое произведение, следовательно, действительно существует в том или ином акте или ряде актов речи, но каждый данный акт речи представляет собой, помимо самого соответствующего словесного произведения, также известную совокупность конкретных процессов, вся конкретность которых для данного произведения как такового несущественна.

§ 6. Человеческая речь в целом является потоком неисчислимых и неограниченно разнообразных актов речи, как следующих друг за другом во времени, так и параллельных, происходящих в одно и то же время (ведь в каждый данный момент говорит множество людей). Этот поток речи все время нарастает, течет дальше, так как постоянно производятся все новые и новые акты речи.

Речь данного общества, речь исторически образовавшейся совокупности общающихся между собой людей в целом практически необозрима, и ее общая масса непрерывно растет, поскольку люди продолжают говорить, думать, писать. Поэтому в действительности мы всегда имеем дело лишь с таким материалом исследования, который представляет собой только некоторую более или менее случайно, естественно или искусственно ограниченную часть всей данной речи. Тем не менее, если эта часть достаточно велика и разнообразна по составу, по ней все же можно судить вообще о речи данного общества на протяжении соответствующего времени его исторического развития. Это оказывается возможным потому, что каждый отдельный акт речи имеет в своем составе большее или меньшее число единиц, являющихся лишь воспроизведениями единиц, входящих в

состав других актов речи (см. подробнее ниже, § 12). Поэтому, если мы изучаем лишь *ljn* часть всей массы данной речи, то мы все же можем иметь уверенность в том, что в остальной *n — ljn* массе речи очень многое будет тем же самым, что нам известно по изученной *ljn* части.

§ 7. Речь существует в различных формах. С точки зрения различия во внешней стороне выделяется три формы речи: (а) устная речь, имеющая внешнюю звуковую сторону, (б) письменная речь, имеющая внешнюю графическую сторону, и (в) мысленная речь, которая не имеет реальной внешней стороны; но однако в качестве эквивалента этой стороны выступает соответствующий речевой образ, который может быть слуховым (звуковым), двигательным, зрительным (графическим) и в различной мере комбинированным — в зависимости от обстоятельств.

Устная и письменная формы существования речи объединяются как ее объективные формы, а мысленная выделяется как ее субъективная форма. Речь, существующая в объективной форме, является внешней речью, а речь, существующая лишь в субъективной форме, — внутренней речью.

§ 8. Из трех форм существования речи — устной, письменной и мысленной — первая является основной.

Письменная форма возникла исторически на базе устной как средство фиксации произведенного в устной форме и для последующего воспроизведения в устной форме, т. е. для прочтения вслух. Мысленная форма существования речи не является основной уже потому, что в этой форме речь не служит для общения; кроме того, в данной форме вместо реальной внешней стороны речи мы находим лишь соответствующий речевой образ, поскольку мысленная форма, хотя она постоянно и существует параллельно устной (и письменной), все же основывается на другой, на устной (а отчасти и на письменной) форме: ведь речевой образ, представление звучания (а также и написания) какой-либо фразы, например, 'Уже поздно', возникает в результате отражения в сознании реально слышанного звучания (или виденного начертания).

§ 9. Из сказанного следует также, что устная, письменная и мысленная речь не являются каждая отдельной, особой

«речью», но представляют собой в пределах одного общества лишь различные формы, в которых существует одна и та же речь.

Это значит, что, например, сказанное [*ужэ пбэнь*], написанное 'Уже поздно' и подуманное *уже поздно* являются одной и той же фразой, лишь данной в разных формах существования речи, а не тремя разными фразами, представляющими каждая совершенно особую речь.

Отсюда, конечно, никак нельзя сделать вывода, что устная, письменная и мысленная речь не могут различаться отчасти и по самому своему составу: известные единицы могут употребляться преимущественно или даже только в какой-либо одной форме речи или, наоборот, не употребляться в одной из ее форм. Таким образом, множество единиц встречается во всех различных формах речи, другие же оказываются известными лишь в отдельных ее формах, но поскольку последние соединены со множеством первых, постольку единство речи в различных ее формах не нарушается.

§ 10. Являясь важнейшим способом человеческого общения, речь полностью реализуется лишь тогда, когда в ней действительно осуществляется общение между людьми. Нечто сказанное, но не услышанное, не воспринятое другим, еще не является вполне реализованным отрезком речи.

Поэтому, например, сказанное вслух наедине, хотя внешне и может совершенно совпадать с тем, что говорится в процессе общения, все же не может рассматриваться как полностью реализованный акт речи. То же самое, естественно, относится и к внутренней, мысленной речи. Что же касается письменной речи, то здесь общение оказывается разорванным тем промежутком времени, который проходит между написанием и прочтением написанного. Можно сказать, что акт речи завершается здесь тогда, когда написанное читывается.

2. ЯЗЫК

§ 11. В различных произведениях речи выделяются одни и те же компоненты и одни и те же закономерности использования этих компонентов в связной речи. Совокупность

всех компонентов различных произведений речи и собрание закономерностей или правил использования этих компонентов составляют вместе определенную систему, т. е. совокупность взаимообусловленных и взаимосвязанных единиц и отношений между ними. Эта система единиц и является языком.

Язык, таким образом, существует объективно в речи, в ее произведениях, которые и представляют собой непосредственный материал, подлежащий изучению для обнаружения и изучения языка. Если речь есть способ общения, то язык является средством общения.

§ 12. Различать речь и язык необходимо, так как в самой действительности существует соответствующее глубокое различие, и поэтому без учета этого различия языкознание не может существовать как специальная и подлинная наука, наука о языке как таковом, т. е. как о важнейшем средстве общения людей.

Из того, что Ф. де-Соссюр, определяя различие между *langue* и *parole*, неправильно выделил и неверно охарактеризовал основные явления «речевой деятельности» (*langage*) человека, не следует, что не нужно и нельзя различать речь и язык, т. е. известные конкретные произведения, созданные и создаваемые путем применения языка, и язык как таковой. Необходимо оставить в стороне вопрос, представляющий интерес преимущественно с точки зрения истории языкознания, о том, в чем ошибочность де-соссюрского построения *langage—langue—parole**, и обратиться непосредственно к действительности.

В действительности же мы имеем следующее.

Люди говорят, пишут, думают. В их сознании образуются мысли, облакаемые в языковую оболочку. Эти мысли так или иначе определяются конкретными условиями жизненной деятельности данных людей: их положением в определенном обществе, их интересами, их сотрудничеством и столкновением с другими людьми, конкретной ситуацией, в которой они находятся в данный момент, непосредственно стоящими перед ними задачами и т. п. Эти мысли так или иначе вызы-

* Об этом см. работу автора «Объективность существования языка», Изд. МГУ, 1954 г.

ваются известными потребностями и удовлетворяют известные потребности. Они могут быть очень разнообразны, могут быть новы и оригинальны, хотя бы в некоторой степени. Однако при этом наблюдаем, что в языковой оболочке самых разнообразных мыслей встречаются одни и те же единицы: сколько бы ни варьировались мысли, отдельные единицы языковой оболочки оказываются теми же. Изучение все большего материала приводит к тому убеждению, что в конце концов (почти) все, используемое для языкового облачения данных мыслей, оказывается использованным, по частям, в языковой оболочке других мыслей. Иначе говоря, имеется известный ограниченный контингент языковых единиц, которые используются для образования любых, самых различных, порою новых и неожиданных, оригинальных мыслей.

§ 13. Различение речи как материала и языка как заключенного в ней предмета языкознания крайне существенно для четкого и глубокого понимания корешкого отличия языка от надстроек.

В самом деле, ведь язык, хотя он и обслуживает все сферы человеческой деятельности, сам по себе не принадлежит ни к одной из них, безучастен к ним и проявляет безразличие к классам; но речевые произведения, в частности конкретные предложения, уже не являющиеся единицами языка, в которых высказываются определенные и целеустремленные мысли, нередко не являются безразличными к классам: в них очень часто находят свое выражение интересы и взгляды определенных общественных классов, определенная классовая идеология, и многие речевые произведения входят как таковые в ту или иную общественную надстройку. Так, например, те предложения, в которых формулируются правовые положения, входят в общественную надстройку, образуемую правовыми взглядами общества и соответствующими им правовыми учреждениями. Без речевых произведений в виде определенных конкретных предложений и их более или менее сложных соединений никакие взгляды не могли бы быть оформлены и выражены и иметь характер общественных взглядов, и соответствующие учреждения не могли бы функционировать, а, следовательно, и не могли бы вообще существовать.

Таким образом, язык неизбежно изучается в речи, на основе исследования известной, — по возможности большой, — совокупности ее произведений, основными среди которых, с точки зрения лингвиста, являются предложения. Но вместе с тем язык обязательно должен отделяться, ограничиваться, обособляться от речи и отдельных ее произведений, не отождествляться, не смешиваться с ними: речь, в тех или иных ее произведениях, выступает как сырой материал исследования, язык же — как собственно предмет изучения, извлекаемый из этого материала.

§ 14. Выше было указано, что всякое речевое произведение содержит в себе единицы языка, выражающие в их данном конкретном совокупном применении более или менее сложную мысль или цепь мыслей (лишь в особых редких случаях только эмоцию), которая как целое не входит в состав языка, но принадлежит к известной сфере человеческой деятельности, обслуживаемой языком.

Единицей языка того или другого порядка, типа или характера может быть признана любая единица, выделяемая в речи, при том условии, что, с одной стороны, в ней сохраняются существенные общие признаки языка и вместе с тем, с другой стороны, не появляются какие-либо новые признаки, вносящие новое качество. Чтобы удовлетворять этим требованиям, такая единица должна, во-первых, обладать не только внешней (звуковой) стороной, но и внешне выраженным значением (смысловым или эмоциональным содержанием) и, во-вторых, выступать не как произведение, создаваемое в процессе речи, а как нечто уже существующее и лишь воспроизводимое в речи. При этом необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что языковая единица должна обладать сразу обоими признаками, указанными выше.

Таким образом, типичными единицами языка будут такие слова, как *house дом*, *red красный*, *well хорошо*, *see видеть*, *where где*; также и отдельные морфемы: *house-*, *red-*, *-ish-* (в *reddish*), *over-* (в *oversee*), *-ing* (в *seeing*, *taking*, *speaking* и т. п.). Все эти и им подобные единицы, которые могут быть обнаружены в речи, явно обладают обоими указанными выше признаками: они, во-первых, имеют и звучание ([*haus*], [*red*], [*wel*] и т. п.) и значение (*дом*, *красный*, *хорошо*

и т. п.), а, во-вторых, не создаются, а лишь воспроизводятся в речи как готовые единицы. Подробнее о критериях выделения единиц языка см. в «Лексикологии английского языка», §§11-13.

Другие вопросы, связанные с разграничением языка и речи, подробно освещаются в работе «Объективность существования языка», изд. МГУ, 1954 г.

Глава II

ГРАММАТИКА И ЛЕКСИКОЛОГИЯ

1. ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

§ 15. Все разнообразные единицы языка делятся на две большие группы: (1) единицы лексические и (2) единицы грамматические. Соотношение между теми и другими является довольно сложным, во всяком случае более сложным, чем это представляется на первый взгляд. Чтобы иметь возможность правильно разобраться в этом соотношении, необходимо, хотя бы и очень приблизительно, перечислить различные единицы языка, входящие в систему языка — независимо от того, являются ли они лексическими или грамматическими единицами, — и лишь затем поставить вопрос о разграничении между областью грамматики и областью лексики (словарного состава) конкретного языка.

§ 16. В «Лексикологии английского языка» было уделено достаточно внимания таким конкретно-материальным единицам языка, как слова, морфемы и фразеологические единицы (см. §§ 14—18). Далее были выделены также и относительно-материальные единицы — такие, как формулы строения слов (см. § 19). Поэтому останавливаться на этих единицах языка нет никакой надобности. Может быть, здесь следует отметить лишь то, что к относительно-материальным единицам относятся не только формулы строения слов, но также и формулы строения словосочетания (порядок слов и т. п.).

§ 17. Помимо конкретно-материальных и строевых единиц, в связной речи, в предложениях, выделяется и еще один

особый тип языковых единиц, а именно — интонационные единицы языка.

Под интонацией здесь понимаются как мелодические, так и ритмические и акцентуационные моменты в предложении. По этому поводу нужно заметить, что представление о речи, рассматриваемой с внешней стороны, как о явлении «линейном» (как, например, у Ф. де-Соссюра), нельзя признать совсем точным, так как параллельно с цепью звуков речи тянется интонационная линия речи, выделяемая, конечно, вместе с данным звуковым материалом, но в достаточной мере не зависящая от данных конкретных звуков и вполне выделяемая как особая линия. Так, например, такие вопросительные предложения, как *Has he come? Он пришел?* и *Is the book on the table? Книга на столе?*, содержат в себе одну и ту же интонационную единицу, независимо от того, что звуковой состав их совершенно различен. Таким образом, следовало бы говорить не просто о «линейности» речи, но, скорее, о ее «двухлинейности».

Само собой разумеется, что акцентуация (не только силовая, но и музыкальная) и ритмика слова должны строго отличаться от интонации предложения, которая только и имеется здесь в виду. Акцентуация и ритмика слова как моменты, участвующие в образовании его звуковой оболочки, играют в общем ту же роль или подобную той, которая выполняется отдельными звуками (фонемами). Так, начальное ударение в слове 'мука' внешне отличает его от слова с конечным ударением 'мука' в общем подобно тому, как взрывной звук [к] в нем отличает его внешне от слова 'муха', имеющего на соответствующем месте фрикативный [х]. Подобно тому, как звуки (фонемы) [к] и [х] сами по себе не сопряжены с какими-либо значениями, выделяемыми внутри целых значений слов 'мука' и 'муха', так и начальное и конечное ударения в словах 'мука' и 'мука' не связываются с какими-либо отдельными значениями в составе целых значений этих слов.

Из сказанного следует, что явления акцентуации и ритмики слова (вообще говоря) не представляют собой единиц языка, так же как отдельные звуки (фонемы): они являются элементами лишь звуковой оболочки отдельных его единиц. Напротив, интонационные явления предложения выделяются именно как единицы языка, так как в них определенная

внешняя сторона (моменты мелодики, акцентуации, ритмики) оказывается связанной с определенным значением таким именно образом, что она может быть выделена в речи как то, в чем обнаруживается данное значение в отличие от других значений, входящих в общее значение всего предложения или иного отрезка связной речи. Так, в предложении *русск.* 'Он пришел?' входящее в его состав значение вопроса связывается именно с его интонацией.

Во избежание недоразумения необходимо заметить, что интонационные единицы языка, будучи в достаточной мере независимыми от конкретного словарного состава предложения и от строения последнего, — настолько, что они могут, вообще говоря, быть выделены как особые единицы языка, — все же нередко оказываются обусловленными в их употреблении наличием или отсутствием в предложении слов определенного разряда и известными формулами строения предложения. Так, например, наличие в предложении специального вопросительного слова может обуславливать иную интонацию, сравнительно с той, которая выражает вопрос при отсутствии такого слова: ср., например, *Is he writing? Он пишет?* и *What is he writing? Что он пишет?* Но все эти осложняющие моменты могут быть оставлены здесь без особого рассмотрения. Равным образом, нет надобности особо отмечать то, что в отдельных случаях явления акцентуации слова могут иметь собственное значение и, следовательно, оказываются единицами языка, более или менее подобными морфемам. Известно также, что во многих, но все же совершенно частных случаях отдельные звуки (фонемы) могут представлять собой целые морфемы и в качестве таковых, т. е. уже вместе с выражаемым ими тогда значением, а не как элементы звуковой системы языка, являться единицами языка. Все эти осложняющие обстоятельства и особые частные случаи не меняют существа того, что было в самых общих чертах описано выше.

§ 18. Как известно, одно и то же слово может встречаться в речи в различных формах.

Любая форма какого-либо слова выступает в речи в качестве представителя этого слова, и, выделяя в речи употребленную в ней форму какого-нибудь слова (например, форму 'карандашом' в предложении 'Это нарисовано каран-

дашом'), нередко эту форму называют словом. Так, можно сказать, что в приведенном примере имеются три слова: 'это', 'нарисовано' и 'карандашом'. Такое словоупотребление оправдывается тем, что эти конкретные единицы действительно представляют собой отдельные, различные слова и противопоставляются друг другу прежде и определеннее всего именно как слова. Но можно сказать также, что в приведенном примере мы имеем слова 'это', 'нарисовать' и 'карандаш': формы 'нарисовать' и 'карандаш' будут представителями соответственно тех же слов, которые в данном конкретном предложении представлены формами 'нарисовано' и 'карандашом'.

Каждая форма слова, будучи его представителем, действительно является этим словом, но поскольку она не единственный его представитель, постольку слово оказывается не полностью представленным ею и его следует строго отличать от каждой отдельной его формы.

Но отличая слово как систему различных его форм от формы слова как определенной его «разновидности», необходимо также отличать и эту последнюю, т. е. известную форму конкретного слова, от таких единиц, как «форма дательного падежа единственного числа» или «форма второго лица множественного числа настоящего времени», или вообще «форма дательного падежа» или вообще «форма второго лица» и т. п. безотносительно к конкретности слова, выступающего в данной форме.

В отличие от таких единиц различные формы конкретных слов могут быть названы словоформами, так как, будучи теми или другими формами, они вместе с тем представляют собой и определенные слова.

Словоформа, т. е. известная (грамматическая) форма конкретного слова, представляет собой как бы скрещение или произведение самого данного конкретного слова и известной формы как таковой. Иначе говоря, в отдельной словоформе выделяется и то, что выступает как тождественное во всех словоформах, образующих систему данного слова, и то, что выступает как тождественное в данной словоформе и в известных других словоформах, принадлежащих к системам других слов. Или еще иначе: отдельная словоформа является, с одной стороны, представителем данного конкретного слова, с другой стороны, — представителем определенной формы

§ 20. Совершенно очевидно, что словоформы являются конкретно-материальными единицами, хотя в их состав, конечно, входят и строевые единицы. Но при этом нельзя не заметить, что, по-видимому, далеко не всякая вообще возможная словоформа является реальной единицей языка в том смысле, что она существует как готовая и лишь воспроизводимая единица. Акад. Л. В. Щерба говорит: «... поскольку мы знаем из опыта, что говорящий совершенно не различает форм слов и сочетаний слов, никогда не слышанных им и употребляемых им впервые, от форм слов и сочетаний слов, им много раз употреблявшихся, постольку мы имеем полное право сказать, что вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи...»*. Вряд ли можно согласиться с Л. В. Щербой, что все формы слова могут быть признаны создаваемыми в процессе речи: многие из них несомненно являются не создаваемыми, а воспроизводимыми, о чем свидетельствует наличие особых, нетиповых, иррегулярных соотношений между отдельными словоформами (*русск.* иду — шел, *англ.* child — children, *франц.* *potre* — *nos* и пр.). Но в том, что очень большое число словоформ образуется в процессе речи, нельзя сомневаться. Многие же словоформы, постулируемые как единицы в системе форм того или иного слова, возможно, вообще никогда в действительности, в практике общения не образовывались (вряд ли, например, образуется такая словоформа, как 'акклиматизируй'). Таким образом, очень многие словоформы следует признать лишь потенциальными единицами языка (по поводу потенциальных единиц см. «Лексикологию английского языка», §§ 16—18).

§ 21. Не только многие словоформы являются лишь потенциальными единицами, но и многие слова как системы словоформ не представляют собой вполне реальных единиц языка в указанном выше смысле (см. § 14). Трудно предположить, например, чтобы кто-нибудь знал слово 'акклиматизировать' как систему словоформ: 'акклиматизирую', 'акклиматизируешь', 'акклиматизирует', 'акклиматизируем', 'акклиматизируют', 'акклиматизируй', 'акклиматизируйте' ит. д.

* О тройном аспекте языковых явлений. «Известия АН СССР. Отд. общественных наук». 1931, стр. 114.

Но для знания слова нет необходимости знать, т. е. воспринять и усвоить, в отдельности все словоформы, которыми оно может быть представлено. И для существования слова не является необходимым, чтобы все такие словоформы действительно были применены в речи. Для существования слова как вполне реальной единицы языка необходимо и достаточно, чтобы оно было представлено в речи некоторыми словоформами (в известных случаях хотя бы одной), соединяющимися с определенной парадигмой.

Соединение отдельных словоформ, представляющих собой одно и то же слово, или даже одной словоформы с определенной парадигмой и есть то, чем является слово как лексема.

Так, например, лексема 'стол' может быть представлена как:

стол.. .Пп, или: столу.. .Пп, или: столов.. .Пп и т. п.

Здесь П обозначает определенную (п-ную) парадигму, такую, какую мы находим в словоформах 'стол', 'двор', 'двора', 'столу', 'кусту', 'кустом', '(на) дворе', 'кресты', 'столов', 'кустам', 'холстами', '(на) кустах' и пр., если отвлечься от того, чем эти словоформы различаются или, наоборот, совпадают как слова. Отточием же обозначено самое соединение между данной словоформой и парадигмой; им же символизируется то, что с данной парадигмой может соединяться не только приведенная словоформа.

Одна и та же парадигма как известная система формообразования может выявляться в различном языковом материале. Вместе с тем, и словоформы, представляющие собой одно и то же слово, могут быть не одни и те же в различном языковом материале, причем данное слово может быть вообще не представлено в наличном языковом материале во всех возможных его словоформах, образующих систему его форм. Тем не менее, это слово может быть узнано и усвоено на основе определенного сравнительно ограниченного языкового материала совершенно так же, как и на основе другого, отличного от него и тоже относительно ограниченного языкового материала, поскольку и в том и в другом материале встречаются словоформы, принадлежащие этому слову и соединяющиеся с одной и той же парадигмой: слово при этих условиях может быть выявлено как вполне определенная лексема — одна и та же в различном языковом материале.

Так, например, лексема 'стол' практически вполне достаточно и одинаково выявляется как в таком языковом материале, в котором содержатся словоформы 'стол', 'стола', 'столы' и 'столов', так и в таком, где имеются словоформы 'столу', 'столы' и 'столов', поскольку оба ряда словоформ в достаточной мере определяют парадигму, входящую в состав этой лексемы.

Следует обратить внимание на то, что старинная практика приводить слово в отдельных формах, характеризующих его парадигму, например: *лат.* equus — equi, terra — terrae, laudo — laudavi — laudatum — laudare; *нем.* Tag — Tages — Tage, sprechen — sprichst — sprach — gesprochen и т. п., хотя и упрощенно, но по существу верно отражает реальное положение дела.

Известно, что в определенных случаях для знания парадигмы слова необходимо непосредственное знание большинства или даже всех представляющих его словоформ (например, в случае таких местоимений, как 'я', 'ты' и пр.). В таких случаях слово несомненно выступает как более или менее полная и вполне реальная система словоформ, которые явно именно воспроизводятся, а не образуются в процессе речи. В таких случаях знание парадигмы слова почти или даже полностью совпадает с фактическим знанием системы его словоформ, и различие между словом как лексемой и словом как системой словоформ более или менее стирается.

Эти особые случаи, однако, не уничтожают того положения, что для большинства слов, по-видимому, их практически реальным аспектом является лексема, поскольку определить, все ли возможные словоформы, — а если не все, то какие именно, — были восприняты говорящим на данном языке прежде, чем он сам применил в своей речи ту или иную словоформу, оказывается практически невозможным; а главное, это и не имеет никакого значения. Так, можно быть уверенным и можно даже доказать на материале, что слово 'стол' неоднократно встречалось в речи во всех словоформах, представляющих его как систему; и я полагаю, например, что мне приходилось неоднократно слышать и читать все эти словоформы. Но если бы даже я никогда не встречал этого слова в форме, например, дательного падежа множественного числа, это ровно ничего не изменило бы в моем знании этого слова: я так же, с той же уверенностью мог бы сказать

в случае надобности: 'Они подошли к столам'. Отдельные словоформы (хотя и не все) «нормально создаются нами в процессе речи» (Л. В. Щерба), и во многих случаях тот факт, что мы их слышали (или читали) раньше, не меняет дела. И не случайно, что отдельные словоформы большей частью понимаются как образуемые путем изменения слова в речи.

Итак, несомненно реальной во всех своих частях и притом конкретно-материальной (при возможности определенных изменений) единицей языка слово является в аспекте лексем. Парадигма же представляет собой в известном смысле составную часть лексемы, причем обычно такую составную ее часть, которая встречается и в составе большего или меньшего ряда других лексем.

§ 22- Типичная парадигма представляет собой определенную систему форм. Неизменяемые слова, такие как 'очень', 'гораздо', 'вдруг', имеют своеобразную парадигму, система форм которой сводится к одной; а такие, как 'депо', 'такси', 'какаду', — также особую парадигму, но иного рода, своеобразие которой состоит в том, что все составляющие ее формы омонимичны (все имеют «нулевую» звуковую оболочку).

Определенное значение имеют не только отдельные формы, составляющие парадигму, но и вся парадигма как целое. Это особенно ясно видно на таких примерах, как слова 'супруг' и 'супруга'. Различие в значении между словами, находящимися в таком отношении друг к другу, выражается именно различием их парадигм. Таким образом, определенная парадигма представляет собой известную единицу языка: она имеет определенную внешнюю сторону и определенное значение, и она, конечно, не образуется в речи, а воспроизводится в той или иной ее части (т. е. в каждом отдельном случае в виде той или иной отдельной формы, входящей в ее состав и вместе с тем в состав какой-нибудь конкретной словоформы).

Одной из характерных черт парадигмы является то, что она представляет собой единицу-систему (в частном случае — систему, состоящую лишь из одного члена). Именно парадигма слова и придает ему характер системы. Каждый отдельный член парадигмы есть известная (грамматическая) форма. В составе определенной парадигмы, например такой,

как у слов стол, двор, куст, крест, холст, и каждая отдельная форма является вполне определенной: так, форма родительного падежа (единственного числа) в этой парадигме оканчивается именно на ударное -а ('стола' и т. п.), а не на что-нибудь иное.

§ 23. Однако определенная отдельная форма далеко не всегда может быть безоговорочно названа конкретно-материальной единицей: внешнюю сторону формы может составлять не только тот или иной конкретный звук или звуковой комплекс, но и известная относительная особенность в звуковой оболочке соответствующей словоформы. Так, например, внешней стороной формы родительного падежа единственного числа в упомянутой выше парадигме является не только конечное -а под ударением, но и связанное с безударностью отличие корневого гласного этой формы от корневого гласного в форме именительного падежа единственного числа (ср. 'стола' — 'стол', 'креста' — 'крест' и пр.). В случаях же, когда все внешнее различие между формами сводится к различию между звуками в основе слова, форма оказывается уже не имеющей собственного конкретно-материального отличия от определенной другой формы и поэтому может быть названа лишь относительно-материальной единицей. Примером такого типа форм может служить каждая из форм, представленных словоформами *tooth* *зуб* и *teeth* *зубы* в английском языке: -ee- в последней из них, а на том же основании и -oo- в первой, не может быть выделено как особая морфема; как -ee- [i:], так и -oo- [i:] принадлежат звуковой оболочке корневой морфемы *tooth-/teeth-*, формам же принадлежат, так сказать, лишь самые отличия [i:] от [i:] и [i:] от [i:]. (Подробнее см. в «Лексикологии английского языка», §§23—25.)

§ 24. Поскольку определенные отдельные формы могут быть в разной степени конкретно-материальными единицами — вплоть до отсутствия у них конкретно-материального характера, — постольку и целые парадигмы могут очень значительно различаться друг от друга в этом отношении. Здесь нет ни возможности ни необходимости рассматривать все разнообразные случаи. Важно только обратить внимание на то, что отдельные формы и целые парадигмы могут, так

сказать, быть в разной степени «вросшими» в самую основу слова. Тем не менее отдельные формы и целые парадигмы так или иначе выделяются как входящие в его состав единицы; не нужно только понимать эту выделяемость как лишь механическую отделимость (см. «Лексикологию английского языка», §§ 23-25).

§ 25. Но если в слове выделяется парадигма как особая единица в его составе, то выделяется, — также как особая единица, входящая в состав слова, — и то, что в нем имеется помимо парадигмы, а именно — сама основа слова.

Основа слова может представлять собой единицу-систему, систему определенных вариантов основы или ее разновидностей и даже разнокорневых образований.

Возьмем для примера такой сложный случай, как слово 'я', в котором мы встречаемся не только с различными формами одной и той же морфемы, но и с использованием совершенно разных корневых морфем — с супплетивностью. Основа этого слова представляет собой сложную систему вариантов и разнокорневых образований, которая может быть изображена примерно так: я-, -мен'-'-мн'-'-мн- (ср. 'я', 'меня', 'мне', 'мною')- Любая из единиц этой системы выражает совершенно одно и то же определенное словарное значение — «автор данной речи». Таким образом, в словарном плане все они полные синонимы друг друга. Но звуковые различия между ними все же являются значащими: они участвуют в выражении значений отдельных форм. Однако никакой звуковой элемент ни в одной из этих единиц не может быть выделен как звуковая оболочка особой морфемы, принадлежащей именно форме, выражающей именно ее значение и отдельной от корневой морфемы, выражающей словарное значение, общее всем данным единицам. Таким образом, вся конкретная звуковая материя этих единиц принадлежит основе слова, а отдельным формам и вместе с тем всей парадигме принадлежит лишь относительный момент — сами различия между отдельными единицами и распределение их по отдельным словоформам.

§ 26. Поскольку выделяется основа слова как особая единица в его составе, постольку лексема может быть представлена и определена не только как соединение отдельных сло-

воформ с известной парадигмой, но и как соединение основы слова с данной парадигмой.

Выше (см. § 21) уже было мимоходом замечено, что для определенности парадигмы, входящей в состав данного слова, а тем самым и для определенности всего слова-лексемы могут быть необходимы известные ряды словоформ, представляющих слово. Теперь следует прибавить, что в таких рядах словоформ обязательно должна быть представлена вся система основы, все варианты основы и разнокорневые ее образования, если таковые имеются.

Далее, необходимо обратить внимание на то, что определение лексемы как соединения основы слова с известной парадигмой ни в коем случае не устраняет ранее данного определения, так как в действительности сама связь между основой и известной парадигмой обеспечивается именно через определенные словоформы, и последние не должны забываться как реальные величины.

§ 27. Различные по своей внешней стороне формы могут быть одинаковы по значению; например, в таких случаях, как *русск.* 'столов' и 'этажей', 'идет', и 'бежит', *англ.* *оxen быки* и *boys мальчики*, *constructed сооруженный* и *taken взятый*. В ту или другую формулу строения словосочетания или предложения может входить любая из синонимических форм независимо от ее внешних особенностей. Так, в формулу строения, представленную словосочетанием (предложением) 'нет столов', к качестве второго ее члена могут выступать и словоформы 'ножей', 'карандашей', 'стульев', 'сапог' и пр., поскольку в них заключены формы, синонимические с той, которая имеется в словоформе 'столов'. Таким образом, с точки зрения строения словосочетаний и предложений синонимические формы представляют собой нечто одно и то же, по отношению к чему они являются как бы лишь разновидностями или супплетивными средствами выражения. Такое «одно и то же» обычно также называют (грамматической) формой, например формой родительного падежа множественного числа, как и каждый отдельный член синонимического ряда форм, отличающийся по своей внешней стороне от других членов этого ряда. Между тем, конечно, необходимо различать и то и другое.

Каждый особый по своей внешней стороне член сино-

нимического ряда форм не только представляет собой данную форму вообще, но и характеризует определенный тип слов, почему он и может быть назван типоформой, в отличие от соответствующей формы вообще, представленной всем синонимическим рядом форм различных типов слов, т. е. всем рядом типоформ, совпадающих по значению. Таким образом, форма, выделяемая в разных словоформах как одно и то же не только по значению, но и по своей материальной оболочке, как, например, в словоформах 'столов', 'кустов', 'крестов' и пр., определяется конкретнее и точнее как типоформа. Словоформы 'столов' и 'этажей' представляют собой разные типоформы, но одну и ту же форму как таковую — форму родительного падежа множественного числа.

Скрещение конкретного слова с определенной формой как таковой есть определенная словоформа, а скрещение определенного типа слов с той же формой приводит к выделению типоформы. Парадигма же может быть теперь определена более точно как система типоформ. Так, слова 'стол' и 'куст' имеют одну и ту же парадигму, а 'стол' и 'этаж' — разные парадигмы (поскольку имеются в виду как формы единственного, так и формы множественного числа).

§ 28. Система (грамматических) форм как таковых в отвлечении от различий между отдельными типами представляет собой ту или иную парадигматическую схему, которая может быть представлена большим или меньшим числом различных парадигм, каждая из которых в свою очередь охватывает большее или меньшее число конкретных слов. Так, слова 'стол' и 'этаж', различаясь своими парадигмами, объединяются общей парадигматической схемой: в их парадигмах, различающихся по родительному падежу множественного числа, представлена одна и та же система падежно-числовых форм как таковых. Точно таким же образом одну и ту же парадигматическую схему будут представлять и английские *child ребенок* и *boy мальчик*, хотя они будут различаться в двух падежно-числовых формах из четырех (*children—boys, children's—boys*).

§ 29. Значения тех или других форм могут представлять собой известные комплексы элементарных значений, т. е. таких значений, которые далее уже не разложимы на отдельные

друг от друга и одновременно осознаваемые значения. Так, например, значение грамматической формы, представленной словоформой 'столов', является комплексным значением, в котором выделяются элементарные значения родительного падежа и множественного числа.

Такие элементарные значения оказываются соотносительными с другими элементарными значениями того же порядка и мыслятся как видовые значения по отношению к более общим, родовым значениям. Так, значение родительного падежа соотносительно со значением всех других падежей мыслится как видовое по отношению к значению падежа вообще. Это общее, родовое значение выражается в целом как таковое в систематическом противопоставлении различных рядов форм, содержащих соответствующие видовые значения, по линии именно этих значений. Так, значение падежа как такового выражается в противопоставлении форм, имеющих значение отдельных падежей, именно как форм разных падежей, т. е., иначе говоря, значение падежа выражается в изменении слова по падежам. Поэтому в языке никогда не может быть, например, только одного падежа: если нет разных падежей (хотя бы только двух), то нет и противопоставления разных форм, выражающего значение падежа, и нет падежа вообще.

Та или иная единица, имеющая только в высшей степени общее значение, представленное отдельными, объединяемыми и обобщаемыми в нем (т. е. относительно более частными) видовыми значениями, и выражающая это свое общее значение в систематическом противопоставлении различных форм, и может быть с наибольшим основанием определена как формальная категория языка. Таким образом, например, к числу формальных категорий языка относятся такие единицы, как падеж, число, лицо, склонение, время в русском, английском, латинском, греческом, немецком и ряде других языков.

Далее, из сказанного можно видеть, что под (формальной) категорией здесь понимается именно некоторая единица языка, а не только известное значение (как она определяется в «Лингвистическом словаре» проф. Л. И. Жиркова, изд. 2-ое, 1946; по существу то же самое и у акад. А. А. Шахматова, «Синтаксис русского языка», стр. 120). И, вместе с тем, эта единица понимается не просто как определенный ряд форм (ср. у А. М. Пешковского, «Русский синтаксис в научном осве-

шении», 1934, стр. 26), но как нечто общее, выделяемое в известных рядах форм и на основе своего значения и на основе того, что это значение выражается в этих рядах равным образом путем систематического противопоставления различных форм, даже и в том случае, когда данные ряды и не совсем одинаковы по составляющим их формам. Так, например, категория падежа выявляется и в формах различных падежей единственного числа и в формах различных падежей множественного числа, хотя эти формы и неодинаковы.

§ 30. Наконец, думается, что следует избегать применения термина «категория» к таким единицам, как именительный падеж, родительный падеж и т. д., множественное число, первое лицо, второе лицо и т. д., так как при таком употреблении этого термина он утрачивает свой специальный характер, свое специфическое, точное значение. К сожалению, такое употребление этого термина очень распространено.

Те формы, в противопоставлении которых выявляется данная (формальная) категория, являются разными формами этой категории. Напротив, те формы, которые вообще относятся к данной категории, но не противопоставляются в ней, так как содержат одно и то же элементарное значение, являющееся видовым по отношению к общему значению этой категории, представляют собой нечто единое с точки зрения этой категории, одну форму этой категории, или одну категориальную форму.

Например, форма родительного падежа единственного числа и форма родительного падежа множественного числа, будучи разными формами с точки зрения парадигматической схемы, являются разными именно по линии категории числа, но по линии категории падежа они представляют собой одно и то же, одну категориальную форму — форму родительного падежа вообще, или просто родительный падеж. То же относится и к таким явлениям, как 1-ое лицо, настоящее время, изъявительное наклонение, страдательный залог и т. п.: все они представляют собой отдельные категориальные формы, принадлежащие той или другой формальной категории.

§ 31. В формулы словосочетаний и предложений входят в качестве отдельных их частей, или членов, во всяком случае как правило, не определенные типоформы, а более обоб-

ценные единицы, в частности — формы как таковые, в том смысле, как они были определены в отличие от типоформ.

К этому следует добавить, что в более общие формулы такие формы входят большей частью уже соответственно тому, какие категориальные формы они собой представляют, так что в качестве членов более общих формул выступают уже категориальные формы. Так, при дальнейшем обобщении той формулы строения, которая представлена словосочетанием (предложением) 'нет столов', ее вторым членом окажется уже не форма родительного падежа множественного числа, а категориальная форма — родительного падежа.

Таким образом, именно категориальные формы во многих случаях являются как бы связующим звеном между конкретной словоформой и той или другой формулой словосочетания или предложения: в конкретной словоформе выявляется определенная типоформа, в этой последней — известная форма как таковая, а эта форма представляет собой как бы скрещение различных категориальных форм, та или другая из которых и выступает как некоторый член данной формулы словосочетания или предложения.

§ 32. Отдельная типоформа обычно представляет собой в основном конкретно-материальную единицу в том смысле, что ее внешняя сторона содержит в себе определенный звуковой комплекс или хотя бы один определенный звук-фонему (или «нуль» как характерный отличительный признак).

Так, типоформа, которую мы находим в английских словоформах *speaking говорящий*, *writing пишущий* и пр., имеет в своей материальной оболочке звуко сочетание, изображаемое на письме через *-ing*, и она может быть изображена в виде, например, *V + ing*, где *V* — глагольная основа, от конкретности которой, конечно, происходит отвлечение, поскольку выделяется именно типоформа.

Но, как уже было отмечено, конкретно-материальный элемент в типоформе может быть осложнен и некоторым относительным моментом, а в отдельных случаях вся внешняя сторона типоформы может иметь лишь относительно-материальный характер (ср. сказанное о словоформе *teeth*, которая представляет собой в точности ту же типоформу, что и *geese*; см. § 23).

§ 33. Формы как таковые представляют собой в общем конкретно-материальные единицы языка в той же мере, что и типоформы, с той лишь разницей, что их материальная оболочка может выступать в виде большего или меньшего ряда различных звуковых комплексов и отдельных звуков (фонем) (в частности в этот ряд может входить и «нуль»). Так, например, такой ряд, какой орфографически изображается в виде '-ОВ', '-ев', '-ей', «нуль», представляет собой вполне конкретно-материальную величину в качестве элемента внешней стороны формы родительного падежа множественного числа существительных в русском языке ('столов', 'заводов', 'краев', 'братьев', 'коней', 'мышей', 'олений', 'сапог', 'одежд', 'окон', 'стай', 'станций' и пр.).

§ 34. Напротив, категориальные формы по их звуковой оболочке при флективном строении должны быть признаны лишь относительно-материальными единицами, так как никакие конкретные звуки (фонемы) в таких словоформах, как 'столов', 'стола', 'этажей' и пр., не могут быть выделены в качестве принадлежащих именно данной категориальной форме, например, родительному падежу как таковому, в отвлечении от числа, единственного или множественного: значение категориальной формы родительного падежа отделяется от значения единственного или множественного числа на основе лишь противопоставления материально различных форм, а не выделения какого-либо звукового отрезка в качестве конкретного выразителя этого значения. Но при агглютинативном строении и категориальные формы могут иметь достаточно конкретно-материальный характер: ср. *шведск.* blomma *цветок* — blommor *цветы*, blommas *цветка* — blommors *цветов*, где -a- выделяется как внешний выразитель категориальной формы единственного числа, а -og— множественного числа, безотносительно к категории падежа, тогда как «нуль» и -s выделяются в качестве средств выражения категориальных форм «общего» и «притяжательного» падежей соответственно. До некоторой степени аналогичное явление можно наблюдать и в таких английских словоформах, как children's *детей*, oxen's *быков*, где -ep- выступает в качестве выразителя категориальной формы множественного числа, а -s в качестве выразителя категориальной формы притяжательного падежа.

§ 35. Необходимо не упускать из виду, что все формы, о которых шла речь, являются формами слов. Выделение тех или других форм связано с отвлечением от конкретности слова, но и при этом отвлечении остается, в общем виде, принадлежность формы слову и притом обычно слову определенного разряда, что находится в тесной связи с тем, что отдельная форма есть часть некоторой парадигматической схемы, а последняя есть единица-система, принадлежащая словам определенного разряда, который ею и характеризуется как целое.

Например, форма родительного падежа единственного числа в русском языке входит в парадигматическую схему имени существительного (в широком смысле слова, включая и субстантивные местоимения), тогда как соответствующей единицей в парадигматической схеме прилагательного (также в широком смысле слова) является форма родительного падежа единственного числа определенного рода (мужского, женского или среднего; в известных же разрядах прилагательных их формы осложняются еще категорией степени сравнения). В существительных же род, как известно, выявляется не в противопоставлении отдельных форм в парадигматической схеме, а в противопоставлении отдельных разрядов слов — отчасти по их парадигмам (следовательно, по их типотформам), в общем же случае — по сочетаемости слов с определенными формами категории рода, принадлежащими другим словам.

Вообще можно сказать, что различные разряды слов могут отличаться друг от друга своими парадигмами, своими парадигматическими схемами и своей сочетаемостью со словами других разрядов или с определенными категориальными формами, причем отдельными из этих признаков и известными соединениями их могут выделяться разные разряды слов, находящиеся в различных отношениях друг к другу.

В противопоставлении друг другу различных соотносительных разрядов слов выявляются известные словесные категории, в общем подобно тому, как в противопоставлении друг другу соотносительных форм слов выявляются категории формальные. Если последние выступают как системы категориальных форм, то словесные категории выступают как системы категориальных разрядов слов, т. е. раз-

рядов слов, сопоставляемых и противопоставляемых в данной словесной категории.

В частности, категория части речи (или, как обычно говорят, частей речи) есть определенная словесная категория, тогда как имя существительное, имя прилагательное, глагол и пр. являются отдельными образующими ее категориальными разрядами слов, т. е. отдельными разрядами слов, выделяемыми в этой категории: они относятся друг к другу и ко всей категории части речи в общем подобно тому, как отдельные падежи относятся друг к другу и к категории падежа в целом. Категория рода у существительных также представляет собой определенную словесную категорию, хотя и более узкую, чем категория части речи; отдельные же роды существительных являются категориальными разрядами, образующими эту словесную категорию.

Поскольку различные разряды слов характеризуются определенными парадигмами и парадигматическими схемами, а также и определенными признаками сочетаемости, постольку словесные категории в общем являются парадигматическими и комбинаторными категориями, или, короче говоря, комбинаторно-парадигматическими категориями, причем в различных случаях тот или другой из характеризующих их компонентов может выступать более отчетливо.

Нетрудно заметить, что в формулы строения словосочетаний и предложений наряду с категориальными формами входят и категориальные разряды слов, и оба эти элемента в составе формулы строения словосочетания или предложения могут находиться в различных отношениях друг к другу.

§ 36. Находясь в том или другом определенном отношении друг к другу и будучи определенным образом соединенными друг с другом в формуле строения словосочетания или предложения, категориальные формы и категориальные разряды слов приобретают в такой формуле особое дополнительное значение, которое может быть определено как их функция, или роль, в качестве частей или членов данной формулы.

Так как та или другая функция этих элементов является так или иначе внешне выраженной, отчасти самими данными элементами, отчасти отношением между ними, их сопоставлением друг с другом в формуле, то отдельные части формулы как таковые, характеризующиеся определенной функцией, могут

быть признаны единицами языка, представляющими собой части известных строевых единиц — наиболее обобщенных формул строения словосочетаний или предложений. Особый тип таких единиц представляют собой так называемые члены предложения.

§ 37. Наконец, следует добавить некоторые замечания относительно предложения.

Выше говорилось о том, что предложения во всей их конкретности и цельности не являются единицами языка как средства общения, но представляют собой уже известные произведения, создаваемые в процессе применения этого средства, — произведения, относящиеся к различным областям жизни, обслуживаемым языком. Вместе с тем, предложения представляют собой основные единицы языкового материала, подлежащие лингвистическому изучению для извлечения из них единиц самого языка, для определения роли каждой из этих последних, для выяснения связей и взаимодействия между ними в процессе применения языка как важнейшего средства человеческого общения. При этом было отмечено то, что в предложениях мы находим известные формулы строения, которые являются определенными единицами языка — в отличие от предложений во всей их конкретности и цельности, — подобно тому, как единицами языка являются отдельные слова и фразеологические единицы, находимые в предложениях, — в отличие от конкретных сочетаний слов или конкретных сочетаний фразеологических единиц со словами. Вместе с тем, однако, в предыдущем изложении не проводилось определенного различия между формулами строения предложений и формулами строения словосочетаний, поскольку те и другие могут до известной степени сближаться. Между тем различие тех и других существенно необходимо.

Словосочетание оформляется формулой своего строения, которая придает дополнительное значение отдельным его компонентам, поскольку как части одного словосочетания они ставятся в определенное отношение друг к другу. В предложении используется то, что имеется в словосочетании: и то, что в нем принадлежит отдельным словам (словоформам), и то, что принадлежит самой формуле словосочетания. Но ко всему этому в нем добавляется нечто качественно отличное

от того, что дано в словосочетании: выражение общей направленности, целеустремленности или мотива данного высказывания, т. е. определенного законченного отрезка речи. Это связано именно с интонацией, характерной для предложения того или другого типа.

Никакое предложение, взятое в отвлечении от соответствующей интонации, просто как сочетание слов, не является настоящим, живым предложением: оно будет так же отличаться от этого последнего, как труп отличается от живого существа. Важно заметить, что даже предикативное словосочетание, вроде 'он пришел', без соответствующей интонации не имеет полноты и законченности предложения.

Среди формул строения предложений* имеются и различные формулы строения словосочетаний, и различные формулы соединения отдельных словосочетаний, и «одночленные» формулы строения, т. е. формулы изоляции слова, выявляющиеся в однословных предложениях, до некоторой степени аналогичные тому, что мы находим в строении одноморфемных слов. При этом, разумеется, некоторые из всех этих различных формул строения могут быть более типичными именно для предложений, чем другие, но все же все они сами по себе являются лишь составными частями собственно формул предложений, так как каждая из этих последних, помимо определенной формулы строения, включает в себя, по крайней мере, поскольку об этом можно судить по европейским языкам, также и определенную интонационную единицу (более или менее сложную, в зависимости от состава и строения данного типа предложения). Таким образом, собственно формулы предложений являются комплексными единицами языка, которые могут быть определены как интонационно-строительные единицы.

2. РАЗГРАНИЧЕНИЕ МЕЖДУ ЛЕКСИЧЕСКИМИ И ГРАММАТИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ

§ 38. Если теперь попытаться разобраться во всей сложной системе различных единиц языка, — особенно сложной по-

* В своих самых последних лекциях А. И. Смирницкий указывал, что готовые формулы возможно извлечь лишь из простейших предложений и что в остальных случаях мы имеем дело не с формулами, а с различными способами построения предложений. (*Примечание редактора.*)

тому, что в ней одни единицы пересекаются с другими, одни являются системами и обобщениями других, — то в основных чертах эту систему можно примерно представить в таком виде:

Теми единицами, которые регулярно и непосредственно используются в речи как части общей системы языка, непосредственно необходимыми для создания конкретного высказывания в процессе применения языка как средства общения людей в той или иной сфере их деятельности как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту, являются слова, с одной стороны, и формулы строения предложений и интонационные единицы, — с другой. При этом можно сказать, что формулы строения предложений и интонационные единицы, противопоставляясь вместе словарному материалу, объединяются в комплексные формулы предложений. Сами же образуемые в этом процессе конкретные высказывания-предложения, выражающие определенные мысли, взгляды и интересы, как произведения, создаваемые путем применения языка, уже выходят за его пределы, являясь, однако, тем материалом, в котором языковед находит свой предмет, — язык, — в его жизни, так как жизнь языка — в его применении, и, не будучи применяем, язык умирает.

В той же роли, что и слова, выступают фразеологические единицы, общая совокупность которых представляет собой некоторое добавление к словарному составу или особую область внутри его. Отличаются фразеологические единицы от слов в основном тем, что по своему строению они подобны словосочетаниям, а не отдельным целым словам.

Формулы строения словосочетаний являются как формулами строения предложений — в тех случаях, когда последние не одночленны, — так и формулами, входящими в более сложные формулы строения предложений в качестве отдельных выделяемых в них компонентов или как средство развития, распространения отдельных их членов. В качестве формул строения фразеологических единиц формулы строения словосочетаний уже не имеют прямого отношения к формулам строения предложений и вместе с этим они уже более или менее утрачивают свой специфический характер.

Слова могут представлять собой системы различных словоформ. Каждая словоформа в таком случае представляет собой, с одной стороны, определенное конкретное слово как нечто тождественное в разных словоформах, принадлежащих к системе этого слова; с другой стороны, — определенную форму как таковую, как нечто тождественное в некотором ряде словоформ, принадлежащих к системам разных слов. Словоформы, представляющие собой одну и ту же форму в одинаково образованной внешней, звуковой ее оболочке, объединяются в одну типформу. Система типформ, представленных словоформами, образующими одно слово, является парадигмой слова. Отдельная типформа выделяется как особая единица в составе отдельных словоформ, представляющих собой ту же форму как таковую; определенная же парадигма выделяется как особая единица в составе слов одного типа. Другой единицей, входящей в состав слова как целого, является основа слова, которая в составе отдельных словоформ может быть представлена особыми вариантами или разнокорневыми образованиями. В качестве соединения основы с парадигмой слово выступает в аспекте лексемы: не в виде системы готовых словоформ, а как такая система, в которой отдельные словоформы всегда могут быть образованы. Но для определенности лексемы необходимо наличие некоторых отдельных словоформ, определяющих основу и парадигму слова, т. е. позволяющих выделить эти единицы в его составе. В отличие от типформ, образующих парадигмы, формы как таковые, т. е. безотносительно к внешним различиям отдельных типформ, которыми они могут быть представлены, образуют определенные системы — парадигматические схемы, — которые выделяются в целых разрядах слов, могущих охватывать несколько различных типов.

В противопоставлении различных форм друг другу по линии определенных соотносительных значений выявляется соответствующая (формальная) категория, к значению которой отдельные противопоставляемые в данном случае значения относятся как видовые понятия к родовому. Все формы, совпадающие друг с другом по тому значению, по которому они противопоставляются другим формам в данной категории, выступают в пределах этой категории как одна единица — одна категориальная форма, безотносительно

к различиям между ними по линии других значений, связанных с другими категориями.

В противопоставлении друг другу определенных разрядов слов, выделяемых по парадигмам, по парадигматическим схемам и по сочетаемости с другими разрядами слов и с теми или другими категориальными формами, выявляются известные словесные категории, по отношению к которым отдельные противопоставляемые в каждой данной категории разряды выступают как соответствующие категориальные разряды слов. Части речи являются определенными категориальными разрядами слов, представляющими словесную категорию части речи вообще.

В качестве отдельных частей формул строения словосочетаний или предложений обычно выступают определенные категориальные формы и категориальные разряды слов, в чем и проявляется соединимость конкретных слов с теми или другими формулами строения словосочетаний или предложений (а вместе с тем и их соединимость друг с другом), так как в конкретных словоформах выявляются определенные категориальные формы, а каждое конкретное слово является представителем определенного категориального разряда слов*. В соединении с определенной формулой строения словосочетания или предложения данная категориальная форма или слово данного категориального разряда выступает с известным дополнительным значением, выражаемым ее или его участием в этой формуле, и, таким образом, функционирует в качестве особой единицы — определенной части словосочетания или определенного члена предложения.

Конкретная словоформа, будучи представителем слова, а тем самым и определенного разряда (или даже нескольких разрядов) слов, и вместе с тем представителем определенной формы, в которой могут соединяться разные категориальные формы, является, так сказать, скрещением или узлом языковых единиц различного порядка. В то же самое время она

* Само собой разумеется, что категориальный разряд слова и все другие относящиеся сюда моменты, отмеченные выше (парадигма слова, представляемая ею парадигматическая схема и пр.), выделяются в результате сознательного или бессознательного анализа связной речи. Но поскольку все эти моменты уже выделены, постольку они уже существуют как данные вместе с самим словом и определяют его дальнейшее применение в речи.

содержит в себе несколько морфем или хотя бы одну морфему и определенную формулу строения, хотя бы и «нулевую». Одна и та же морфема в различных словоформах (и словах) может встречаться в разных формах-вариантах, что, однако, не ведет к ее расчленению.

Конечно, в данном выше схематическом обзоре системы языка учтены не все моменты, которые выделяются в ней как особые единицы того или иного порядка, имеющие характер единиц языка в том смысле, какой был определен прежде, чем было начато рассмотрение отдельных единиц. Тем не менее, можно полагать, что общая картина переплетения и взаимоотношения различных единиц достаточно ясно выступает в основных своих чертах.

§ 39. Где же проходит в этой сложной системе та основная грань, которая делит ее на два основных компонента языка — словарный и грамматический, — подлежащих изучению в особых разделах языкознания?

Очевидно, что эту грань мы должны искать прежде всего там, где язык выступает полностью, где встречаются вместе все различные его единицы: в связной речи.

Выделяя в речи отдельные предложения, а в предложениях — отдельные слова, мы вместе с тем выделяем и различные формулы строения предложений, и различные интонационные единицы, участвующие в образовании предложений. И те и другие противостоят словам как организующие моменты, отличающие связную речь от простой совокупности представленных в ней слов. Таким образом, соединение слов именно с этими единицами языка делает употребление слов в процессе общения осмысленным, дает язык в действии, создает совершенно новое качество — качество связной осмысленной речи, которая, образуясь из единиц языка, вместе с тем уже выходит за его пределы, представляя собой произведения, относящиеся к тем или иным областям человеческой деятельности.

Никакое другое соединение единиц языка не дает этого нового качества, не дает произведений, выходящих за пределы языка и имеющих актуальность, жизненное значение в той или иной сфере взаимоотношений между людьми. Всякое другое соединение единиц языка дает либо какие-нибудь единицы лишь самого языка (слова, фразеологические еди-

ницы, словоформы и пр.), либо только закономерное сочетание самих данных единиц (словосочетание), либо вообще не дает ничего целого (бессмысленное соединение морфем, слов и пр.).

Отсюда ясно, что наиболее существенная грань в самой структуре языка, во всей системе его единиц, проходит между тем, что относится к соединению слов с организующими моментами связной речи, и всем остальным. Так как организующими моментами связной речи являются формулы строения предложений и интонационные единицы предложений, которые вместе образуют (комплексные) формулы предложений, то можно сказать, что грань эта проходит между тем, что относится к соединению слов с формулами предложений, и всем остальным, что входит в систему единиц языка.

Поскольку эта грань является наиболее существенной, постольку, следовательно, и разделяемые ею компоненты языка, или области его системы, являются наиболее существенно различными, почему их различие и служит основанием для выделения соответствующих особых разделов языкознания. То, что относится к соединению слов с комплексными формулами предложения, и есть грамматический строй, или грамматика, как область языка, остальное же принадлежит к области словарного состава, или лексики, и соответственно этому выделяются грамматика и лексикология как разделы языкознания.

Из сказанного ясно, что формулы строения предложений целиком входят в грамматический строй, в область грамматики языка. Они и есть существующие в языке и открываемые в нем наукой законы соединения слов в предложении. Не чем иным, как частным случаем этих правил, являются и правила употребления одного слова как единственного члена предложения: в таком случае мы имеем правила соединения слов с «нулем», так как осмысленная изоляция слова, имеющая определенное значение для образования предложений, входит в один ряд с правилами соединения слов в предложении.

Интонационные единицы языка как входящие в формулы предложений, т. е. как такие моменты, которые, наряду с формулами строения предложений, отличают связную речь от простой суммы имеющихся в ней слов, от использованного в ней строительного материала языка, очевидно, также целиком принадлежат области грамматического строя языка.

Конечно, интонационные единицы являются единицами особого рода в грамматическом строе языка, и учение об интонации предложений естественно выделяется в особое подразделение грамматики, но не в особый раздел языкознания, который был бы соотносительным с грамматикой.

Но ведь к соединению слов с комплексными формулами предложений относятся, по-видимому, и сами слова как необходимые компоненты всякого такого соединения. Это, конечно, так. Без слов, разумеется, невозможно и их соединение с другими единицами, да и сами формулы строения предложений, правила соединения слов в предложения, равно как и интонационные единицы, предполагают наличие слов. Тем не менее, словарный состав языка представляет собой особую область системы языка и не включается в грамматический строй языка так, как в него включаются формулы строения предложений и интонационные единицы.

Решающее значение для понимания существующего в действительности отношения между грамматическим строем и словарным составом языка имеет тот факт, что отличительной чертой грамматики является отвлечение общего от частного и конкретного; грамматика абстрагируется от всех частных, от всего конкретного, как в словах, так и в предложениях.

Слова относятся к грамматическому строю языка, но относятся к нему только как представители того общего в них, что существенно для их соединения с теми или другими формулами строения предложений и интонационными единицами.

Не только все конкретное и частное, но даже более или менее общее, если оно не имеет отношения к соединению слова с формулами предложения, принадлежит в слове не к грамматическому строю языка, а к лексике, к области словарного состава. Так, например, то, что 'красный' обозначает один цвет, а 'черный' — другой, причем одно значение выражается звуковым комплексом [краен], а другое — звуковым комплексом [чорн], относится целиком к области словарного состава, так как не имеет никакого отношения к соединению этих слов с формулами предложений. Так же и то, что, например, в словах 'седоголовый', 'длинноногий', 'горбоносый', 'черноглазый', 'быстрокрылый' и т. п. основы являются сложными, на том же основании относится к

области лексики, хотя эта особенность и выступает как общая для целого ряда слов.

Отсюда следует, что вообще словообразование как таковое принадлежит к области словарного состава.

Напротив, словоизменение как таковое находится в сфере грамматического строя языка. Это непосредственно связано с тем, что изменяемые слова соединяются с формулами предложений в виде определенных словоформ, причем возможность включения тех или других словоформ преимущественно зависит при прочих равных условиях от того, какие категориальные формы представлены данными словоформами.

Говоря о словоизменении, которое может быть названо также и формообразованием, необходимо обратить внимание на то, что все формальные категории, относящиеся к нему, принадлежат грамматическому строю языка, независимо от того, в какой мере существенными представляются они с точки зрения соединимости отдельных словоформ с теми или иными формулами строения предложений. Так, например, для вхождения отдельных словоформ в общую формулу строения предложения, находимую в таких предложениях, как 'Здесь нет стола', 'Здесь нет столов', 'Там не было воды', 'Тут не висело картин' и т. п., категория числа у имен и категория времени у глаголов представляются несущественными. Важно, однако, то, что выбор определенных словоформ или их образование происходит также и по линии этих категорий именно в связи с введением слова в формулу предложения, не говоря уже о том, что в других формулах эти же категории могут непосредственно участвовать (ср. 'Этот стол дубовый', 'Эти столы дубовые' и пр.; сама формула строения таких предложений, хотя она и не включает в себя определенной категориальной формы числа, не безразлична к категории числа, так как она требует, чтобы все соединяемые с ней словоформы представляли одну и ту же категориальную форму числа).

Очевидно, что деление слов по тем разрядам, которые учитываются в формулах строения предложений, так же как и словоизменение, с которым оно нередко оказывается связанным через парадигматические схемы, принадлежит к области грамматического строя. Поэтому такие разряды с полным основанием называются грамматическими разрядами

слов, так же как и формы, находимые в словах (в виде отдельных словоформ), в отличие от того, что было определено выше как варианты слов, вполне обоснованно называются грамматическими формами слов, а соответствующие формальные категории — грамматическими категориями.

§ 40. Теперь оказывается возможным указать на основные характерные признаки грамматической единицы, отличающие ее от лексической единицы. Возможно, по-видимому, выделить два основных признака.

1. Грамматические явления (как относящиеся к изменению, так и относящиеся к сочетанию слов в предложении) объединяются тем, что ими обуславливается связность речи, образование в процессе пользования языком целых речевых произведений: отдельных предложений, более сложных высказываний, повествований, рассуждений и пр. Связность же речи и образование в ней осмысленных, более или менее законченных и сложных произведений из словарного материала определяются тем, что в речи выражаются мысли не только о предметах, явлениях и их свойствах в отдельности, но и мысли об отношениях, в которых выступают соответствующие предметы, явления и свойства в тех или других случаях. Следовательно, грамматические единицы языка, явления его грамматического строя выражают мысли именно о таких отношениях и тем самым обозначают такие отношения.

2. Грамматические явления (как явления изменения слов, так и явления их сочетания в предложении) представляют собой нечто, относящееся к словам и в чем участвуют слова, но не сами слова как таковые. Следовательно, общим для грамматических явлений оказывается и то, что отношения, обозначаемые через них, обозначаются не самими словами, а какими-либо дополнительными к словам средствами, каковыми и являются, в частности, изменение слов и сочетание слов.

Таким образом, в определении грамматической единицы языка, т. е. отдельного грамматического явления, должны учитываться и внутренняя сторона — значение отношения, — и сторона внешняя — выражение этого значения не самими словами как таковыми. Тем самым явления грамматического строя будут определены лингвистически как

действительно единицы языка, единицы двусторонние, соединяющие в себе определенное значение в качестве внутренней стороны с определенным материальным выражением, являющимся стороной внешней.

Невнимание к той или другой из двух сторон грамматических явлений приводит к смешению существенно различных фактов, к искаженному, противоречивому и запутанному изображению того, что имеется в действительности.

До сих пор широко распространено как у нас, так и за рубежом, определение грамматического момента исключительно или преимущественно со стороны внутренней, что является злоупотреблением семантикой. Так, исходя из такого одностороннего определения, нередко объявляют предлоги целиком грамматическими единицами, поскольку они «выражают» (т. е. обозначают) отношения. При этом или утверждается, что у предлогов (по крайней мере у некоторых) нет лексического значения, или что само лексическое значение является у них грамматическим (что уже совсем делает неясным существо различия между лексикой и грамматическим строем). Между тем, если серьезно вдуматься в существо дела, надо признать невозможным отсутствие у предлогов лексического значения, поскольку предлоги являются все же конкретными словами (так как значение, выражаемое конкретным словом, есть значение именно данного слова, значение словарное, т. е. лексическое). Отрицание у предлогов лексического значения есть, если быть последовательным, отрицание того, что предлоги являются словами. Но тогда нужно прямо признать их морфемами, что, однако, приведет к пренебрежению существенным различием между грамматическим аффиксом, оформляющим слово как таковое (в данной его форме), и предлогом, без которого слово все же является оформленным как слово: ведь, например, 'окн-' без '-а' родительного падежа единственного числа или без '-у' дательного падежа и т. д. вообще не есть слово, тогда как 'окна' в сочетании 'у окна' или 'окну' в сочетании 'к окну' представляет собой оформленное слово и без предлогов 'у', 'к' (не говоря уже о том, что последние легко отделяются в речи: ср. 'у широко открытого выходящего на южную сторону окна', 'к высоко над землей расположенному небольшому окну'). Пренебрежение таким различием есть не что иное, как пренебрежение языковой материей, подмена лингвисти-

ческого анализа логическим, идеалистическая трактовка языковых явлений.

Пренебрежение материальной, внешней стороной грамматических явлений делает рассуждения по поводу различия между лексической и грамматической абстракцией схоластическими и бесплодными. Конечно, в значении слова 'дом' мы имеем абстракцию иного характера, чем в значении дательного падежа. Но и значение слова 'субстанция' отличается по характеру абстракции от значения слова 'дом', и чтобы понять все эти различия в том виде, как они реально представлены языком, необходимо учитывать и то, как и чем они выражаются. Между характером значения (и соответствующей абстракцией) и способом его выражения есть известная связь. Так, значение 'дом' всегда имеет слово для своего выражения. Но связь между характером значения и способом его выражения не является, так сказать, «жесткой», причем возможность сдвига состоит именно в том, что значения отношения могут получать выражение словами. Но значения вещественные вряд ли когда-либо находят несловарное выражение. Очень важной характерной чертой каждого языка является именно то, какие значения отношений выражаются в нем конкретными словами как таковыми, а какие — несловарными средствами. Это представляет первостепенный интерес с точки зрения языкознания (а не логики), тем более что сам способ выражения наталкивает на различное осмысление факта: хотя axb то же самое, что ab , но в первом выражении «умножение» выделяется как «действие», во втором же внимание от «действия» отвлекается, и весь факт освещается как некоторая готовая величина, состоящая из множителей. Переводя этот пример на «лингвистический язык», можно было бы сказать, что в случае выражения axb «отношение» между a и b выделяется уже и как некоторое «явление», тогда как собственно в виде отношения представлены «отношение между a и умножением» и «отношение между умножением и b »; напротив, в случае ab само «умножение» представлено только как отношение.

Недооценка внутренней, смысловой стороны при определении специфики грамматических явлений большей частью выражается в том, что и значения словообразовательных аффиксов и значения грамматические рассматриваются как «оттенки» основного корневого значения, как вносимые в

него «видоизменения». Тем самым словопроизводство (а значит, и вообще словообразование) смешивается с грамматическим строем, и существенное различие между основными компонентами языка — его словарным составом и грамматическим строем — оказывается четко не выделенным. А вместе с этим и слово как основная единица языка не получает правильного освещения: ведь если различие между двумя грамматическими формами того же слова ('дом', 'дома', 'дому'...) и двумя разными словами ('дом/дома/дому...' — наречие 'дома') есть различие только между разными «оттенками», то слово как единство отдельных его форм и словопроизводственное гнездо оказываются не столь принципиально различными, и слово как особая единица теряется в массе различных образований.

§ 41. Итак, в свете сказанного выше о составе и строе языка взаимоотношение между лексикологией и грамматикой в общем вырисовывается в следующем виде:

Лексикология изучает словарный состав как таковой, как строительный материал языка. Словоупотребление и сочетаемость конкретных слов — лексем — друг с другом по линии их собственных значений, а не значений их форм, естественно находятся в ведении лексикологии. Словообразование также относится к области лексикологии. Поскольку фразеологические единицы являются эквивалентами слов, они также изучаются лексикологией — в широком смысле слова, — в частности, фразеологией как ее подразделением, которому противопоставляется собственно лексикология, или лексикологическое учение о слове.

Грамматика изучает соединение слов с формулами предложений. С этим связано то, что она изучает и словоизменение (формообразование) и собственно закономерности сочетания слов в предложениях в отвлечении от конкретности слов, а вместе с этим — и закономерности образования предложения из одного слова. Соответственно этому она и делится на морфологию и синтаксис. Особой частью грамматики, примыкающей именно к синтаксису, является учение об интонации предложений.

Глава II

ПРЕДМЕТ СИНТАКСИСА

§ 42. Нередко термином «синтаксис» недифференцированно обозначается как сам синтаксический строй языка, существующий вне и независимо от нашего сознания, так и учение о синтаксическом строе языка — известный раздел науки о языке (ср. 'физиология' — наука и 'физиология' — физиологические явления). При построении любой науки и определении ее основных понятий необходимо тщательно различать, с одной стороны, сам изучаемый предмет, а с другой стороны, — науку о нем. А для этого необходимо всячески избегать употребления одного и того же термина при обозначении того и другого.

Представляется целесообразным, оставив термин «синтаксис» за соответствующим разделом языковедческой науки, предмет этой науки обозначать термином «синтаксический строй», подобно тому как предмет грамматики обозначается термином «грамматический строй».

§ 43. Существуют самые различные определения синтаксиса; однако все они, несмотря на то, что они не совпадают в тех или иных частностях и деталях, достаточно ясно обнаруживают следующие два понимания синтаксиса: согласно первому определению синтаксис представляет собой учение о словосочетании, а согласно второму определению синтаксис является учением о предложении.

Однако ни одно из этих определений, взятое в отдельности, не является достаточно полным.

Если принять первое определение, то возникает вопрос, куда следует относить однословные предложения — такие,

как *русск.* 'Пожар!', 'Стой!', 'Вечер'; *англ.* Fire! *Огонь!* и т. п. Кроме того, остается неясным, в чем заключаются особые качества тех словосочетаний, которые имеют характер законченных высказываний, и с помощью каких средств подобные словосочетания создаются.

Точно таким же образом из поля зрения синтаксиста выпадает целый ряд явлений синтаксического строя языка, если он руководствуется вторым определением синтаксиса. В самом деле, в языке существуют известные правила сочетания слов, независимо от того, включены ли созданные с помощью этих правил сочетания в предложения или нет: ср., например, правило, согласно которому русский предлог 'до' требует после себя словоформы именно родительного, а не какого-либо другого падежа. Вот почему связь между компонентами таких английских словосочетаний, как *to look at him* *смотреть на него* или *the doctor's arrival* *прибытие доктора*, является совершенно понятной, хотя эти сочетания лишены законченного смысла и представляют собой не предложения, а лишь известные фрагменты речи.

Другой пример. В английском языке возможно сочетание переходного глагола с существительным в общем падеже (или местоимением в объектном падеже) типа *to read a book* *читать книгу* (или *to see him* *видеть его*). Такое соединение слов имеет определенный смысл, варьирующийся в зависимости от конкретного значения слов, входящих в него, который состоит в том, что данное словосочетание обозначает процесс вместе с предметом, на который этот процесс направлен (процесс+его объект). Однако само по себе подобное сочетание еще не образует предложения, как это можно легко увидеть из следующих примеров:

to read a book *читать книгу*
reading a book *чтение книги*
reading a book *читающий книгу*
(I) read a book *(Я) читал книгу*
Read a book! *Читайте книгу!* и т. п.

Из приведенных словосочетаний лишь два последние представляют собой предложение, хотя во всех них использована та же самая формула: переходный глагол + существительное в общем падеже. Тем самым правила построения предложения как такового выделяются особо, и не только они одни являют-

ся предметом синтаксиса; синтаксическому изучению подлежат также и известные отрезки речи, не являющиеся предложениями, но заключающие в себе определенные формулы сочетания слов, независимо от того, вводятся ли эти последние в законченное предложение.

§ 44. Из сказанного следует, что в качестве предмета синтаксиса необходимо выделить и предложения как таковые и сочетания слов, входящие в состав предложений; ни то, ни другое, взятое в отдельности, не составляет предмета синтаксиса в целом. Синтаксис есть наука, изучающая как правила сочетания слов, так и правила построения из этих сочетаний предложения.

§ 45. Соответственно, синтаксис как раздел грамматики распадается на две части: (1) учение о способах грамматического соединения слов, или учение о словосочетаниях, и (2) учение об образовании предложения.

Из этих двух задач синтаксиса основной является задача изучения способов образования предложений как таковых, другая же задача является подсобной. Сочетание слов есть лишь предварительная обработка слов, соединение их друг с другом для последующего введения в предложение. Как было уже замечено выше (см. § 3), любое конкретное словосочетание не представляет собой акта речи, а является лишь известным отрезком последней, поскольку оно не имеет ни смысловой законченности, ни целевой направленности. Подлинным актом речи является предложение или цепь предложений. Именно поэтому предложение выделяется в качестве единицы речи, и при этом в качестве основной единицы речи. Что касается словосочетаний, то они представляют собой единицы особого порядка — единицы в строении речи, известные куски речи, но не речь как таковую.

§ 46. Основное и принципиальное различие между предложениями — единицами речи, и словосочетаниями — единицами в строении речи, состоит в том, что первые, в отличие от последних, обладают одной из наиболее характерных особенностей речи, а именно двухлинейностью, которая выражается в наличии у них, помимо определенного звукового состава, также и известного интонационного образца (см.

§ 17). В § 37 уже указывалось, что в предложении используется то, что имеется и в словосочетании (слова, их формы, формулы строения), но ко всему этому в нем добавляется нечто качественно отличное от того, что дано в словосочетании: выражение общей направленности, целеустремленности или мотива данного высказывания, т. е. определенного законченного отрезка речи; и это связано именно с интонацией, характерной для предложения того или иного типа. Там же особо подчеркивалось, что никакое предложение, взятое в отвлечении от соответствующей интонации просто как сочетание слов, не является настоящим, живым предложением.

Именно в связи с тем, что основным условием для образования предложения, по крайней мере для европейских языков, является интонация, в английском языке нет каких-либо видимых ограничений в отношении использования форм и количества слов при построении предложений. Так, например, в высказывании *He knocked at the wall; it gave forth a wooden sound. "What is it?" "Oak!" he exclaimed* отрезок *Oak*, содержащий в себе лишь одно существительное в общем падеже, будет представлять собой законченное предложение, имеющее и смысловую законченность и определенную целенаправленность. То же самое относится и к *Yes* в высказывании *"Yes," was the reply*. Ср. также и следующие случаи:

"What do you want? Anything wrong?" "No, but don't stop." "Why not?"

"You must keep some motion on the boat!" "Keep some what?"

"What way shall we go?" "Wallingford Lock," was the reply.

"What is the name of that inn?" "The Pig and the Whistle," was the reply.

"Who is to blame?" "Who, indeed?"

Иначе говоря, для того чтобы образовать предложение, не требуется каких-либо определенных грамматических форм или определенных категорий слов; служебные слова, как известно, не выступают обычно отдельно от полнозначных слов, но и они в особых случаях могут использоваться в речи в

качестве однословных предложений: ср., например, "What is the definite article?" "The." И эта легкость образования предложений подобного типа непосредственно обусловлена тем, что формулы построения предложений являются комплексными интонационно-строевыми единицами (см. § 37), или, иначе говоря, тем, что предложения, как подлинные произведения речи, характеризуются двухлинейностью.

§ 47. Тем не менее, для предложения чрезвычайно важно наличие глагола в определенной форме, которая обычно называется личной, или предикативной. Предложение с указанной формой глагола является типичным не только для английского языка, но и для всех европейских языков, и хотя в принципе возможно построение предложения вообще без глагола (см. § 46), в подавляющем большинстве случаев актуализация всего построения связана с наличием глагола, взятого в предикативной форме. Предложения, не связанные с глаголом, являются краткими, отрывочными: высказать что-либо детальное и сложное без помощи глагола невозможно. Для развития мысли, усложнения и обогащения ее необходимо опираться на глагол в предикативной форме, использование которого, хотя и не обязательно, но типично. Можно даже сказать, что само наличие предикативных форм предполагает построение предложения. Поэтому предикативные формы глагола занимают исключительное место в синтаксической системе языка, и в дальнейшем изложении им будет уделено особое внимание.

Указанная выше необычайно важная роль предикативной формы глагола обусловлена тем, что она точно и ясно выражает отнесение к действительности всего высказывания в целом. В основном это отнесение к действительности выражается в следующих трех главных направлениях:

1. В самом общем виде: в предикативной форме глагола содержится указание на реальность или нереальность, желательность или необходимость высказываемого: ср. *Were it only true! Было бы это правдой!*, но *It is true Это правда.*

2. Предикативная форма глагола, далее, относит высказывание к определенному времени действительности — прошедшему, настоящему или будущему: ср. *He lives here Он живет здесь*, *He lived here Он жил здесь* и *He will live here Он будет жить здесь.*

3. И, наконец, в предикативной форме содержатся указания на то, каким образом высказывание относится к самим участвующим в акте речи лицам: форма 1-го лица указывает на автора речи, форма 2-го лица — на обращение к собеседнику, а форма 3-го лица на то, что данное высказывание не относится непосредственно ни к говорящему, ни к слушающему.

Эти моменты не могут быть выражены интонацией. Интонация не может выразить времени, различить лица, выделить автора речи и т. п. Хотя интонация и является универсальным средством для образования предложения, она ограничена лишь сферой выражения целенаправленности высказывания. Интонация не может указать характера отношения к действительности, и эта роль принадлежит предикативной форме глагола. Отсюда понятно, почему предложение может развиваться и уточняться лишь на базе предикативной формы глагола.

§ 48. До сих пор речь шла об основном разделе синтаксиса — учении о предложении. Что же касается другого раздела синтаксиса — учения о словосочетании, то здесь необходимо заметить следующее.

Наряду с грамматической, или точнее синтаксической, сочетаемостью слов, существует и другая сочетаемость — сочетаемость фразеологическая. Необходимо учитывать, что слова вступают в определенные отношения друг с другом также на основе их лексической семантики. Так, например, с грамматической (синтаксической) точки зрения словоформы (to) read, (a) letter, (to) kill, (a) bird могут образовать четыре различных словосочетания: to read a letter, to kill a bird, to read a bird, to kill a letter, однако с лексической точки зрения последние два словосочетания не представляются возможными; и дело здесь, конечно, не в каком-то особом характере этих слов, а в тех отношениях, которые существуют в реальной действительности между обозначаемыми этими словами процессами и предметами. Таким образом, фразеологическая сочетаемость является как бы фоном, на котором имеет место более строгое, грамматическое комбинирование элементов языка. И хотя изучением фразеологической сочетаемости занимается специальная наука — фразеология, являющаяся разделом лексикологии,

фразеологическая сочетаемость должна обязательно учитываться при изучении синтаксического строя языка.

§ 49. Выше было указано (см. § 45), что изучение закономерностей соединения (сочетания) слов является не основной и до некоторой степени подсобной задачей по отношению к изучению закономерностей построения предложения.

Тем не менее представляется целесообразным начать именно с этого вопроса, чтобы затем сосредоточиться на учении о предложении.

ЧАСТЬ II

УЧЕНИЕ О СЛОВСОЧЕТАНИИ

Глава IV

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СВЯЗИ МЕЖДУ СЛОВАМИ

§ 50. Как уже указывалось в § 48, грамматические способы соединения слов проявляются и существуют на фоне определенных лексико-семантических отношений между словами. Отдельные слова связываются друг с другом прежде всего по смыслу. Такое соединение слов по смыслу (по их лексическому значению) возможно благодаря тому, что в нашем сознании отражаются связи и отношения между обозначаемыми предметами и явлениями реального мира. Те или иные слова связываются друг с другом там и постольку, где и поскольку существуют определенные связи между соответствующими предметами и явлениями объективной действительности.

Смысловая, или лексическая, связь между словами может в целом ряде случаев иметь решающее значение не только для понимания смысла даже при отсутствии четкого грамматического оформления этой связи (как, например, в речи иностранцев, недостаточно овладевших языком), но также и для установления и уточнения самой грамматической конструкции. В частности, в предложении *She was teaching English* *Она обучала английскому языку* *was teaching* выделяется в качестве простого сказуемого, представляющего собой форму длительного вида прошедшего времени и пр. от

глагола *teach*, но внешне тождественное ему *was teaching* в предложении *Her chief occupation was teaching* Ее главным занятием было преподавание осознается уже в качестве составного сказуемого, состоящего из глагола-связки *was* и герундия от глагола *teach*. Именно такое осмысление приведенных предложений основано на оценке лексических значений составляющих его слов. В первом предложении значение местоимения *she* не допускает трактовки *teaching* как герундия; наоборот, во втором предложении значения слов *chief* и *occupation* делают такую трактовку единственно возможной.

Нередко лексические значения слов, входящих в словосочетание или предложение, определенным образом видоизменяют (модифицируют) грамматические значения использованных средств связи. Так, например, общее значение притяжательного падежа по-разному конкретизируется, выступает в том или ином конкретном значении в зависимости как от значения слова, оформленного притяжательным падежом, так и от значения слова, им определяемого: ср. *my father's house* дом моего отца, где обозначается принадлежность, *my father's nose* нос моего отца, где идет речь о части тела, *my father's sister* сестра моего отца, где указывается на родство и пр. Во всех указанных случаях мы по-разному оцениваем отношения между определением и определяемым, так как понятия, выраженные словами *house*, *nose*, *sister* каждый раз различны.

Между лексическими и грамматическими отношениями существует определенное соответствие; в значительном количестве случаев грамматические связи между словами указывают на такие отношения, которые естественно вытекают из лексической семантики сочетающихся слов. Типичными для человеческой речи являются предложения типа *The boy ate the apple* Мальчик съел яблоко, где и лексически и грамматически мальчик обозначен как действующее лицо, а яблоко — как предмет, подвергшийся действию. Вместе с тем, ни в коем случае не следует забывать, что лексические и грамматические отношения между словами являются двумя самостоятельными типами связи. Поэтому очень часто лексическая и грамматическая трактовка взаимоотношений между словами может быть в той или иной степени различной. Так, в словосочетании *his singing* его пение и в слово-

сочетании *his hat его шляпа* с грамматической точки зрения мы имеем одно и то же, а именно — выражение атрибутивных отношений, при которых местоимение выступает как зависимое от существительного; с лексической же точки зрения подобные отношения существуют лишь в словосочетании *his hat*; что касается другого сочетания слов, то в нем компоненты *his* и *singing* лексически находятся в отношениях действующего лица и выполняемого им действия — точно таких же, как и компоненты *he* и *sings* в предложении *He sings Он поет*. Тем самым соответствие между грамматической и лексической трактовкой в словосочетании *his singing* нарушается: грамматически *his* низведено до степени признака процесса, лексически же оно относится к процессу как лицо, осуществляющее этот процесс. Понятно, что в предложении *He sings*, где *he* выступает в качестве подлежащего, а *sings* — в качестве сказуемого, это соответствие восстанавливается.

Из сказанного следует, что при изучении синтаксического строя языка, всячески учитывая лексические отношения между словами, необходимо вместе с тем проводить четкое разграничение между этими последними и соединением слов с помощью специальных грамматических средств. Неверно сказать, что в предложении *He sings* слова *he* и *sings* соединяются друг с другом лишь грамматически; указанные слова связываются между собой также и на основе их лексической семантики. Однако еще в большей степени было бы неверным подменять одни отношения другими и, приписывая грамматике то, что в действительности проявляется лишь в лексико-семантическом плане, утверждать, что, например, в словосочетании *his singing* грамматическая связь между определением *his* и определяемым *singing* будто бы означает отношение между действующим лицом и выполняемым им действием: грамматически эта связь является атрибутивной и ничем больше.

§ 51. Одним из грамматических средств связи, используемых в английском языке, является порядок слов.

Порядок слов играет определенную роль в установлении связей между словами также и в русском языке, как, например, в предложении 'Я положил большую книгу на верхнюю полку', где одинаковая форма согласуемых прилагательных

('большую', 'верхнюю') требует размещения этих прилагательных, во избежание синтаксического смешения, непосредственно перед определяемыми существительными ('книгу' и 'полку', соответственно). Но уже в пушкинском:

'Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!'

(Из стихотворения «Воспоминания
в Царском селе».)

где опасность синтаксического смешения отсутствует, создается возможность значительного отрыва прилагательного от определяемого им существительного: ср. 'Часы беспечности я тратил золотые'.

В английском же языке, в котором система словоизменительных форм, по крайней мере у существительных, прилагательных и местоимений, не является столь развитой, порядок слов приобретает особое значение. Для английского языка характерно контактное расположение слов, т. е. такое расположение, при котором слова, связанные по смыслу, размещаются рядом: ср., например, a tall man *высокий мужчина* с контактным расположением определения и определяемого, to read a book *читать книгу* с контактным расположением глагола и дополнения к нему и др. случаи подобного рода. Точно так же, при наличии нескольких определений к тому же самому определяемому слову, определение, обозначающее наиболее важный признак определяемого и наиболее тесно связанное с ним, стоит рядом с определяемым словом, как, например, в словосочетании large black eyes *большие черные глаза*. Тем самым место слов в предложении отражает степень связи слов друг с другом: чем теснее связь слов, тем более контактным является их взаимное расположение.

Наряду с контактным расположением слов, в английском языке встречается также и дистантное расположение слов, при котором слова, связанные по смыслу, располагаются не в непосредственной близости друг от друга. В случае дистантного расположения слов порядок их следования в предло-

жении должен быть особо регламентированным. В частности в предложении *That's the man I was speaking of Это тот человек, о котором я говорил* связанные по смыслу слова *man* и *of* значительно отдалены друг от друга, но подобное их дистантное расположение становится возможным лишь в результате того, что слово *of* занимает не любое, а строго определенное положение в предложении — не где-нибудь в середине, а в самом конце его, где отсутствует возможность объединения этого слова с каким-либо другим существительным.

Порядок слов может выполнять несколько различных функций. Подробно об этом будет сказано ниже (см. § 56). Здесь же следует лишь заметить, что, с одной стороны, порядок слов может иметь определенное техническое или общее связующее значение, скрепляя слова и указывая на наличие связи между словами вообще (об этом преимущественно и шла речь в данном параграфе), но, с другой стороны, он может выражать и определенные синтаксические значения, указывая не только на сам факт связи, но и на характер этой связи. Так, в предложении *Peter sees John Петр видит Джона* порядок расположения слов в нем указывает не только на то, что слова *Peter, sees* и *John* вообще связаны, но и на то, что существительное *Peter* является подлежащим, а существительное *John* — прямым дополнением.

§ 52. Другим средством связи слов, характерным для современной английской синтаксической системы, является соединение слов посредством их форм.

Этот способ соединения слов лингвистами-англистами обычно недооценивается ввиду сравнительной бедности английского языка морфологическими показателями. Но именно эта бедность морфологическими показателями и является причиной того, что те формы, которые в английском языке все же имеются, играют в нем весьма важную роль. Так, например, в предложении *Peter sees John* одного порядка слов для установления связи между словами еще недостаточно; требуется также известное соотношение между формами слов, известный выбор этих форм. И предложение, в котором бы отсутствовал суффикс единственного числа третьего лица и пр. (-s), было бы воспринято как грамматически неправильное (**Peter see John*), а если бы к тому же оба существитель-

ных были бы взяты не в общем, а притяжательном падеже, то предложение стало бы вообще непонятным (*Peter's see John's). Точно таким же образом, в предложении He likes them, помимо формы глагола, очень важную роль выполняют формы местоимений, и предложение с иным выбором форм слов, например *Him like they, могло бы быть интерпретировано так, что в качестве подлежащего было бы выделено they, а в качестве прямого дополнения—him, а тем самым интерпретация предложения была бы совершенно неправильной.

К этому надо прибавить, что в некоторых более сложных современных английских конструкциях определенное значение приобретают и глагольные формы, в частности—формы категории времени: ср., например, He said that he was ill *Он сказал, что он болен*, где согласование времен указывает на связь между высказываниями точно таким же образом, как и союз that.

§ 53. Третьим средством связи между словами в современном английском языке являются служебные слова.

Существуют две основные категории связующих служебных слов — предлоги и союзы.

Предлоги в английском языке обозначают часто те же самые отношения реального мира, которые в других языках обозначаются с помощью падежных флексий. Однако о полной аналогии здесь говорить нельзя, поскольку предлоги, в отличие от падежных флексий, представляют собой отдельные слова и в качестве таковых имеют свое собственное лексическое значение (о чем подробнее см. в § 40).

В отличие от предлогов союзы могут вводить не только существительные (или местоимения), но и целые члены предложения, выраженные другими частями речи, а также и целые предложения.

§ 54. Помимо указанных выше основных средств связи между словами — порядка слов, словоизменительных форм и служебных слов, — следует отметить также и интонацию, которая, наряду с другими функциями (выражение предикативности, эмоциональности и пр.), в той или иной степени способствует установлению связи между словами.

1. ПОРЯДОК СЛОВ

§ 55. Изучая проблему порядка слов, следует проводить четкое разграничение между размещением однозначных слов, с одной стороны, и размещением служебных слов по отношению к однозначным словам, с другой стороны.

В первом случае порядок слов является значащим. Любое перемещение однозначного слова в предложении влечет за собой изменение его синтаксической функции, а, следовательно, и всего смысла предложения.

Так, в предложении *Peter saw John* *Петр увидел Джона* место слова *Peter* непосредственно перед сказуемым характеризует его как подлежащее, точно так же как место слова *John* немедленно после сказуемого выделяет его в качестве прямого дополнения; при взаимно обратном расположении этих слов соответственно изменятся и их функции: в предложении *John saw Peter* подлежащим будет уже не *Peter*, а *John*, и все предложение поэтому приобретет значение *Джон увидел Петра*.

Во втором случае дело будет обстоять несколько иначе. Служебные слова привлекаются в речь не ради них самих, а для обслуживания однозначных слов, для выражения связей между ними. Размещение служебных слов в предложении указывает лишь на то, к какому однозначному слову они относятся, и перестановка служебных слов ни в какой мере не изменит их синтаксической функции, а только отнесет их к другим однозначным словам. Порядок слов в этом случае указывает не на характер связи между словами, а лишь на сам факт связи. Что же касается характера связи, то он выражается не местом служебного слова в предложении, а самим служебным словом; например, *by* указывает на отношение действующего лица и т. п.

Отличительной чертой английского языка в отношении предлогов является то, что предлоги могут не терять связи с однозначным словом даже при их дистантном расположении, как, например, в предложениях *Where are you going to? Куда вы идете? What are you thinking about? О чем вы думаете? The noun this preposition refers to is a borrowing. Существительное, к которому относится этот предлог, представляет собой заимствование.* (Подробнее по этому вопросу см. § 51).

§ 56. Порядок слов может выполнять различные функции. В основном, можно выделить три функции порядка слов:

1. Собственно грамматическая функция, которая состоит в том, что порядок слов служит для выражения определенных синтаксических отношений: субъектно-объектных отношений, субъектно-предикатных отношений, атрибутивных отношений и т. п.

2. Выражение порядком слов лексического подлежащего и лексического сказуемого (подробнее см. §58).

3. Экспрессивно-стилистическая функция.

В ряде случаев порядок слов может выполнять несколько функций одновременно, но при этом одна из функций всегда выдвигается на первый план.

Кроме того, как уже указывалось выше (см. § 51), порядком слов обычно подчеркивается сам факт связи между словами, составляющими предложение. То или иное расположение слов указывает на наличие между этими словами какой-то связи вообще. Что же касается характера этой связи, то он может далее уточняться не только самим порядком слов, но и другими средствами — формами слов, служебными словами и т. п.

К этому надо прибавить, что порядок слов может также указывать и на степень связи между словами в предложении. В частности, и в предложении *you must do it carefully* *Вы должны сделать это тщательно* и в предложении *You must carefully do it* *Вы должны тщательно сделать это* наречие *carefully* связано с глаголом *do*, но степень этой связи в том и другом случае различна. В первом случае весь центр внимания переносится на качество действия, и связь *carefully* с глаголом становится от этого более свободной. Наоборот, во втором примере, где указанное слово не является предметом особого внимания, эта связь становится снова тесной: внимание сосредоточено на самом действии (*do*), а предшествующее *carefully* лишь уточняет его. Аналогичное положение мы имеем и в случае *I found an empty box* *Я нашел пустой ящик* и *I found the box empty* *Я нашел ящик пустым*. Само содержание связи в том и в другом случае одно и то же — слово *box* определяется словом *empty*. Однако степень связи здесь различная: в первом примере *an empty box* осознается как нечто цельное, а во втором — *empty* выделяется особо и

тракуется как самый существенный момент. В первом случае связь просто атрибутивная, а во втором — она, будучи более свободной, приближается к комплетивной (см. § 95).

Большая грамматическая нагрузка порядка слов ведет к тому, что возможности использования порядка слов не для грамматических целей в английском языке значительно ограничены. В русском языке для оживления речи и для придания ей характера спокойного повествования можно относительно свободно переставлять слова; в английском же языке этого делать почти нельзя, так как есть опасность нарушить синтаксические связи между словами. Однако все же и в английском языке порядок слов, как указывалось выше, может выполнять и другие, не грамматические функции. Нужно сказать, что невозможность свободного порядка слов в английском предложении обычно сильно преувеличивается.

§ 57. Грамматическая функция порядка слов в английском языке сводится, в основном, к следующему*:

1. Прежде всего следует отметить использование порядка слов для разграничения между подлежащим и прямым дополнением. Ведь, как известно, различие между именительным и объектным падежами в английском языке проводится только у личных местоимений, но даже и у этой категории слов оно не всегда является четким, поскольку местоимения *it* и *you* в указанных падежах совпадают по звучанию.

Правило разграничения между подлежащим и прямым дополнением в современном английском языке обычно формулируется несколько неточно. Согласно большинству лингвистических работ английское подлежащее характеризуется своим местом перед глаголом, а прямое дополнение — расположением немедленно после глагола. В доказательство приводятся большей частью предложения вроде *My brother saw your sister* *Мой брат видел вашу сестру*, где имеется именно такое расположение подлежащего и прямого дополнения. Между тем, расположение указанных членов предложения является значительно более свободным, чем это следует из приведенного выше правила. Прежде всего, обращает

* Этот раздел написан Редактором на основе собственного исследования, проводившегося под руководством А. И. Смирницкого и целиком одобренного им. (*Примечание редактора.*)

на себя внимание то обстоятельство, что твердый порядок расположения подлежащего относительно сказуемого ограничивается лишь теми предложениями, где, кроме подлежащего, имеется также и прямое дополнение. Что же касается предложений без прямого дополнения, где вопрос о разграничении подлежащего и прямого дополнения вообще снимается, размещение подлежащего в предложении является свободным: ср. предложение *Thus thought every respectable boy* *Таким образом думал каждый благовоспитанный мальчик*. В предложениях же, включающих в свой состав и подлежащее и прямое дополнение, фиксированным местом характеризуется только подлежащее, а прямое дополнение может занимать любое место, кроме места, занятого подлежащим. В общем виде это правило Может быть сформулировано следующим образом: в современном английском предложении различие между подлежащим и прямым дополнением выражается фиксированным местом подлежащего перед сказуемым (всем сказуемым или его основной частью). Таким образом, предложения типа *This I thought, and this I think* *Это я думал, и это я думаю*; *This the faint light enabled me to perceive* *Этот слабый свет дал мне возможность заметить* не являются вовсе исключением, как это обычно представляется в существующих английских грамматиках. От того, что прямое дополнение выносится на первое место, правило отграничения его от подлежащего не нарушается: оно по-прежнему отграничивается от подлежащего тем, что не стоит непосредственно перед сказуемым. Наличие указанной закономерности лучше всего подтверждается полным отсутствием в современном английском языке таких случаев, где подлежащее, при наличии в предложении прямого дополнения, стояло бы не непосредственно перед сказуемым, а в каком-либо другом месте.

Против этого можно было бы возразить, что случаи вроде приведенных (*This I thought, and this I think*; *This the faint light enabled me to perceive*) являются довольно редкими. Это действительно так. Но объясняется это не тем, что прямое дополнение характеризуется отсутствием свободы перемещения, а лишь тем, что, как уже было указано выше (см. § 51), для английского языка в целом характерно контактное расположение слов, при котором слова, связанные по смыслу, располагаются рядом: ведь прямое дополнение

ближе всего по смыслу связано с глаголом, и поэтому нет ничего удивительного, что оно в подавляющем большинстве случаев занимает контактное с глаголом положение. Не случайно такое положение прямого дополнения является также характерным и для русского языка; разница же состоит лишь в том, что в русском языке имеются большие возможности для контактного размещения прямого дополнения и сказуемого (прямое дополнение в русском языке может стоять и до и после сказуемого, а в английском только после, отчего в русском языке возможны также и такие конструкции с контактным расположением этих членов предложения, как: дополнение — сказуемое — подлежащее; подлежащее — дополнение — сказуемое, например: 'Это сделал он' и 'Он это сделал').

Следует также заметить, что порядок слов является основным, но отнюдь не единственным средством разграничения подлежащего и прямого дополнения. Кроме порядка слов, в разграничении подлежащего и прямого дополнения участвуют также морфологические показатели слов, как, например, в предложении *He sees them Он видит их*, где подлежащее дополнительно отграничивается от прямого дополнения падежными формами местоимения и числовой формой глагола.

Примечание. В отношении роли порядка слов в качестве средства выражения субъектно-объектных отношений английский язык очень сильно отличается от русского. Вряд ли можно признать правильным содержащееся в русских грамматиках утверждение, что в случае омонимии именительного и винительного падежей и отсутствия различий в числе ('Мать любит дочь'; 'Весло задело платье'; 'А определяет В' и др.) подлежащее и сказуемое в русском языке выражается твердым порядком слов. В действительности порядок слов в предложениях подобного рода может быть любой: ср. 'Огромное богатство приносит снег', а также очень любопытное предложение, где грамматическая омонимия сочетается с лексической, 'Мир будет защищать весь мир'.

2. При помощи твердого порядка слов разграничиваются, далее, прямое дополнение и косвенное дополнение, как, например, в предложении *I gave the boy a book Я дал мальчику книгу*. Косвенное дополнение обычно стоит немедленно после глагола, к которому оно относится, а так как прямое дополнение также тяготеет к глаголу, то положение косвенного дополнения оказывается промежуточным между

глаголом и прямым дополнением. Однако это соотношение может нарушаться, поскольку прямое дополнение может перемещаться в самое начало предложения: ср. *This he told him Это он сказал ему*. Поэтому будет точнее определить место косвенного дополнения лишь по отношению к глаголу.

К сказанному надо прибавить, что разобранный выше вариант является менее жестким, чем правило размещения подлежащего. В отдельных случаях возможны отступления от него, как, например, в *I gave it him*, где место косвенного дополнения немедленно после глагола занято прямым дополнением.

3. Помимо дифференциации подлежащего и дополнения, дополнения прямого и косвенного, порядок слов в английском языке играет существенную роль и в установлении связи между определением и определяемым. Такую роль порядок слов играет и в других языках, но особенностью именно английского языка является то обстоятельство, что в английском языке в данном случае порядок слов в наибольшей степени выступает сам по себе, не будучи осложненным другими моментами и выступая в качестве единственного грамматического средства для этого типа связи. Это объясняется тем, что согласование в английском языке почти полностью утрачено. Изменение по числам английских указательных местоимений в зависимости от формы числа определяемого ими существительного (ср. *these books эти книги* и *those books те книги*) является почти единственным примером согласования определительных слов.

Нельзя не отметить также, что в случае с определением и определяемым мы понимаем, что первое слово есть определение не только по его положению перед определяемым словом, но также и потому, что оно является прилагательным. Ведь возможны и такие случаи, когда определение следует за определяемым (приобретая в этом случае особый грамматический оттенок — оттенок обособления): ср., например, *a forest dark and gloomy лес темный и мрачный*; и все же, несмотря на необычный порядок расположения определения и определяемого, нетрудно отграничить одно от другого; и ведущим в этом случае оказывается общее категориальное значение прилагательного — значение признака.

§ 58. Теперь возможно остановиться на другой функции порядка слов — функции выражения лексического подлежащего и лексического сказуемого*.

В речевой практике людей оказывается необходимым и очень важным выразить не только сам факт и характер связи между словами (о чем см. § 56), но также и направление этой связи. Сказанное можно пояснить примером из математики. Предположим, выражается неравенство между двумя величинами — величинами A и B . Это неравенство может быть выражено математически двумя способами: (1) $A > B$ и (2) $B < A$ (конечно, при условии, что величина A больше величины B , а величина B меньше величины A , а не наоборот). И в том и в другом случае будет обозначено совершенно то же самое отношение между величинами A и B , тот же самый факт объективной действительности — неравенство двух величин, при котором одна из них является большей, а другая меньшей. И все же в математике используются обе формулы обозначения этого отношения. Объясняется же это тем, что при обозначении указанного математического отношения существенным оказывается не только сам факт этого отношения и его характер (неравенства двух величин), но также и направление, в котором рассматриваются величины A и B . В первом случае ($A > B$) за исходную величину принимается величина A и о ней что-то сообщается; во втором же случае ($B < A$), наоборот, исходят из величины B и характеризуют ее через отношение к величине A . Таким образом, наличие обеих математических формул выражения отношения неравенства способствует большей четкости и логичности построения математических рассуждений: в каждом случае из двух величин выделяется та, которая подлежит установлению, и та, которая привлекается для того, чтобы это установление было возможным; и если мы говорим $A > B$, то значит в данном конкретном случае нас интересует величина A , а не величина B ; последняя же привлекается лишь для характеристики первой.

Примерно то же самое мы наблюдаем и в нашей речевой практике с той лишь только разницей, что речевая практика является значительно более сложной и разнообразной, чем

* Этот раздел написан Редактором на основе личной беседы с проф. А. И. Смирницким, состоявшейся в конце 1952 г. (*Примечание редактора.*)

те или иные математические обозначения. В частности, в русских предложениях 'Книга на столе' и 'На столе книга' обозначен один и тот же факт объективной действительности — нахождение книги в определенном месте; различаются же эти предложения тем, что в первом из них предметом нашей мысли является книга, а во втором случае за исходное принимается место, обозначенное словосочетанием 'на столе'. Иначе говоря, различие в построении этих двух предложений непосредственно обусловлено тем обстоятельством, что в них оказывается известным образом выраженным не только сам характер связи между словом 'книга' и словосочетанием 'на столе', но также и направление этой связи: исходное отграничивается от того нового, что привлекается в предложение для его характеристики. В результате все высказывание приобретает стройный и логичный характер.

В данной книге для обозначения указанных компонентов связи используются термины «лексическое подлежащее» и «лексическое сказуемое». Под лексическим подлежащим понимается то слово (или группа слов), которое вводит (репрезентирует) предмет мысли в данном высказывании — то, что является отправным моментом в этом высказывании; соответственно, слово (или группа слов), присоединяемое к лексическому подлежащему для его развития, характеристики и уточнения и вводящее новое в высказывании, представляет собой лексическое сказуемое. Нельзя признать, что эти термины являются вполне удачными. Однако они имеют то преимущество, что при помощи компонента «лексический» четко выделяется и всячески подчеркивается независимость лексического подлежащего и лексического сказуемого от грамматического оформления слов, которыми они выражаются: в качестве лексического подлежащего и лексического сказуемого может выступать любая часть речи и любая форма слов, как, например, в предложениях 'Завтра концерт', 'Смеркается быстро', 'Цветок увял' и т. п., где лексическим подлежащим являются наречие, глагол и существительное соответственно. Наиболее приемлемым обозначением разбираемых явлений могли бы быть термины «логическое подлежащее» и «логическое сказуемое»; однако этими терминами нельзя воспользоваться, поскольку с ними связана длительная ошибочная трактовка соответствующих понятий. Что же касается терминов «психологическое подлежащее» и «психо-

логическое сказуемое», то они вообще не могут быть признаны удовлетворительными, ибо переносят исследователя в совершенно иную сферу — сферу психологии.

Выражение лексического подлежащего и лексического сказуемого является, по-видимому, менее важным, чем выражение грамматических отношений между словами, поскольку в речевой практике наиболее существенным представляется именно установление самого характера, существа связи, а не его направления. Поэтому, в тех случаях, когда порядок слов необходим для выражения характера грамматической связи, например, субъектно-объектных отношений, направление этой связи может либо вообще не выражаться, либо выражаться частично, Сказанное относится прежде всего к английскому языку, где на порядке слов, как было указано выше (см. § 57), лежит значительная нагрузка по выражению грамматических отношений. Вместе с тем, однако, было бы одинаково неправильным утверждать, что выражение лексического подлежащего и лексического сказуемого в английском языке вообще не проводится. Для выражения лексического подлежащего и лексического сказуемого в современном английском языке используется та свобода размещения слов, которая остается после того, как все грамматические отношения были выражены. В частности, в предложении *This letter I wrote yesterday* *Это письмо я написал вчера* словосочетание *this letter* является лексическим подлежащим и поэтому стоит на первом месте. Однако это ни в какой мере не затрагивает четкости выражения грамматических — в данном случае субъектно-объектных — отношений: ведь разграничение между подлежащим и прямым дополнением проводится твердым расположением одного подлежащего, при котором прямое дополнение сохраняет возможность свободы перемещения (см. § 57).

Вопрос о лексическом подлежащем и лексическом сказуемом нуждается в специальном и тщательном изучении, поскольку очень многое в этом вопросе представляется недостаточно ясным. В частности, необходимо установить, в каком отношении в свете рассматриваемой проблемы находятся не только первое и последнее слова в предложении, но также и те слова, которые располагаются между ними.

Далее подлежит серьезному изучению вопрос о соотношении между лексическим подлежащим и лексическим сказу-

емым, с одной стороны, и моментами экспрессивно-стилистическими, с другой стороны (см. § 59).

§ 59. Порядок слов используется также в экспрессивно-стилистической функции. Очень часто бывает необходимо выделить в речи то или иное слово, чтобы таким образом указать на то, чему следует уделить особое внимание: ср. *русск.* 'Завтра концерт'. В подобных случаях слово, на которое обращается особое внимание слушателя, выделяется интонационно и посредством сильного ударения, но, помимо интонации и ударения, в этих целях используется также порядок слов: выделяемое слово выдвигается на первое место в предложении. Такое расположение слов придает всему высказыванию определенную экспрессивность, не меняя самого смысла высказывания. При этом, если моменты стилистические пересиливают моменты «лексические», то на первое место может попадать и лексическое сказуемое, как, например, в приведенном выше предложении 'Завтра концерт'.

В английском языке порядок слов может также выполнять экспрессивно-стилистическую функцию, в результате чего лексическое сказуемое в целом ряде случаев оказывается на первом месте. Так обстоит дело, например, при выделении прилагательного наречия в предложениях типа *In he ran* и др. Это же, по-видимому, относится и к таким случаям, где ограничивающие или определяющие наречия сочетаются с инверсией: ср. *Never have I seen such a thing!* *Никогда я не видел подобного!* и др.

Из сказанного следует, что вынесение того или иного слова на первое место в предложении еще не означает, что это слово выступает в качестве лексического подлежащего. Если отвлечься от моментов чисто грамматических, то первое место в предложении может быть также обусловлено моментами экспрессивно-стилистическими; однако эти последние (экспрессивно-стилистические моменты) обычно сопровождаются изменениями в интонации.

§ 60. Принято различать прямой и обратный порядок слов; при этом обратный порядок слов обычно называется инверсией.

Прямой и обратный порядок слов определяется прежде всего взаимным расположением подлежащего и сказуемого.

В английском языке, как и во многих других языках, типичным является такой порядок слов, при котором подлежащее предшествует сказуемому: он характерен для подавляющего большинства повествовательных предложений, а также и для тех вопросительных предложений, в которых в функции подлежащего выступает вопросительное слово, как, например, в *Who comes? Кто приезжает?* Такое расположение слов и принято называть прямым.

Вместе с тем, в современном английском языке возможны также случаи и обратного порядка слов, при котором подлежащее следует за сказуемым: ср. предложение *Down the frozen river came a sledge drawn by dogs*. Однако следует отметить, что подобного рода примеры в английском языке являются относительно редкими. Гораздо чаще имеет место постанова до подлежащего не всего сказуемого, но лишь его части — обычно вспомогательного глагола, используемого в данной конкретной форме: ср. *Never has the boy seen such things* *Никогда еще мальчик не видел подобного*. В результате подлежащее оказывается как бы замкнутым между компонентами сказуемого — вспомогательным глаголом и его основной частью. Подобный тип инверсии, особо характерной для английского языка, носит название частичной инверсии. Относительно большая распространенность частичной инверсии в английском языке обусловлена наличием в нем особого типа форм с вспомогательным глаголом *do*, которые дают английскому языку возможность совмещения двух, казалось бы, несовместимых вещей: инверсию, с одной стороны, и сохранение прямого порядка слов, с другой стороны: ср., например, *англ. Do you see this? Видишь ли ты это?* и *нем. Siehst du das?* К частичной инверсии относятся также и случаи с выносом до подлежащего глагола-связки в предложениях, где сказуемое является составным (например, *Is he a doctor? Он доктор?*).

Основными случаями использования инверсии в современном английском языке являются следующие:

1. Инверсия, главным образом частичная, используется при выражении вопроса: ср. *Have you seen him? Вы видели его?*; *Does he like reading? Любит ли он чтение?*; также *Was he ill? Был ли он болен?*; *Has he children? Есть ли у него дети?*

2. Инверсия может также использоваться при выражении условности в условных предложениях без союза *if*: ср.

Should you ask me... (*Если бы вы меня спросили...*; Were I there I should be very glad (*Если бы я был там, я бы был очень доволен* и др. В случаях подобного рода наблюдается большей частью также частичная инверсия. Кроме того, здесь следует отметить известную связь инверсии с категорией клонения.

3. Инверсия обычна в тех случаях, когда в начале предложения имеется какое-либо определительное уточняющее слово, например ограничительные, отрицательные частицы, наречия, союзы, такие как *hardly, scarcely, no sooner, only, seldom, never*: ср. *Only now do I understand... Только теперь я понимаю ...*; *Not only did he come but he stayed for a long time Он не только пришел, но и остался на долгое время*; *Never could he understand me Никогда он не мог понять меня*; *Little did he care for his work Мало он заботился о своей работе.*

4. Инверсия встречается также в тех случаях, когда на первое место в предложении выдвигаются слова, представляющие собой в смысловом отношении наиболее существенную часть сказуемого. В основном выделяется здесь два типа случаев: (а) с выносом на первое место предикативного члена (*Bright and sunny was the morning Ярким и солнечным было утро*) и (б) с выносом на первое место приглагольного наречия (*In ran the boy Вбежал мальчик*).

В обоих типах конструкций инверсия определяется экспрессивно-стилистическими причинами — желанием достигнуть большей эмоциональности высказывания. То же может быть сказано и о предложениях, приведенных в пункте 3; однако данная категория случаев выделяется тем, что инверсия во всех них является не частичной, а полной. По-видимому, эта особенность связана с тем, что связь приглагольного наречия с глаголом в сочетаниях типа *run in, come in* и др. является особенно тесной — во всяком случае более тесной, чем в сочетаниях глагола с *never, only, hardly* и др. Поэтому как только наречие выдвигается на первое место, за ним следует и глагол. Отсутствие инверсии при выражении подлежащего местоимением можно объяснить отчасти ритмическими причинами: местоимение, будучи безударной единицей, объединяется ритмически с глаголом и не создает ощутимого разрыва между наречием и глаголом, как, например, в *In he ran*.

Несколько особое положение занимают случаи с начальным *so*: ср. "I am tired." "So am I." «Я устал». «Я тоже»;

"I like it." "So do I." «Мне это нравится». «Также и мне». Внешне эти случаи сближаются со случаями, разобранными в пункте 4; однако имеются и известные различия, которые состоят в том, что инверсия обусловлена здесь не экспрессивно-стилистическими соображениями, а стремлением выразить лексическое подлежащее (so).

5. Инверсия наблюдается в английском языке и тогда, когда на первом месте в предложении оказываются распространенные обстоятельственные выражения: ср. About a quarter of a mile off in a quiet substantial-looking street stood an old brick house; Down the frozen river came a sledge drawn by dogs. Здесь, как и в случаях с начальным so, инверсия служит целям выражения лексического подлежащего и лексического сказуемого, но, в отличие от случаев с начальным so, инверсия в разбираемых предложениях является полной.

Разновидностью этих случаев является инверсия в предложениях, вводящих прямую речь: ср. "What is the time?", asked John. Однако при выражении подлежащего местоимением инверсия обычно отсутствует, как в "What is the time?" he asked.

6. Вполне естественно, что инверсия часто встречается в предложениях, выражающих волю и желание, так как такие предложения характеризуются обычно ярко выраженной эмоциональной окраской. В случаях этого рода инверсия связана с категорией наклонения: ср. Long live Freedom!; ср. также Don't you go!

Особое место занимают случаи инверсии с there: There is a river near our village; There are three windows in this room. Предложения этого типа очень трудны для анализа. Генетически there в этих предложениях восходит к полнозначному наречию there *там*; однако в настоящее время оно полностью утратило свое прежнее значение, что подтверждается, в частности, возможностью его сочетания в пределах одного и того же предложения с наречиями there и here: ср., например, There is a river there. Таким образом, there из наречия постепенно превратилось в частицу. Особенность конструкций с there состоит в том, что при любом порядке слов в них сказуемое всегда предшествует подлежащему: ср. There is a river near our village; There are three windows in this room; точно также и в Near our village there is a river; In this room there are three windows. При построении вопроса в предло-

жениях этого типа наблюдается вторичная инверсия, которая как бы накладывается на уже имеющуюся инверсию: *Is there a river near your village?* Это обстоятельство давало основание ряду лингвистов в качестве грамматического подлежащего предложения рассматривать *there* и считать поэтому порядок слов в утвердительных конструкциях прямым. Однако вряд ли такая интерпретация является правильной. Подлежащее в любом случае должно иметь общее значение предметности, которое отсутствует в *there*. Кроме того, глагол обнаруживает согласование не с *there*, вообще не имеющим категории числа, а с последующим существительным. Всего вероятнее, *there* следует понимать как своеобразную частьцу при глаголе *be*, которая вместе с глаголом образует сочетание, обозначающее нахождение в пространстве и времени. Это подтверждается, в частности, возможностью образования именной формы *there being*: *I didn't stay long because of there being no place for me.*

Использование конструкции с *there*, по-видимому, связано с выражением лексического подлежащего и лексического сказуемого. В предложениях типа *There is a river near our village* подлежащее *a river* является лексическим сказуемым, чем эти предложения отличаются от предложений типа *The river is near our village*, где грамматическое и лексическое подлежащее совпадают. При этом лексическое подлежащее в этих предложениях выражается очень своеобразно: если обстоятельство времени или места не стоит в начале, то предваряющее *there* дает сначала общее представление о каком-то месте во времени или пространстве, конкретизация которого проводится после выражения лексического сказуемого, а иногда вообще не проводится, т. к. место или время представляются достаточно ясными из контекста.

Этими случаями в основном и исчерпывается употребление инверсии.

2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОРМ СЛОВ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ СВЯЗИ МЕЖДУ СЛОВАМИ

§ 61. Как уже указывалось выше (см. § 52), для современной английской синтаксической системы в известной мере характерно также и соединение слов посредством их форм. Там же было указано, что именно благодаря относительной

малочисленности морфологических форм в английском языке — имеющиеся формы несут довольно значительную нагрузку.

К этому надо прибавить, что бедность современной английской морфологической системы словоизменения часто бывает несколько преувеличена. Дело в том, что английский язык не столько беден грамматическими формами, сколько он характеризуется однообразием звучания словоизменятельных суффиксов. Можно без преувеличения сказать, что в английском языке нет ни одного словоизменятельного суффикса, который не имел бы омонимов: ср. *played играл* — *played сыгранный* — *played играл бы*; *reading читающий* — *reading чтение* — *reading показания (прибора)* и т. п. Кроме того, для английского языка являются в высшей мере характерными нулевые суффиксы словоизменения, которые создают лишь видимость отсутствия грамматической формы: ведь, например, *like* в *I like* по отношению к *likes* и *liked* не есть неоформленная основа; это такая же полноправная словоформа, как и *likes*, *liked*, но она, в отличие от них, не имеет какого-либо положительного суффикса. Точно таким же образом в качестве самостоятельной словоформы выступит и *(to) like*, отличающееся от *like* в *I like* наличием другого нулевого суффикса (подробнее см. в «Лексикологии английского языка», § 52).

Существует два основных способа соединения слов посредством их форм: (1) согласование и (2) управление. В известной мере эти способы соединения слов характерны и для современного английского языка.

§ 62. Согласование в большинстве лингвистических работ трактуется обычно как такое соединение слов, при котором одно из соединяемых слов точно воспроизводит, как бы копирует, форму другого слова. В частности, в словосочетании 'большой стол' или 'красная лента' форма прилагательных 'большой' и 'красная' объявляется целиком зависимой от формы связанных с ними существительных 'стол' и 'лента': прилагательные стоят в той же падежно-числовой форме, что и соответствующие существительные, а, кроме того, их форма рода определяется тем родом, к которому относятся существительные.

Следует подчеркнуть, что традиционное понимание согла-

сования как простого совпадения форм слов является чисто внешним, поверхностным и недостаточным.

Во-первых, этому пониманию противоречат сами языковые факты. В его рамки укладываются далеко не все реально существующие связи живого языка. Так, русские личные местоимения первого и второго лица, как известно, вообще лишены категории грамматического рода, но тем не менее в нашей речевой практике встречаются сочетания этих местоимений с прилагательными типа 'бедная я', 'бедный я'; ср. также 'я пришел' и 'я пришла'. Традиционная грамматика говорит, что формы рода, числа и падежа в подчиненном согласуемом слове ничего не выражают, а лишь воспроизводят соответствующие формы ведущего слова. Однако случаи типа 'бедная' я и др. опровергают эту точку зрения. Сюда же относятся и такие английские словосочетания, как *those people те люди* и *the family were семья была* (собственно, «члены семьи были»), с различными формами числа.

Во-вторых, указанное выше понимание согласования является неточным и по самому своему существу.

Важно в связи с этим подчеркнуть, что так называемые отношения между словами в речи, в предложении, с одной стороны, вообще существуют лишь на основе реальных (или мыслимых как реальные) отношений, с другой же стороны, лишь изображают эти последние. В самом деле, если мы говорим, что в словосочетании 'белое платье' слово 'белое' относится к слову 'платье' как определение к определяемому и что согласование в роде, числе и падеже «выражает» здесь это отношение, то мы лишь неточно выражаем ту мысль, что грамматические единицы, имеющиеся в этом словосочетании, обозначают наличие признака, обозначаемого словом 'белый/белая/белое', у предмета, обозначенного как 'платье', в самой действительности. Единицы 'белое' и 'платье' только потому и в том смысле представляются связанными друг с другом, что здесь имеется обозначение известной связи в самой реальности, и основанная на этой реальной связи связанность между 'белое' и 'платье', т. е. данное в речи отношение между этими словами, имеет ценность лишь постольку, поскольку таким образом изображается реальная связь, реальное отношение признака и предмета.

Сказанное выше означает, что согласование никак нельзя рассматривать в качестве простого согласования форм слов;

согласование есть не копирование формой одного слова формы другого слова, а согласное обозначение того же самого формами соединенных слов. Если понимать согласование именно таким образом, то приведенные выше случаи типа 'бедная я', *these people* и *the family were* будут представлять собой также примеры согласования. В самом деле, поскольку формы согласуемых слов определяются именно самой обозначаемой действительностью, вполне естественным является то, что слово 'бедная', обозначающее лицо женского пола, имеет форму женского рода, слово *these*, относящееся к ряду лиц, — форму множественного числа, так же как и слово *were*, соотнесенное с отдельными представителями семьи (*family*). Более того, в объяснении здесь нуждается не форма согласуемого слова, а форма ведущего слова, ибо особенностью приведенных сочетаний является то, что именно основные слова при согласном обозначении одного и того же реального факта имеют известные присущие им специфические черты: слово 'я' не изменяется по категории рода, а слова *people* и *family* заключают множественность в своей лексической семантике. Иначе говоря, например, компоненты словосочетания 'бедная я' согласуются в том смысле, что они согласно обозначают одно и то же лицо женского пола и поэтому они имеют одну и ту же падежно-числовую форму; однако пол этого лица обозначается лишь в одном из слов, поскольку только в одном из слов обозначение пола обеспечивается языковыми средствами.

В английском языке мы наблюдаем следующие случаи согласования:

1. Согласование между определением и определяемым. Этот вид согласования в английском языке имеет очень ограниченную сферу употребления. Прежде всего, здесь отпадает согласование по линии рода. Нет в английском языке и согласования по линии падежа. Что касается согласования в числе, то оно сохранилось лишь в двух случаях. Во-первых, согласование существует между указательными местоимениями и определяемыми ими существительными: ср. *this dog* *эта собака* — *these dogs* *эти собаки*, *that dog* *та собака* — *those dogs* *те собаки*. Во-вторых, известное подобие согласования мы наблюдаем при сочетании неопределенного артикля с существительным, поскольку во

множественном числе неопределенный артикль перед существительным отсутствует: ср. а dog *собака*, но dogs *собаки*.

Примечание. Выражаясь точнее, следовало бы говорить в случае new houses и др. не об отсутствии согласования в числе между компонентами, а об отсутствии специальных языковых средств для согласного обозначения числа в одном из компонентов.

2. Согласование между подлежащим и сказуемым. Согласование между подлежащим и сказуемым в английском языке осуществляется по линии лица и числа; ср.:

I have a book,	но	He has a book.
He has many friends,	но	They have many friends.
He speaks,	но	They speak.

В русском языке, как известно, наблюдается также согласование в роде: ср. 'Он пришел' — 'Она пришла'; 'Он пришел бы' — 'Она пришла бы'. Однако это является специфичной особенностью русского языка, отсутствующей в большинстве европейских языков.

Следует отметить, что согласование между подлежащим и сказуемым вообще, а в английском языке в особенности, является гораздо более свободным, чем согласование между определением и определяемым словом. В целом ряде случаев обозначаемый подлежащим предмет по-разному оценивается формами подлежащего и формами сказуемого. При единственном числе подлежащего сказуемое часто может иметь форму множественного числа: ср. the majority say that... *большинство говорит, что ...*, a number of students are ... *большинство студентов является ...*, the family were ... *члены семьи были...*. Нечто подобное иногда наблюдается и в русском языке ('Большинство книг находятся...', 'В комнату вошли ряд студентов' и т. д.), однако, в русском языке случаи такого рода являются значительно более редкими и при этом они ограничены лишь разговорной речью. Несоответствие в числе между подлежащим и сказуемым еще раз показывает, что согласование отнюдь не является простым копированием формой одного слова формы другого слова; в действительности и подлежащее и сказуемое соотносятся с одним и тем же предметом реального мира, но оценивают этот предмет, по крайней мере по линии числа, по-разному. При этом различная оценка отношений числа обуславливается главным образом особенностями лексического зна-

чения слов, выступающих в функции подлежащего. Такие слова, как *majority*, *people*, указывают на множественность уже самой своей лексической семантикой и поэтому не имеют формы множественного числа. Что касается слова *people*, то по существу оно стало пониматься как словоформа множественного числа, хотя в действительности его форма является формой единственного числа: ср. *two people два человека*, *many people много человек*, *those people те люди*, *these people эти люди являются* и т. п.

В отношении согласования сказуемого с подлежащим по линии лица необходимо заметить следующее. Характер согласования в зависимости от конкретного лица изменяется, и согласование в первом и втором лице — это не то, что согласование в третьем лице. Формы первого и второго лица глагола связываются лишь с определенными словами — *I* и *you*, соответственно, — в то время как форма третьего лица глагола может вступать в соединение с неограниченным рядом слов:

he	} is
she	
it	
bird	
box	
boy	
...	

Иначе говоря, в случаях второго типа форма третьего лица глагола определяется не тем, с каким словом эта форма связана, а тем, что она вообще связывается со словами, которые представляют третье лицо. В этом отношении можно сказать, что согласование в третьем лице является типичным согласованием, поскольку при этом учитываются не конкретные слова, а определенные грамматические категории, отвлеченные от конкретности слов (см. также § 82).

Далее обращает на себя внимание то, что согласование в лице имеет более ограниченную область применения, чем согласование в числе. Объясняется это тем, что глагол *be*, использующийся в английском языке в качестве глагола-связки и в качестве вспомогательного глагола для образования страдательного залога и форм длительного вида, в прошедшем времени, сохраняя изменение по числам (*was* — *were*), оказывается неизменяемым по лицам. При этом следует

учитывать также, что в английском языке, кроме будущего времени, различие между лицами во множественном числе глагола не проводится вообще, что также уменьшает сферу использования согласования.

К этому надо прибавить, что в современном английском языке в ряде случаев наблюдается лишь кажущееся неразличение форм числа, а, тем самым, подлинное соотношение между согласованием в лице и согласованием в числе предстает в несколько искаженном виде. В частности, может показаться что в такой паре, как (I) speak и (we) speak, различение единственного и множественного числа вообще не проводится. Если стать на эту точку зрения, то нужно будет признать, что не только (we) speak, но также и (they) speak является нейтральным к числу. Однако такой трактовке препятствует соотношение (they) speak — (he) speaks, где различие в формообразующих суффиксах явно связывается с числовым значением. В то же время в результате сопоставления (I) speak — (I) am обнаруживается значение единственного числа у словоформы (I) speak. На последний довод можно было бы как будто возразить, что различие типа (I) am — (we) are является единичным, ограниченным одним глаголом be. Это, конечно, верно. Однако глагол be является глаголом, занимающим в системе английского языка исключительное место: как уже указывалось выше, он используется в качестве глагола-связки и в качестве вспомогательного глагола для образования страдательного залога и форм длительного вида, а так как эти формы образуются подавляющим большинством глаголов, то, значит, и подавляющее большинство глаголов различает формы числа, соответствующие формам (I) am — (we) are: ср. I am speaking и We are speaking, в которых словоформы am speaking и are speaking уже не являются формами глагола be, но принадлежат глаголу speak. В связи с этим можно поставить вопрос и о различении числа в прошедшем времени в таких словоформах, как (I) took и (we) took, на основе противопоставления их формам глагола be (was, were) и некоторым формам прошедшего времени самого глагола take (was taking — were taking, was taken — were taken). Возможно, что в некоторой степени происходит разграничение числа и в словоформах типа (you) wash — (you) wash и др., когда они сочетаются с возвратным или эмфатическим местоимением yourself — yourselves.

В английском языке в систему согласования сказуемого с подлежащим вклинивается также стилистический момент, связанный с тем, что личное местоимение *thou ты*, которое требует после себя употребления особых форм, является архаичным и используется лишь в торжественно-поэтическом стиле: ср. *you read*, но *thou readest*. Эти особые формы усиливают дифференциацию по лицам и укрепляют согласование.

3. Согласование между формами глагола в главном и придаточном предложениях. Особо в английском языке выделяется согласование времен (*Sequence of Tenses*), представляющее собой согласование форм глагола в придаточном предложении с формами глагола в главном предложении: ср., например, *He said he was ill Он сказал, что он болен*. (По этому вопросу подробнее см. «Морфологию английского языка».)

§ 63. Под управлением обычно понимается употребление определенной падежной формы подчиненного слова, при котором падежная форма подчиненного слова находится в зависимости не от оформления подчиняющего слова, а от его лексического содержания. В частности, глагол 'касаться' управляет родительным падежом: ср. 'касаться этого вопроса' и пр., и такое управление сохраняется при любом изменении формы этого глагола: ср. 'касался этого вопроса', 'касается этого вопроса', 'коснулся бы этого вопроса' и т. п. Тем самым форма подчиненного слова оказывается как бы раз и навсегда данной, строго определенной и не может быть произвольно изменена.

Однако указанное традиционное понимание управления не является достаточным и требует известных дополнений.

1. Прежде всего необходимо отметить, что управление не есть постоянная, раз и навсегда данная зависимость формы одного слова от лексического содержания другого слова. Эта зависимость может меняться, если изменяется синтаксическая функция управляемого слова. Так, например, в предложении 'Я получил книгу' глагол 'получать' управляет винительным падежом существительного 'книга', но тот же самый глагол в другом предложении 'Книга получена мной' связывается уже не с винительным, а творительным падежом местоимения 'я'. Подобное различие в управлении непосредственно обуслов-

лено тем, что управляемое глаголом слово в обоих предложениях выступает в разной синтаксической функции. Точно таким же образом изменится, например, и оформление слова, связанного с глаголом 'посвящать', в зависимости от того, в какой функции будет выступать это слово: ср. 'Он посвятил книге много времени', 'Он посвятил книгу этому вопросу', 'Книга была посвящена этому вопросу' и пр.

Из сказанного следует, что при анализе того или другого случая управления необходимо учитывать не только управляющее слово, но и синтаксическую функцию управляемого слова. Неправильно сказать, что такой-то глагол управляет таким-то падежом. Глагол соединяется с таким-то падежом не вообще, а лишь при передаче определенного синтаксического значения (определенного члена предложения). Глагол может требовать разных падежей, но для передачи определенного синтаксического значения он сочетается с какой-то определенной формой, которая выбирается в зависимости от этого значения. Таким образом, при управлении существенно не то, что, например, глагол 'управлять' сочетается с творительным падежом, а глагол 'касаться' — родительным, но то, что данные глаголы сочетаются с данными падежами для выражения определенного синтаксического значения — значения объекта действия.

2. Далее, необходимо учитывать, что, наряду со случаями управления, существуют и случаи свободного употребления форм. Различие между теми и другими случаями может быть проиллюстрировано на следующих примерах:

Так, в словосочетании 'видеть смысл' и в словосочетании 'не видеть смысла' существительное 'смысл', сочетающееся с тем же самым глаголом 'видеть', оформлено различными падежами (винительным и родительным, соответственно), хотя в обоих случаях оно выступает в тождественной синтаксической функции — функции прямого дополнения. Аналогичным образом обстоит дело и в словосочетаниях 'Он выпил воду' и 'Он выпил воды', где имеется разная падежная форма существительного 'вода', но одна и та же синтаксическая функция этого слова и один и тот же управляющий глагол ('выпить'). Нельзя считать, что, например, глагол 'выпить' управляет двумя падежами. Дело здесь несколько сложнее. Чтобы как следует разобраться в этом вопросе, надо обратить внимание на следующее. Наряду с исполь-

зованием грамматической формы по способу управления, существует также еще свободное употребление формы, обусловленное только ее смыслом. Это значит, что та или иная грамматическая форма может употребляться в языке в известном контексте более свободно и менее свободно. Аналогичные явления можно наблюдать и в области лексики. Так, например, прилагательное 'коричневый' в лексическом плане может быть соединено с неограниченным числом существительных, а прилагательное 'карий', являющееся почти полным синонимом прилагательного 'коричневый', употребляется лишь в сочетании со словом 'глаза'. Таким образом, соединение 'карие глаза', хотя оно внешне и подобно таким соединениям, как 'черные глаза', в действительности является соединением лексически не свободным, ограниченным особенностями фразеологической сочетаемости (см. § 48). Точно так же и конкретная грамматическая форма, скажем, форма творительного падежа, может употребляться более или менее свободно. Так, творительный падеж, обозначающий орудие действия, употребляется всякий раз, когда надо сообщить об орудии, употребляется по самому своему значению, а не потому, что какой-либо данный глагол требует после себя этого падежа: ср. 'рубить топором', 'писать карандашом', 'видеть глазами' и т. п. Такое свободное употребление творительного падежа отличается от его употребления в сочетании 'управлять самолетом', где творительный падеж используется не в соответствии с указанным выше значением (в данном сочетании он обозначает не орудие действия, а объект действия), но потому, что в силу какой-то традиции или условности глагол 'управлять' требует после себя творительного падежа. Различие между свободным и несвободным употреблением форм проявляется также в том, что, когда имеется возможность выбора форм для подчиненного слова, только одна из этих форм обладает сильным связующим значением и характеризует данное слово по линии связи его с управляющим словом, в то время как другая форма, употребляясь более самостоятельно и независимо, дает слову относительно более изолированную характеристику. Именно так обстоит дело и в приведенном выше примере 'выпить воду' и 'выпить воды'. В первом случае употребляется винительный падеж, имеющий сильное связующее значение; он означает, что существительное выступает как прямое дополнение,

зависит от глагола и неотделимо от него. Таким образом, формой винительного падежа устанавливается тесная связь между существительным и глаголом, и словоформу 'воду' нельзя представить отдельно от глагола (даже в повелительном предложении 'Воду!' такая связь с глаголом подразумевается). Напротив, родительный падеж, имеющий значение отрицания или частичности, характеризует слово более самостоятельно, изолированно. В предложении 'Он выпил воды' форма родительного падежа слова 'вода' по своему грамматическому значению больше направлена не на то, чтобы выразить связь с глаголом, а на то, чтобы показать частичность: данный предмет (вода) характеризуется здесь не в связи с действием, а сам по себе, причем имеется в виду некоторая часть воды. В то время как винительный падеж в значении прямого дополнения употребляется очень узко, родительный (партитивный) имеет очень широкое значение. Мы можем сказать: 'Мало воды', 'Нет воды', 'Много воды утекло'; можем сказать также 'стакан воды' и т. п. Это означает, что родительный падеж, обозначая часть от целого, может выступать не только как дополнение, но и в других синтаксических функциях, тогда как винительный падеж характеризует слово именно как прямое дополнение.

Выше указывалось, что управление тесно связано с представлением о падеже. Управление имеется лишь там, где есть падежная система. Что касается английского языка, то там, в связи с ограниченным числом падежей, система управления сильно разрушена. Если в русском языке из целого ряда возможностей глагол выбирает только одну, то в английском языке глаголу этого выбора не предоставляется. По сути дела в современном английском языке вопрос о выборе падежа вообще снимается. В самом деле, хотя у личных и некоторых вопросительных местоимений и имеется два падежа (именительный и объектный), однако один из них (именительный падеж) приглагольное дополнение оформлять не может; это падеж, выражающий независимость предмета в данной ситуации и поэтому вовсе выпадающий из системы управления; таким образом, всегда, когда местоимение выступает в зависимом положении, оно употребляется в объектном падеже. В системе существительных имеется также лишь два падежа: общий и притяжательный; однако притяжательный падеж существительного не может выступать как падеж

управления, поскольку он никогда не является падежом дополнения. И даже в тех случаях, когда притяжательный падеж оформляет слово, непосредственно следующее за глаголом (например, *It's my book and that is my brother's. Take my brother's, it is more interesting*), притяжательный падеж не зависит от глагола; он выступает совершенно самостоятельно и имеет обычное для него атрибутивное значение по отношению к тому слову, которое упоминалось выше (в данном случае — *book*). Притяжательный падеж во всех случаях употребляется в совершенно определенном значении: для обозначения принадлежности, меры, расстояния, длительности во времени и т. п. Иначе говоря, каждый раз он употребляется соответственно своему значению, в определенной для него семантической области. И поэтому нельзя также сказать, что в сочетании (the) *child's toy игрушка ребенка* слово *toy игрушка* управляет притяжательным падежом, поскольку никакой ограниченности или идиоматичности в характере связи падежной словоформы *child's* со словом *toy* нет: ср. *child's head голова ребенка*, *child's voice голос ребенка* и т. п., где совершенно на тех же правах, что и *toy*, выступают слова *head голова* и *voice голос*. А это означает, что, поскольку все сочетания подобного рода определяются общим значением притяжательного падежа, в указанных сочетаниях мы имеем не управление, а самостоятельное, независимое употребление формы, диктуемое только ее смыслом.

Из сказанного ясно, что управление в современном английском языке оказывается, строго говоря, упраздненным. Тем не менее, в следующих двух случаях имеется известное подобие того, что обычно называется управлением:

1. Как известно, целый ряд современных английских глаголов характеризуется тем, что они вообще не могут сочетаться с зависимым существительным или местоимением. К подобным глаголам относятся такие, как *stand стоять*, *go идти*, *sit сидеть* и др., обозначаемые в лингвистической литературе термином «непереходные» или «интранзитивные». Таким образом, в современном английском языке существуют две формулы:

а) «Глагол + существительное» в общем падеже или местоимение в объектном падеже и

б) «Глагол + нуль» (т. е. отсутствие существительного или местоимения в каком-либо падеже).

Различие между этими формулами следует признать различием, идущим по линии управления, поскольку, во-первых, они указывают на возможность известного выбора между зависимым словом и его отсутствием, а, во-вторых, такой выбор является зависимым от конкретного глагола, обусловленным этим глаголом: например, глагол *take брать* обязательно требует использования зависимого от него существительного в общем падеже или местоимения в объектном падеже, в то время как глагол *go идти* не сочетается ни с тем, ни с другим, или, как говорится, он не управляет ни существительным, ни местоимением, в отличие от первого глагола, для которого управление оказывается характерным.

2. Вопрос об управлении возникает, далее, в связи с употреблением предлогов. Предложное управление есть управление двухстепенное: глагол требует известного предлога, а предлог определенного падежа. Однако поскольку выбора падежа в английском языке после предлога нет, остается только одна ступень — выбор предлога: ср. *to look at the book смотреть на книгу*, *to look for the book искать книгу*, *to look through the book просматривать книгу* и т. п.

Таким образом, управление в современном английском языке переносится из сферы морфологии словоизменения в сферу служебных слов — предлогов.

3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ СВЯЗИ МЕЖДУ СЛОВАМИ

§ 64. Служебные слова в современном английском языке играют особо важную роль в связи с относительной неразвитостью системы словоизменения. Наряду с порядком слов, служебные слова являются основным средством соединения слов в современном английском языке.

Связующие служебные слова делятся на два основных разряда: (1) предлоги и (2) союзы.

§ 65. Предлоги представляют собой связующие слова, использующиеся для обозначения связи между предметом и предметом, предметом и признаком или же предметом и процессом.

В этом определении важно подчеркнуть следующие два момента:

Во-первых, предлог является связующим словом, и, как таковое, он имеет определенное грамматическое значение, которое выражается внешне особенностями его синтаксической сочетаемости. Это грамматическое значение, как уже было замечено выше, состоит в том, что предлог обозначает зависимость предмета от предмета, предмета от процесса или предмета от признака. Так, в предложении *I look at him Я смотрю на него him* обозначает не самостоятельный предмет, а, так сказать, «предмет смотрения», т. е. предмет, поставленный в определенную зависимость от look, хотя зависимость здесь является чисто условной, грамматической. Предлог так или иначе указывает на связь между предметами или явлениями, на зависимость одного предмета от какого-либо другого предмета или явления и обращает внимание на то, что вводимое предлогом слово не является центром данной конструкции, а предмет, обозначенный им, главным в ситуации.

Во-вторых, предлог является связующим словом (см. § 40), и, как всякое слово, он имеет определенное лексическое значение. Иногда это лексическое значение предлога выступает очень ярко, как, например, у предлогов в сочетании с глаголами, обозначающими положение в пространстве: ср. *He sat in a tree Он сидел на дереве* и *He sat under a tree Он сидел под деревом*, где от различия предлогов зависит значение всего предложения: в зависимости от употребления предлога *in* или предлога *under* по-разному осмыслиется связь между деревом и человеком, хотя грамматическая конструкция в обоих случаях одинаковая.

В других случаях лексическое значение предлога может несколько тускнеть, а иногда становиться вообще едва заметным. Например, в предложении *It depends on the following Это зависит от следующего* лексическое значение предлога *on* едва уловимо; оно как бы поглощается значением глагола. Предлог *on* выступает здесь прежде всего в своей связующей функции: он нужен лишь постольку, поскольку глагол *depend* управляет дополнением только посредством этого предлога. Употребление *on* после глагола *depend* стало традиционным и чисто формальным, хотя когда-то оно и создавалось на основе полного лексического значения предлога. В этом

отношении здесь дело обстоит так же, как с русским предлогом 'над' в сочетании 'смеяться над кем-нибудь'; первоначально предлог употреблялся в своем основном пространственном значении (*положение выше чего-то*): насмешник чувствовал себя как бы выше того предмета, явления или лица, над которым он смеялся; однако этот смысл со временем перестал ощущаться, и лексическое значение предлога было сведено до минимума. И, тем не менее, даже в этом случае предлог полностью не лишается своего лексического значения. Лексическое значение предлога остается, но на первый план выступает его грамматическое значение и оно как бы подавляет его, делает лексическое значение менее заметным.

Соотношение лексического и грамматического значений предлога можно изобразить с помощью следующей схемы:

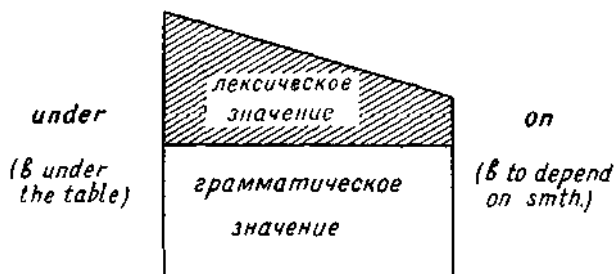

Схема показывает, что грамматическое значение обоих предлогов остается неизменным, в то время как лексическое значение изменяется: у предлога *under* оно выступает ярко, а у предлога *on* сводится до минимума; однако и в том и в другом случае предлоги обладают как грамматическим, так и лексическим значениями.

Сказанное позволяет правильно понять и вопрос предложного управления. Принципиально отличаясь от падежных флексий (см. § 40), предлоги в современном английском языке как бы дополняют падежную систему, поскольку, наряду с лексическим значением, они обладают также и известным грамматическим, связующим значением. В результате наличия у них этого связующего значения предлоги играют определенную роль в управлении. Однако в предложном управлении надо учитывать те же моменты, что и в

обычном (беспредложном) управлении. И, прежде всего, необходимо помнить, что не всякое сочетание предлога с глаголом и существительным есть управление. Здесь так же, как и в обычном управлении, выделяются случаи свободного употребления предлога — употребления, основанного на его лексической семантике. В этих случаях выбор предлога не определен соответствующим глаголом, а в самом сочетании его с глаголом отсутствует какая-либо идиоматика.

В связи с этим возникает вопрос об отграничении предложного управления от свободного употребления предлога. Некоторые случаи представляются вполне ясными. Так, например, употребление предлогов при таких глаголах, как *stand, sit, go* и т. п., определяется лишь самой обозначаемой действительностью: предлог выбирается в зависимости от реального положения конкретного предмета или лица в пространстве (например, *to stand on* *стоять на*, *to stand in* *стоять в*, *to stand under* *стоять под*, *to stand behind* *стоять позади* и т. п.). В подобных случаях, следовательно, мы имеем свободное употребление предлогов — употребление, обусловленное лексической семантикой предлога. То же самое относится и к дополнению с предлогом *by*, обозначающему действующее лицо. Дополнение с предлогом *by* можно употребить в сочетании с большим количеством глаголов (ср. *read by somebody* *прочитанный кем-либо*, *said by somebody* *сказанный кем-либо*, *written by somebody* *написанный кем-либо*, *translated by somebody* *переведенный кем-либо* и т. п.) или вообще без глагола: ср. *a novel by Dickens* *роман Диккенса*. Это означает, что важным в данном случае является не глагол, а собственное значение предлога.

На другом полюсе стоят такие случаи сочетания глагола с предлогами, как приводившееся выше *to depend on something/somebody*, где употребление предлога в современном английском языке является идиоматичным и где само лексическое значение предлога ослаблено. Сюда же относятся и случаи типа *to believe in* *верить в* (идиоматичность сочетания глагола с предлогом имеется здесь как в английском, так и в русском языке).

Между этими противоположными случаями располагается целый ряд промежуточных случаев. Так, в словосочетании *to look at something/somebody* *смотреть на что-либо/кого-либо* можно было бы как будто предположить типичный

случай управления, поскольку, во-первых, здесь отсутствует выбор предлога, а во-вторых, наблюдается та же идиоматичность, что и в случае с *to depend on something/somebody*. Тот факт, что наряду с этим сочетанием имеется и такое сочетание, как *to look for something/somebody* не меняет существа дела: употребление другого предлога связывается с иным лексическим значением глагола *look* — значением *искать*, — так что слово *look* управляет данным предлогом не во всей целостности своего содержания, а лишь в пределах данного конкретного значения. И, тем не менее, при более тщательном рассмотрении обнаруживаются известные различия между случаем типа *to depend on something/somebody* и случаем типа *to look at something/somebody*. Дело в том, что употребление предлога *at* во втором сочетании не является таким уж изолированным, как это представляется на первый взгляд: с предлогом *at* могут сочетаться и обычно сочетаются также и другие глаголы с аналогичной лексической семантикой, например, глаголы *stare* *смотреть пристально*, *glance* *бросить взгляд*, *gaze* *смотреть внимательно* и т. п. В результате имеется некоторый разрыв связи между предлогом *at* и глаголом *look*: предлог *at* употребляется во всех тех случаях когда речь идет о «смотреии» и тем самым он в той или иной степени приобретает собственное лексическое значение — обозначение отношения между сознательно направленным взглядом и предметом, на который он направлен. Таким образом, хотя сочетания типа *to look at something/somebody* и сближаются с управлением, эта близость в какой-то мере подрывается возможностью использования *at* с некоторым числом других глаголов, семантически близких к глаголу *look*. Поэтому более типичным был бы, пожалуй, случай с *listen to*.

Из сказанного следует, что сочетания глаголов с предлогами в современном английском языке можно подразделить на следующие три основные группы:

1. Максимально свободные случаи типа *to sit on*, *to sit under*, *to sit over*, *to sit in*, *to sit behind*, *to sit between* и т. п.
2. Максимально идиоматичные случаи типа *to depend on*, *to believe in* и т. п.
3. Промежуточные случаи типа *to look at* и т. п., где у предлога развивается лексическое значение, соответствующее

его сочетаемости с определенной группой семантически близких глаголов.

Проведенный выше анализ позволяет разобраться и в предложных сочетаниях типа *the roof of the house* *крыша дома*, *a piece of chalk* *кусок мела*, *the leg of the table* *ножка стола*, *the works of Shakespeare* *произведения Шекспира* и др. с целью выяснения действительной роли предлога *of* в этих сочетаниях. Можно легко увидеть, что управления в этих словосочетаниях нет, поскольку в них отсутствует характерная для управления зависимость предлога от управляющего слова. Во всех приведенных случаях предлог *of* употребляется свободно, в полном соответствии со своим лексическим значением (приблизительно эквивалентным значению '-s'). Ограничение употребления *of* может исходить не от управляющего слова, а от общего смысла предложения или, точнее, от реального положения вещей в обозначаемой действительности. Лексическое значение предлога *of* легко установить из сопоставления следующих двух словосочетаний: (1) *the words of the sentence* *слова предложения* и (2) *the words in the sentence* *слова в предложении*. Благодаря различию предлогов осмысление отношений между словами и предложением в обоих случаях различно: первое словосочетание понимается как *слова, принадлежащие данному предложению*, а второе — как *слова, входящие в содержание предложения*. Лексическое значение предлога *of* выступает также при сопоставлении сочетаний *the house of the open window* и *the house with the open window*. Первое словосочетание вовсе не означает, что в доме было открыто окно: в таком случае употребляется предлог *with*; но в нем указывается, что окно особым образом характеризует весь дом. Таким образом, различие в предлогах ведет к изменению смысла всего словосочетания. Все это не дает никаких оснований сомневаться в том, что предлог *of* обладает лексическим значением подобно другим предлогам — таким, как *under*, *over*, *behind*, *in*, *on*, — но, в отличие от этих предлогов, он имеет более абстрактное значение, которое именно вследствие своей абстрактности не является столь ярким.

В связи с вопросом о предлогах необходимо также обратить внимание на специфическое для английского языка взаимоотношение предлога и наречия. Дело в том, что в английском языке в огромном количестве случаев наблю-

дается совпадение предлога и наречия, как, например, в ш this room *в этой комнате*, где in — предлог, и в Come in! *Войдите!*, где то же самое in выступает в функции наречия. Такие случаи имеются и в русском языке, но там они единичны: ср. 'он сел возле' и 'он сел возле меня'. В связи с этим в английском языке предлоги оказываются более самостоятельными, а самостоятельность наречий, наоборот, ослабляется. Английский предлог представляет собой как бы ослабленное наречие — наречие, использованное в связующей функции. Подобные слова правильнее всего называть предложными наречиями. При этом понятно, что такие единицы, как in-предлог и in-наречие, будут представлять собой одно и то же слово, одну и ту же часть речи, лишь различно функционирующую в разных случаях своего употребления.

Примечание. Из сказанного вовсе не следует, что собственно предлоги в современном английском языке отсутствуют. Предлоги в английском языке есть, но это уже новообразованные слова глагольного происхождения, такие как during *в течение*, concerning *относительно* и т. п. (Подробнее см. «Морфологию английского языка».)

Таким образом, между функциями наречия и предлога в современном английском языке происходит постоянный взаимопереход, и в результате одни формы связи могут перестраиваться в другие. В качестве примера можно взять предложения They laughed at him *Они смеялись над ним* и He was laughed at *Над ним смеялись*. В первом предложении мы имеем случай предложного управления, хотя и не вполне типичного. Но выполняет ли at функцию предлога во втором предложении? Если бы это было так, то предлог at должен был бы относиться к какому-то другому слову. По смыслу он действительно относится к местоимению he; однако грамматически связь at и he невозможна: he является словоформой именительного падежа, а именительный падеж с предлогом вообще не сочетается; нельзя считать, что he вводится предлогом at, так как he является грамматическим центром всей конструкции (подлежащим предложения), что, в частности, в достаточной степени подчеркивается согласованием с ним сказуемого (he was). Все это заставляет признать at в предложении He was laughed at не предлогом, а наречием. А это означает, что предложное управление в английском языке имеет известные границы: оно ограничено лишь актив-

ными формами. В соответствующих пассивных конструкциях мы имеем дело не с предложным управлением, а с сочетанием глагола с наречием. Происходит как бы перераспределение синтаксических значений: предложное управление оказывается подвижным и при переходе в пассив разрушается. В результате имеет место переосмысление грамматических конструкций без изменений в лексике: в активной конструкции *at* соединяется с существительным (или местоимением), образуя предложное дополнение (*at him*); в пассивной конструкции то же самое *at* выступает уже в функции наречия и образует с глаголом тесный комплекс (*to be laughed at*).

§ 66. Помимо предлогов, к связующим словам относятся также союзы. Союзы употребляются как для связи отдельных слов и групп слов в пределах предложения, так и для соединения предложений. В отличие от предлогов, которые всегда вводят имя существительное (или местоимение), союзы могут присоединять различные части речи.

По значению союзы разделяются на сочинительные (*and, also, but* и др.) и подчинительные (*since, as, till, because, if, than* и др.).

По своему строению союзы разделяются на союзы, выступающие в предложении в виде одного отдельного слова, и союзы, выступающие в виде соотносительных пар слов (*either ... or, as ... as* и др.). Последние по своему значению являются сочинительными союзами.

Сочинительные союзы употребляются и внутри предложения для соединения его членов и между частями сложных предложений, образуя сложносочиненные предложения. Ср. *John and his wife went to the sea Джон и его жена поехали на море, He stood up and said... Он встал и сказал...*, где *and* соединяет два однородных члена предложения (два подлежащих и два сказуемых, соответственно), и *I asked and he answered the following Я спросил, и он ответил следующее*, где союз связывает два грамматически равноправных предложения (хотя по своему содержанию они могут и не быть равноправными).

Подчинительные союзы обычно связывают только части сложноподчиненного предложения, так как подчинительная связь внутри предложения (между его членами) большей частью осуществляется с помощью предлогов.

Поскольку роль подчинительных союзов близка к роли предлогов, между ними иногда возможно смешение. Так, например, предложение *He is taller than I Он выше меня* по своему содержанию равняется предложению *He is taller than I am*, но поскольку второе сказуемое в этом предложении отсутствует, *than* становится похожим на предлог и как бы переходит в него. Именно этим, по-видимому, и объясняется употребление формы объектного падежа местоимения *I* в предложении *He is taller than me*.

Интересно в этой связи отметить, что для обозначения известных отношений между предметами может употребляться в одном случае предлог, а в другом — союз: ср., например, *John with his wife went to the sea Джон со своей женой поехал на море* и *John and his wife went to the sea Джон и его жена поехали на море*. Союз *and* подчеркивает здесь то, что Джон и его жена поехали на море на «равных правах»; наоборот, употребление предлога *with* в качестве главного действующего лица выделяет Джона.

§ 67. Связующую функцию в предложении могут выполнять также и слова, выступающие в качестве самостоятельных членов предложения. Прежде всего, сюда надо отнести относительные местоимения и наречия.

Относительные местоимения и наречия, подобно предлогам и союзам, имеют связующее значение, и, благодаря этому значению, они способствуют осуществлению связи между частями предложения. Ближе всего относительные местоимения и наречия стоят к подчинительным союзам. Эта близость настолько велика, что в целом ряде случаев возможен переход из одной категории слов в другую. Обычно относительные местоимения и наречия служат для введения определительных придаточных предложений: ср. *I spoke to the man whom you saw yesterday Я говорил с человеком, которого вы видели вчера*; *It happened in the year when he came to Moscow Это случилось в том году, когда он приехал в Москву*.

Примечание. В английском языке принято различать в соответствии со значением вводимых относительными местоимениями и наречиями предложений две функции этих слов: (1) ограничительную (*restrictive*) и (2) описательную (*descriptive*). С одной стороны, указанные местоимения и наречия могут использоваться при более точном определении предмета — и тогда мы имеем ограничительную функцию, —

а с другой стороны, они могут присоединять еще одно определение к ряду других определений и тем самым выступать в описательной функции. Так, например, в предложении I spoke to the man whom you saw yesterday *Я говорил с человеком, которого вы видели вчера* без придаточного предложения, вводимого местоимением whom, лицо, о котором идет речь, оказывается вообще не определенным. Уточнение лица производится придаточным предложением, которое как бы ограничивает слово man. Напротив, в предложении He visited his father who lived in London *Он посетил своего отца, который жил в Лондоне* никакого «ограничения» слова father придаточным предложением нет: придаточное предложение используется лишь для более полного описания соответствующего лица. Все относительные местоимения и наречия употребляются в современном английском языке в равной мере в обеих функциях. Единственным исключением является местоимение that, которое употребляется, главным образом, в ограничительной функции.

Часто слово, к которому непосредственно относится рассматриваемое местоимение или наречие, может быть опущено. В таком случае функции относительных местоимений и наречий расширяются: мы получаем то, что обычно называется «конденсированными относительными словами» (Condensed Relatives): ср., например, Who says that is right *Том, кто говорит это, прав*, где придаточное предложение как бы вытесняет подлежащее в более полном предложении He who says that is right и занимает его место. Предложения, вводимые «конденсированными относительными словами», могут выполнять самые различные функции, соответствующие функции определяемого слова в более полном предложении: в частности — и функцию прямого дополнения, как в предложении I don't understand what you say *Я не понимаю того, что вы говорите* (очевидно, раньше это предложение строилось по образцу *I don't understand that which you say).

Наряду с «конденсированными относительными словами» выделяются также и связующие местоимения и наречия (Conjunctive Pronouns and Adverbs), которые в общем аналогичны конденсированным относительным словам, но отличаются от последних тем, что в языке отсутствует параллельная более полная конструкция. Так, например, предложение It happened when he came to Moscow *Это случилось, когда он приехал в Москву* можно было бы как будто рассматривать с той же точки зрения, что и предложение I don't know what you say, но этому препятствует отсутствие параллельной конструкции типа *It happened then when he came to Moscow. То же относится и к таким предложениям, как I don't know

what to do *Я не знаю, что делать*, где также нет подобного параллелизма.

Следующей ступенью являются вопросительные слова в предложениях типа He asked what I was going to do *Он спросил, что я собираюсь делать*. Здесь слово what является обычным вопросительным словом, которое вообще не несет на себе никакой связующей функции. Связь в этом предложении выражена не словом what, а формой времени и порядком слов. Что же касается what, то оно должно быть в предложении даже и тогда, когда вторая часть сложноподчиненного предложения будет выступать самостоятельно: ср. What are you going to do? *Что вы собираетесь делать?*

Таким образом, намечается следующая градация связующих местоимений и наречий:

1. Собственно относительные слова, имеющие исключительно атрибутивное значение в предложении, как в He visited his father who lived in London.

2. Так называемые конденсированные относительные слова; в этом случае слово, к которому относится придаточное предложение, опущено, в результате чего относительное местоимение и наречие приобретают большую самостоятельность: ср. I don't understand what you say.

3. Связующие местоимения и наречия, стоящие ближе к союзу, поскольку вводимое ими предложение не относится ни к какому конкретному слову: ср. It happened when he came to Moscow.

4. Вопросительные местоимения, которые вообще не используются в связующей функции: ср. He asked what I was going to do.

§ 68. В английском языке нередко наблюдается отсутствие служебных слов там, где они кажутся необходимыми. Подобное соединение слов носит название асиндетического, или бессоюзного.

Особенно часто наблюдается опущение союза that: ср., например, предложения Tell Tom that I want to see him и Tell Tom I want to see him — оба со значением *Скажите Тому, что я хочу его видеть*. С точки зрения истории языка отсутствие союза that представляется более или менее ясным. Союз that возник в прямой речи, или, точнее, он восходит к явлению смешения прямой речи с косвенной. На первых

порах предложения, передающие чужую речь, строились по образцу He said that: "I shall come", и, таким образом, различие между союзной и бессоюзной связью заключалось лишь в наличии или отсутствии прямого дополнения, являвшегося как бы представителем придаточного предложения в главном. В дальнейшем же из этого типа предложений развились указанные выше два типа косвенной речи: He said that he would come и He said he would come.

Однако интересно выяснить другое, а именно: почему отсутствие союза не затрудняет понимания смысла предложения. Дело здесь, по-видимому, в том, что отсутствие that создает неожиданное столкновение словоформ, явно не сочетаемых друг с другом: ср. Tell Tom I want to see him, где оказываются рядом словоформа Tom и словоформа I. Это специфическое соединение словоформ, которые иначе не сочетаются друг с другом, и выступает в качестве эквивалента союза that. Поэтому отсутствие союза является здесь значащим.

В какой-то степени аналогичное явление мы наблюдаем и при отсутствии союза if: ср. Had I known him better, I should have trusted him *Если бы я его знал лучше, я бы верил ему*, эквивалентное If I had known him better, I should have trusted him. В этой конструкции понимание обеспечивает инверсия (см. § 60), также выступающая в качестве своего рода эквивалента опущенного союза.

Опущение связующего слова может иметь место и тогда, когда для выражения связи используются относительные местоимения. Так, например, наряду с конструкцией That's the man whom (who) I saw yesterday *Это человек, которого я видел вчера*, встречается также и конструкция That's the man I saw yesterday. Здесь интересно обратить внимание на то, что опущение whom (who) имеет известные ограничения и, например, в предложении That's the man who wanted to see you *Вот человек, который хотел вас видеть* является вообще невозможным. Обычно в грамматиках говорится, что пропуск относительного местоимения исключается, когда это местоимение выступает в функции подлежащего. Однако подобное замечание представляет собой лишь констатацию факта, но никак не объяснение. В действительности же причина заключается в том, что при пропуске местоимения, являющегося подлежащим, была бы стерта грань между двумя пред-

ложениями: в случае *That's the man wanted to see you слова man и wanted неизбежно бы объединились, и понимание смысла предложения было бы затруднено. Другое дело случай That's the man I wanted to see, где на стыке оказываются несвязуемые элементы (man и I) и где опасность слияния двух предложений поэтому отсутствует.

Особый случай представляют собой предложения с there is и it is. В таких предложениях оказывается возможным опущение относительного местоимения, даже если оно является подлежащим придаточного предложения: ср. There is a man wants to see you *Есть человек, который хочет вас видеть* вместо There is a man who wants to see you или It was haste killed him *Именно поспешность убила его* вместо It was haste that killed him. Здесь пропуск местоимения объясняется привычностью выражений there is и it is, их специфичностью, тем, что они являются в какой-то степени застывшими и раз навсегда данными выражениями. Для языка же вообще характерно, что при использовании застывших выражений мысль может выражаться формально не так точно, так как подобные обороты всегда способствуют более легкому пониманию текста. Конструкции с there is и it is настолько привычны и ясны, что легко допускают известные исключения. К этому надо прибавить, что главное предложение здесь семантически мало весомо. Основное содержание сосредоточивается в придаточном предложении, а конструкции there is и it is лишь дополнительно подчеркивают это содержание, являясь своего рода «точками над i». Интересно в связи с этим отметить, что подобные конструкции имеются и в русском языке: ср. 'Это он взял книгу', где 'это' является чем-то вроде усилительной частицы.

§ 69. До известной степени со служебными словами, использующимися в связующей функции, сближаются глаголы. Если при глаголе имеется дополнение, то в этом случае глагол выступает в качестве связующего звена между подлежащим и дополнением, как, например, в He bought a book *Он купил книгу*. Возможны также и случаи, когда глагол указывает на отношение между подлежащим и признаком (ср. He is old *Он стар*), а также на отношение между подлежащим и каким-либо обстоятельством (ср. He is in Moscow *Он в Москве*). Таким образом, у глагола, как и у предлога,

имеется грамматическая функция выражения связи между словами. Однако глагол, в отличие от предлога, имеет обычно полноценное и яркое лексическое значение, что делает связующую функцию мало заметной: ср. He reads a book *Он читает книгу*, He buys a book *Он покупает книгу*, He translates a book *Он переводит книгу*, He writes a book *Он пишет книгу*, где на первый план выступают именно собственно лексические индивидуальные значения глаголов: *читает* — в отличие от *покупает*, *переводит*, *пишет* и т. п. Иногда все же даже в глаголе лексическое значение может в той или иной мере ослабляться, и тогда глагол переходит в разряд служебных слов, как это, например, имеет место в конструкциях с глаголом be. Более того, для некоторых глаголов служебная функция оказывается типичной. В самом деле, однозначное употребление такого глагола, как be, является довольно редким; оно ограничивается случаями типа You can't destroy what isn't *Вы не можете разрушить того, что не существует*; наоборот, служебное употребление этого глагола оказывается в английском языке типичным: ср. He is young *Он молод*, He is a teacher *Он преподаватель*, He is at home *Он дома* и т. п. Однако было бы ошибочным полагать, что функция связки имеется у глагола только тогда, когда его лексическое значение ослаблено в той же мере, что и у глагола be. В следующем предложении функцию глагола-связки выполняют глаголы go и come, явно сохраняющие свое полноценное лексическое значение: ср. She went a young girl, she came back a grown-up woman *Она уехала молодой девушкой, а вернулась она взрослой женщиной*. Точно таким же образом в предложениях The moon rose red *Луна взошла «красная»* и The sun shone bright *Солнце светило «яркое»* в указанной функции выступают однозначные глаголы rise и shine. Нужно сказать, что такие глаголы, как be, become, get и др., не потому выделяются в специальную группу глаголов-связок, что они обладают способностью связывать — этой способностью обладают очень многие глаголы, — а потому, что данная функция у них оказывается наиболее яркой и заметной вследствие ослабления собственно лексического значения. (Подробнее по этому вопросу см. § 77).

ЧАСТЬ III

УЧЕНИЕ О ПРЕДЛОЖЕНИИ

Глава V

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. ПРЕДИКАЦИЯ

§ 70. Как уже отмечалось выше (см. §§ 42—49), в синтаксисе выделяются два основных вопроса — вопрос о природе словосочетания и вопрос о создании предложения как такового. Установление различных способов связи между словами и изучение функций этих слов само по себе не исчерпывает синтаксического исследования, так как не раскрывает природы основной синтаксической категории — предложения. Так, например, если взять такие ряды закономерно связанных между собою слов, как *a large room* *большая комната*, *to look at him* *смотреть на него*, *the doctor's arrival* *прибытие доктора* или даже *his having come* и *his saying that*, то легко убедиться в том, что, хотя слова во всех этих случаях соединены друг с другом по определенным правилам и хотя устанавливаемые этой связью отношения понятны, словосочетания все же не имеют реального, или актуального, смысла. В них выражается не цельная мысль, а, скорее, как бы фрагменты мысли и в то же время отсутствует нечто, что делает данный ряд закономерно соединенных слов предложением. Это означает, что, хотя вопрос о словосочетании, или закономерном

грамматическом соединении слов, с одной стороны, и вопрос о предложении, с другой стороны, являются тесно связанными между собою проблемами, это все же две разные проблемы, причем ведущей из них является проблема построения предложения как такового. В связи с этим необходимо еще раз напомнить, что предложение не всегда состоит из сочетаний рядов слов; в известных случаях встречаются и однословные предложения, которые производят впечатление вполне законченных высказываний и действительно являются таковыми, но тем не менее вопроса о связи слов и о правилах сочетания слов в них вообще не возникает: ср. такие однословные предложения, как *Come! Подойдите!*; *Go! Идите!*; *When? Когда?*; *Why? Почему?*; *Which? Который?*; *Yes Да* и многие другие. В то же время вопрос о построении предложения в этих случаях не теряет исключительной важности: тем более здесь подлежит выяснению то, что делает словарные *when, why, which* и др. законченными высказываниями.

Что же делает слово или ряд слов законченным высказыванием? Какие моменты являются конституирующими моментами предложения как такового?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего разобраться в существе различия между такими словосочетаниями и такими предложениями, которые включают в свой состав те же самые (или весьма близкие по значению) лексические единицы: например, *the doctor's arrival прибытие доктора* и *The doctor arrived Доктор прибыл*. В обоих случаях сказано об одном и том же лице (докторе) и об одном и том же действии (прибытии), но, тем не менее, между ними имеется важное и принципиальное различие: из двух сочетаний только второе (*The doctor arrived*) является сообщением какого-то реального факта, имеющего вполне определенный актуальный смысл. В самом деле, ведь только в этом случае прибытие доктора обозначено как действительно имевший место факт — факт, относящийся к прошлому, а не к будущему или настоящему и т. п., и, поэтому, только в случае *The doctor arrived* высказывание приобретает определенный актуальный смысл: услышав это сообщение, мы можем соответственно реагировать на него и предпринимать те или иные действия. Наоборот, словосочетание *the doctor's arrival* не имеет для нас никакой актуальной ценности; оно, конечно, понятно, и услышавший

его моментально свяжет это словосочетание с прибытием доктора, но при этом он не будет иметь ни малейшего представления о том, является ли это событие реальным или только желательным, необходимым или возможным; относится ли оно к настоящему моменту или к будущему и т. п. Указанное принципиальное различие между приведенными рядами слов не может основываться на различиях словарного порядка, поскольку в лексическом плане существенных различий между ними не существует. Это заставляет предположить, что решение данного вопроса нужно искать в области грамматики. Действительно, если сравнить ряды слов *The doctor arrived* и *the doctor's arrival*, то легко увидеть, что первый случай отличается от второго тем, что он содержит указание на время совершения действия. Далее, указание на время совершения действия сопровождается указанием на то, что содержание данного высказывания мыслится как соответствующее действительности. Таким образом, в первом случае к общему содержанию *приезд доктора* добавлен еще один момент, который выделяется как момент грамматический: *приезд доктора состоялся и состоялся в прошлом*. Отнесение данного события к действительности и создает впечатление законченности, о чем уже было сказано выше. Этот момент чрезвычайно важен, так как мы живем в объективной действительности, и поэтому отношение каждого слышимого (или читаемого) высказывания к действительности является для нас основным. Это отнесение высказывания к действительности и можно назвать предикацией.

Следовательно, наиболее существенным моментом в оформлении речи в виде предложения, тем, что делает предложение предложением, является предикация, или отнесение содержания высказываемого к действительности. Именно предикация включает сказанное в систему бытия, придает высказыванию законченность и превращает данный отрезок речи в предложение. Это значит, что если нам дано известное содержание, например *his writing a letter* (в данном случае типичная для предложения связь субъекта, процесса и объекта), то для того, чтобы это содержание приобрело законченность и актуальность, т. е. превратилось в предложение, оно должно быть соотнесено с действительностью. Только при этом условии содержание *his writing a letter* получает реальный смысл и превращается в предложение *He wrote a letter*, что

означает His writing a letter took place in the past. По своему лексическому содержанию His writing a letter и He wrote a letter эквивалентны, но во втором вводится новый грамматический момент — указание на отношение к действительности, или предикация, и этот новый момент оказывается решающим.

Необходимо в связи с этим заметить, что предикация может выражаться не только в полнозначном слове, как это имеет место в предложении He wrote a letter, где предикация выражена глаголом write, но и в слове, не имеющем ясного лексического значения: ср. My brother is a doctor *Мой брат — доктор* с предикацией в служебном глаголе is. Можно сказать даже больше: при выражении предикации глаголом-связкой с сильно ослабленным лексическим значением — в частности глаголом-связкой is — мы имеем максимальное приближение к наиболее чистому выражению предикации. В самом деле, лексическое значение глагола be как особая мысль здесь не выделяется, а тем самым основная роль глагола-связки сводится к тому, что он, почти ничего не добавляя к лексическому содержанию my brother и doctor, представляет отношение между моим братом и профессией доктора как реальное и относящееся к настоящему; этим, по существу, и ограничивается основное назначение is.

§ 71. Выражение предикации в живой связной речи не всегда является в достаточной мере ясным, а поэтому в целом ряде случаев возникает вопрос, представляет ли данный речевой отрезок предложение или нет. Решение этого вопроса, как будет показано ниже, сопряжено с большим количеством трудностей.

В качестве иллюстрации рассмотрим следующие случаи употребления слова London *Лондон*:

1. London — в качестве отдельно написанного слова, обозначающего город Лондон.
2. London — в качестве заглавия книги.
3. London — надпись под планом города Лондона.
4. This is London.

Последний(четвертый)случай отличается от первых трех тем, что здесь мы видим наиболее полное выражение предикации. Однако, по существу, третий случай довольно близок к четвертому, поскольку он представляет собой определенное утверждение, согласно которому то, что начерчено на плане, дей-

ствительно является городом Лондоном. Содержание этого утверждения можно также было бы передать предположением *This is London*; однако, в отличие от данного предложения, предикация здесь не выражается никакими языковыми средствами; она лишь подсказывается самой ситуацией.

Первый и второй случаи существенно отличаются от двух последних. Нельзя сказать, что слово *London*, в качестве заглавия книги или отдельно написанное, содержит предикацию: слово *London* в этих двух случаях лишь вызывает определенное представление, лишь направляет внимание на данный предмет, но оно не содержит в себе никакого утверждения, а, следовательно, и не имеет предикации. Однако все же и в том и в другом случае *London* не просто слово как элемент словаря, поскольку оно употреблено здесь с тем, чтобы вызвать определенный образ, известное представление, хотя отношение к действительности и не уточняется. Такие отрезки речи можно было бы назвать репрезентативными (от слова «репрезентировать» *представлять*) речениями. В то же время второй случай в известном смысле является промежуточным между первым и третьим. Надпись на книге, выступая в качестве репрезентативного речения, указывает вместе с тем на то, что высказывание об этом предмете (городе Лондоне) будет дано в самой книге; она, таким образом, сообщает содержание, или тему, книги и поэтому имеет более целеустремленный характер и является более осмысленным и направленным. Такое репрезентативное речение можно обозначить термином тематическое репрезентативное речение. Однако, тем не менее, несмотря на указанное различие между первым и вторым случаями, основная грань все же проходит не между речениями 1 и 2, а между речениями 1 и 2, с одной стороны, и речениями 3 и 4, с другой стороны, поскольку только в речениях 3 и 4 содержится определенное утверждение о чем-то. Это утверждение или заявление о чем-то, установление некоторых положительных связей между предметами и явлениями реального мира или указание на отсутствие таких связей и является одной из характерных черт предикации.

В этом отношении типичными предложениями являются предложения с полностью выраженной положительной или отрицательной предикацией — такие, как *He is a doctor*

Он доктор, He wrote a letter *Он написал письмо*; He is not a doctor *Он не доктор*, He didn't write a letter *Он не написал письма* и т. п. Именно в предложениях подобного типа содержится полностью выраженное утверждение о наличии или отсутствии определенных связей между предметами и явлениями объективной действительности. Что касается вопросительных предложений, то они могут быть охарактеризованы как предложения, в которых утверждение о наличии или отсутствии определенных связей выражено не полностью, поскольку, наряду с указанием на действительно имеющие место факты и события, в них содержится заявление о том, что обозначаемые отношения реальности не представляются до конца ясными: может быть неизвестен один из членов отношения, характер отношения и т. п. (Например, в вопросительном предложении *What happened? Что случилось?* указывается на то, что в прошлом что-то действительно произошло, однако неизвестно, что именно.) Кроме того, в вопросительном предложении содержится еще момент волевой, побуждающий собеседника к ответу. Иначе говоря, предикация здесь сопровождается динамическим, волевым влиянием на собеседника, связанным с желанием вызвать у него ответную словесную реакцию. В этом отношении вопросительное предложение является как бы переходной ступенью к предложениям императивного характера, где волевой момент является основным. Соответственно, указанный выше момент утверждения в императивных предложениях играет весьма незначительную роль, а в междометных речениях типа *oh!* он вообще исчезает.

Средства выражения предикации очень разнообразны.

Для всех языков универсальным средством выражения предикации является интонация, которая, как уже было сказано выше (см. § 37 и § 46), отличает предложение от простой группы слов, поставленных рядом, даже если эти слова связаны друг с другом по существующим в данном языке грамматическим правилам: без интонации они будут представлять собой лишь потенциальное предложение.

Особое значение интонация приобретает в однословных предложениях, и если, например, словоформа *come* (повелительное наклонение) произнесена без соответствующей интонации, то неясно, что она означает — повеление, приглашение или просьбу (ведь слово, взятое само по себе,

интонации не имеет). Единица [kΛm] — просто слово, но [kΛm], произнесенное с определенной интонацией, уже есть предложение, имеющее определенную целевую направленность. В письменной речи интонация как таковая не изображается; понять ее помогает смысл и отчасти пунктуация, которая служит главным образом для того, чтобы разоблаяться в структуре предложения.

Другим типичным способом выражения предикации является выражение ее с помощью предикативных (личных) форм глагола. Предикативными, или личными, формами глагола называются формы, выражающие лицо, число, наклонение, время. Основным элементом предикации является модальность, без которой немислима никакая предикация. Однако модальность в форме того или иного наклонения только модифицирует предикацию, указывая на ту или иную связь с действительностью. В случае же совпадения с действительностью (в изъявительном наклонении) необходимым элементом предикации оказывается также указание на время, к которому относится данное высказывание. Кроме того, когда что-то утверждается, это делается всегда в отношении какого-либо предмета или лица. В связи с этим возникает необходимость в формах лица и числа, с помощью которых вовлекается в предикацию тот предмет или лицо, в связи с которым делается данное конкретное утверждение. Поэтому в речевой практике иногда можно ограничиться лишь глаголом, опустив подлежащее. Такое построение предложения особенно характерно для греческого и латинского языков (ср., например, *лат. Dum spiro, spero*).

В некоторых случаях средством выражения предикации является отсутствие глагола. Особенно часто подобные случаи наблюдаются в русском языке, например, в предложении типа 'Мой брат — доктор'. Сюда же примыкает и английский оборот вроде *Why not go there? Почему не пойти туда?*, в котором отсутствует предикативная форма глагола. Однако, кроме этих отдельных, особых конструкций, в английском языке может наблюдаться также регулярное и закономерное выражение предикации без предикативной формы глагола. Такое безглагольное выражение предикации возможно в тех случаях, когда предикацию подсказывает ситуация, как, например, в третьем случае из разобранных выше четырех примеров употребления слова *London* (подпись под

планом). С этими случаями сближаются объявления и вывески вроде *No smoking! Не курить!*, *English spoken here Здесь говорят по-английски*, хотя ситуация и имеет здесь несколько меньшее значение. Часто встречается безглагольная предикация в повелительных предложениях типа *Some water! Воды!* В связи с интонацией эти выражения содержат предикацию, но ситуация здесь также имеет значение.

Более сложные случаи выражения предикации встречаются там, где отсутствие глагола вносит особый оттенок: например, объяснение тех или иных слов в толковых словарях без использования глагола: ср. *commence, v. t. & i. begin*. Здесь само сопоставление двух единиц носит характер предикации, поскольку в этом сопоставлении содержится утверждение; что же касается знаков препинания, то здесь может быть не только запятая. Сюда же относятся в какой-то степени и указания в справочниках вроде *Lydgate, an English poet*. Если бы здесь был глагол *was* или *is*, то изменился бы смысл, так как в данном случае говорится не о лице, а лишь о фамилии этого лица и при этом устанавливается, кому она принадлежит. Таким образом, это совершенно нормальное предложение, которое не может быть изменено без искажения смысла. Отсутствие глагола часто имеет место также в предложениях-ответах: ср., например, "What's your name?" "John". «Как ваше имя?» «Джон». Однако эти предложения ближе всего стоят к приведенному выше третьему случаю употребления слова *London*: предикация понимается здесь из интонации и ситуации (в данном случае языковой).

2. ПРЕДИКАТ И СУБЪЕКТ. СКАЗУЕМОЕ И ПОДЛЕЖАЩЕЕ

§ 72. Выше было указано (см. § 70), что предикация есть ощущение известного содержания высказывания к действительности в отвлечении от этого содержания, что же касается самого содержания высказывания, связанного с предикацией, то оно, в отличие от предикации, может быть обозначено термином предикат. Иначе говоря, предикатом является тот предмет мысли, который осознается вместе с предикацией (в том смысле, как она была сформулирована выше). Так, в предложении *The doctor arrived Доктор прибыл* предикация, выражаемая словоформой *arrived*, мыслится в связи с обозначаемым этой словоформой прибытием

какого-то лица, предикатом данного высказывания. Являясь предметом мысли, связанным с предикацией, предикат сам по себе стоит вне предложения. В предложении же предикат, как и сама предикация, находит свое выражение в сказуемом. Таким образом, сказуемое есть то слово или сочетание слов, которым обозначается предикат и выражается предикация.

Предикат обычно мыслится не отдельно, не сам по себе, но в отношении к субъекту. Субъект — это тот предмет мысли, по отношению к которому мыслится, определяется и выделяется предикат. Субъект в предложении находит выражение в подлежащем. Следовательно, подлежащее представляет собой слово или сочетание слов, которым обозначается субъект.

Из сказанного следует, что, хотя предикат и сказуемое, субъект и подлежащее связаны между собой, они ни в какой мере не являются тождественными, а поэтому четкое разграничение этих понятий является делом большой важности. Сказуемое и подлежащее — это члены предложения, представленные определенными словами, в то время как предикат и субъект не слова, не члены предложения, а предметы мысли: это то, что отражается в предложении, но само находится вне предложения. В частности, предложение *He was sleeping Он спал* содержит два основных лексических элемента, обозначающих два предмета мысли: известное из предыдущего контекста лицо мужского пола и процесс сна. Если рассмотреть эти два предмета мысли с точки зрения их отношения к бытию, то легко убедиться, что вместе с отношением к бытию мыслится только второй компонент, а именно — процесс сна; явление сна осознается как действительное явление прошлого, а не как что-то предположительное или воображаемое; иначе говоря, процесс сна представлен как реальный процесс прошлого. Следовательно, словоформа *was sleeping*, в связи с которой выражается предикация и которая обозначает процесс сна, выступающий как предикат, является сказуемым предложения. Однако выражение мысли о сне как о реальном процессе прошлого дано здесь не само по себе, оно оказывается в определенном отношении к лицу, обозначенному словом *he*. Соответственно, это лицо будет субъектом, а слово, обозначающее его, подлежащим предложения.

§ 73. В существующих грамматиках подлежащее и сказуемое часто определяются следующим образом: «подлежащее — это то, о чем говорится в предложении, а сказуемое — это то, что говорится о подлежащем». Подобное определение ни в какой степени нельзя считать правильным. Сплошь и рядом бывает так, что нечто сообщается не сказуемым, а всем предложением в целом, как, например, в предложениях вроде *I see; I understand*, которые вряд ли можно понимать, как сообщение о том, что происходит с подлежащим. Типичными примерами таких предложений являются предложения типа *Yes!* и *No!* Более того, иногда даже может возникнуть прямое противоречие между членением на подлежащее и сказуемое, с одной стороны, и на то, о чем говорится, и то, что говорится, с другой стороны. Так, например, в предложении *Then followed a battle of looks between them* «*Затем последовала борьба взглядов между ними*» подлежащим будет *battle*, но в то же время оно будет представлять собой то новое, что содержится в этом предложении, а не то, о чем в нем говорится. Иными словами, фактическое содержание этого предложения можно было бы передать как *What followed was a battle of looks*. Точно таким же образом, если принимать за подлежащее «то, о чем говорится в предложении», то в русском предложении типа 'Завтра я пойду на работу, зайду в библиотеку, пообедаю и вернусь домой' в качестве подлежащего нужно будет выделить не слово 'я', а слово 'завтра', так как все сообщаемое непосредственно относится к завтрашнему дню: в предложении говорится о том, чем будет заполнен завтрашний день; заключенную в предложении мысль можно было бы сформулировать предложением 'Мой завтрашний день будет состоять из посещения работы, библиотеки, обеда и возвращения домой'.

Из приведенных примеров видно, что традиционное определение подлежащего и сказуемого основано на неразграничении лексического и грамматического. Когда подлежащее определяется как «то, о чем говорится», а сказуемое — как «то, что говорится о подлежащем», имеется в виду в действительности не грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, а лексическое подлежащее и лексическое сказуемое: подлежащее и сказуемое определяются здесь без учета грамматических форм и грамматических разрядов соответствующих слов; различие между

тем, «что говорится», и тем, «о чем говорится», лежит при таком понимании в плане лексического значения слов, а не их грамматического значения, в плане соотношения между словами как лексическими единицами, взятыми в отвлечении от их оформления. (Подробнее о лексическом подлежащем и лексическом сказуемом см. § 58.)

Кроме того, с латинскими терминами «субъект» и «предикат» часто связывают понятия действующего лица (или деятеля) и действия: первое понятие обозначается термином «субъект», а второе — термином «предикат». Следует, однако, иметь в виду, что различие между указанными понятиями лежит совершенно в ином плане, чем различие между субъектом и предикатом, а также подлежащим и сказуемым, хотя оба плана обычно и пересекаются. В самом деле, деятель не всегда совпадает с субъектом, а, следовательно, не всегда обозначается подлежащим. Так, в предложении 'Пятнадцать пишется без мягкого знака после «т»' слово 'пятнадцать' является подлежащим и соответственно обозначает субъект, но оно ни в какой степени не может рассматриваться как обозначение деятеля: ведь число пятнадцать не выполняет никакого действия и, в частности, ничего не пишет, оно само пишется и тем самым является не деятелем, а объектом действия.

Таким образом, следует различать:

1. Субъект и предикат (предметы мысли, соответствующие грамматическому подлежащему и грамматическому сказуемому).

2. Грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое (слова, обозначающие субъект и предикат).

3. Лексическое подлежащее и лексическое сказуемое (слова, обозначающие предмет мысли всего высказывания и то, что сообщается об этом предмете мысли).

4. Деятель и действие (под которыми понимаются источник действия в самой обозначаемой действительности и само действие).

Для пояснения всего сказанного выше представляется целесообразным разобрать следующие примеры:

Первый: 'Дом строят'.

1. С грамматической точки зрения:

Подлежащее вообще отсутствует.

Сказуемое — 'строят'.

Прямое дополнение — 'дом'.

2. С точки зрения отыскания субъекта и предиката:
Субъект как таковой в предложении вообще не обозначен, но на него есть известные указания в сказуемом: множественное число, 3-е лицо.
Предикат — действие 'строить'.
3. С лексической точки зрения:
Подлежащее — 'дом'.
Сказуемое — 'строят'.
4. С точки зрения определения деятеля и действия:
Деятель не обозначен.
Действие — 'строить'.

Второй: 'Переводится текст'.

1. С грамматической точки зрения:
Подлежащее — 'текст'.
Сказуемое — 'переводится'.
2. С точки зрения отыскания субъекта и предиката.
Субъект — текст как предмет объективной действительности.
Предикат — действие 'переводить'.
3. С лексической точки зрения:
Подлежащее — 'переводится'.
Сказуемое — 'текст'.
4. С точки зрения определения деятеля и действия:
Деятель не обозначен.
Действие — 'переводить'.

3. СКАЗУЕМОЕ

§ 74. Согласно данному в § 73 определению, сказуемое есть то слово или сочетание слов, которым выражается предикация и обозначается предикат.

При рассмотрении сказуемого выделяются следующие более частные проблемы:

1. Вопрос о содержании сказуемого (характере предиката), поскольку сказуемое в различных предложениях может существенно варьироваться с точки зрения его значения.

2. Вопрос о строении сказуемого, а также о том, как то или иное строение сказуемого связано с его содержанием.

3. Вопрос о выражении предикации в сказуемом и о средствах, используемых для этой цели.

4. Вопрос об отношении сказуемого к подлежащему и о средствах, которые используются для указания на связь подлежащего со сказуемым.

Содержание сказуемого

§ 75. В традиционной грамматике принято делить сказуемое на глагольное и именное: первое обозначает некоторое явление, протекающее во времени (например, *The doctor arrived Доктор прибыл*), а второе содержит в себе определенную характеристику субъекта (например, *He is a doctor Ондоктор*).

Однако" в английском языке, кроме этих двух типов сказуемого, есть еще и другие, которые не укладываются в рамки этой схемы (ср. *He is here Он здесь*; *He is in Moscow Он в Москве*; *He has many friends У него много друзей* и т. п.). Ведь необходимо помнить, что при классификации типов сказуемого с точки зрения его содержания нужно учитывать не особенности его строения, а выражаемый им смысл, который в предложениях вроде *He is here* или *he has many friends* значительно отличается как от смысла сказуемого в предложении *The doctor arrived*, так и от смыслового содержания сказуемого в *He is a doctor*.

С точки зрения содержания можно выделить следующие типысказуемого:

1. В предложении He arrived Он прибыл мыслится определенный процесс (действие) — "приезд"; точно таким же образом обстоит дело и в таких предложениях, как *I am reading Я читаю*; *I am writing Я пишу* и др. Предикатом, или предметом мысли, с которым связывается предикация, здесь является процесс, совершаемый субъектом. Поэтому по содержанию сказуемое этого типа можно определить как процессное и, соответственно, обозначить термином процессное сказуемое.

2. В предложении вроде *He is a doctor Он доктор* никакого процесса нет, но вскрывается какая-то часть самого существа предмета. Собственно содержание высказывания заключается здесь в *he... a doctor*, или, иначе говоря, речь в этом предложении идет о предмете, обозначенном местоимением *he*, у которого выделяется определенный признак, обозначенный словом *doctor*. Таким образом, в данном случае имеет

место известная квалификация субъекта, а поэтому и все сказуемое в этом предложении можно обозначить термином квалификативное сказуемое. Разумеется, что сюда будут относиться также и такие случаи, где в качестве второго компонента сказуемого будет выступать не существительное, а какое-либо прилагательное: ср. He is young *Он молод*; He is old *Он стар*; The room is large *Комната большая* и т. п.

3. В предложении вроде He has many friends *У него много друзей* отсутствует как обозначение процесса, так и обозначение признака. Речь здесь идет о каком-то предмете, находящемся в определенном отношении к субъекту, причем в содержание предиката входит как данное отношение к субъекту, так и сам предмет. Соответственно, сказуемое здесь не ограничивается глаголом has, который не имеет здесь значения *владеть*, а представляет собой нечто вроде служебного слова, употребленного для соединения he и many friends и для выражения предикации. В данном случае в сказуемое вовлекается также и сочетание many friends. В этой связи небезинтересно отметить, что в русском языке мысль, содержащаяся в предложении He has many friends передается обычно предложением 'У него много друзей', где содержание английского глагола has выражается предлогом 'у'.

Сюда же, по-видимому, относятся и такие случаи, как: This box contains fifteen matches *В этой коробке пятнадцать спичек*; This book consists of five chapters *Эта книга состоит из пяти глав*; This book contains five chapters *Эта книга содержит пять глав*; He resembles his father *Он похож на своего отца*.

На первый взгляд кажется, что здесь есть квалификация; однако, если она и есть, идет она совершенно по другой линии, чем в предложении He is a doctor. В отличие от этого предложения, где речь идет об одном и том же лице, в предложении He resembles his father речь идет о двух разных лицах — об отце и еще каком-то лице мужского пола. Точно таким же образом в предложении This book contains five chapters мы понимаем, что book и chapters не обозначают один и тот же предмет: обозначаемые ими предметы соотносятся друг с другом как целое и его часть. Предложение This book contains five chapters эквивалентно конструкции There are five chapters in this book *В этой книге пять глав*, где содержание глагола contain приходится на долю предлога in. Тем самым глагол contain приближается по своему значению к предлогу,

указывая лишь на соотношение предметов, обозначенных словами *book* и *chapters*. Поскольку в грамматическом плане такое отношение является отношением субъекта к объекту, сказуемое этого типа можно назвать объектным сказуемым. Соответственно, объектное сказуемое мы будем иметь и в других перечисленных выше предложениях: *He has many friends*; *The box contains fifteen matches*; *The book consists of five chapters* и др.

Указанный тип сказуемого надо отличать от таких типов сказуемого, которые содержатся в предложениях вроде *He sings songs* *Он поет песни*; *He reads books* *Он читает книги*, где *sings* и *reads* наполнены известным содержанием, затем развиваемым (дополняемым) прямым дополнением. Сказуемое этого типа обозначает процесс, совершаемый субъектом, и, следовательно, по содержанию предиката оно, в отличие от сказуемого в предложениях *He has many friends*; *The book contains five chapters* и др., является процессным.

4. В предложениях типа *He is here* *Он здесь*; *He is in Moscow* *Он в Москве*; *He is in that room* *Он в той комнате* и др. также отсутствует как обозначение процесса, так и квалификация субъекта: *here*, *in Moscow*, *in that room* и т. п. не могут рассматриваться в качестве слов, обозначающих признак субъекта. Подобным же образом, здесь нет и отношения между двумя предметами, хотя в этом случае — также как и в случае объектного сказуемого — обозначаемое подлежащим и вторым компонентом сказуемого реально не тождественно: *he* выражает мысль о каком-то лице мужского пола, а второй компонент сказуемого (*here*, *in Moscow*, *in that room*) — о месте. То, что даже в случае *in Moscow* и *in that room* имеется в виду именно место, а не предмет, проявляется в характере вопроса, который может быть поставлен ко второму компоненту сказуемого: вопрос к нему всегда будет *Where? Где?*, а не *In what? В чем?* Речь идет здесь, следовательно, о нахождении предмета, о тех обстоятельствах, при которых проявляется субъект. В связи с этим нет никаких оснований считать *is* в данного рода предложениях сказуемым. Мы не можем сказать, что *is* — сказуемое, так как лексическое значение этого глагола очень бледно и неопределенно; он играет здесь роль, аналогичную роли того же самого глагола в предложении *He is a doctor*, и является служебным словом. В *He is here*, так же как в *He is a doctor*, мы имеем сложное по своему

строению сказуемое, состоящее из глагола-связки и еще одного компонента, обозначающего место; при этом основным компонентом в семантическом плане является именно второй компонент, поскольку предметом мысли, с которым связывается предикация (предикатом), является именно место. А это означает, что сказуемое в предложении вроде He is here никак нельзя характеризовать как именное сказуемое; скорее, его следует выделить в качестве наречного сказуемого, вопреки традиционной классификации. Однако, поскольку в таких предложениях, как *The book is on the table* *Книга на столе*, сказуемое выражено не наречием, хотя и напоминает наречие по своему содержанию, правильнее было бы для определения смыслового характера сказуемого брать не часть речи, как это обычно делается, а функцию той или другой части речи в предложении. В предложениях же разбираемого типа (*He is here*, *The book is on the table*) важно то, что *here* и *on the table* по своему содержанию характеризуются как обстоятельства, а поэтому и все сказуемое представляется возможным обозначить термином обстоятельственное сказуемое.

Проведенный выше анализ позволяет выделить в современном английском языке четыре основных типа сказуемого с точки зрения его содержания:

1. *The doctor arrived* *Доктор прибыл* — процессное сказуемое.
2. *He is a doctor* *Он доктор* — квалификативное, или определительное, сказуемое.
3. *He has many friends* *У него много друзей* — объектное сказуемое.
4. *He is here* *Он здесь* — обстоятельственное сказуемое.

Во всех вышеуказанных примерах содержание сказуемого охватывает все, что не является подлежащим. Однако, в отличие от первого случая (*The doctor arrived*), в остальных примерах основное содержание сказуемого (обозначение предиката) отделено от слов, выражающих предикацию, и дано в виде особых слов. Следует обратить внимание также на то, что в сказуемом мы выделяем те же основные категории, которые различаются во второстепенных членах предложения: определение, дополнение, обстоятельство. Поэтому сказуемое отличается от второстепенных членов не столько своим содержанием, сколько тем, как это содержание препод-

носится: в сказуемом содержание соотносится с действительностью (предсказывается), тогда как определение, дополнение и обстоятельство, будучи отделены от сказуемого и не вовлекаясь в него, берутся как таковые вне отнесения с действительностью.

Так, в предложении *He read a book Он читал книгу* *read* достаточно наполнено содержанием, в отличие от *has* в предложении *He has many friends У него много друзей*, и, следовательно, *book* легко отделимо от сказуемого и выступает в качестве самостоятельного члена предложения — прямого дополнения. В предложении *I saw him there Я видел его там* мы наблюдаем то же самое, что и в предложении *He read a book: saw* обозначает конкретный процесс и самостоятельно выступает в качестве процессного сказуемого, а *there* сведено до положения второстепенного члена предложения. Хотя оно также входит в группу сказуемого, оно не вовлечено в само ядро сказуемого, в отличие от *here* в *He is here*. Точно таким же образом, отделимым от сказуемого может быть и определение: ср. предложение *The doctor's hat lay on the table шляпа доктора лежала на столе*, где определение *doctor's* стоит обособленно, определяя существительное, выступающее в функции подлежащего. Что касается предложения типа *The doctor arrived Доктор прибыл*, то оно стоит особняком, поскольку для него мы не можем найти соответствия среди второстепенных членов предложения. Это объясняется тем, что, выражая предикацию подобно служебному глаголу *be* (*He is a doctor, He is here* и т. п.), глагол *arrive* вместе с тем обозначает вполне определенный реальный процесс и поэтому является типичным средством выражения сказуемого.

Все четыре типа сказуемого, выделенные с точки зрения их содержания, не обязательно выступают в чистом виде. В ряде случаев лексическое значение глагола может быть ослаблено. Хотя глагол *live* в предложении *He lives there Он живет там* является более полнозначным, чем, например, глагол *be* в предложении *He is there Он там*, он все же не делает мысль законченной и требует последующего *there* для полного завершения мысли; и, таким образом, сказуемое в этом предложении оказывается не только процессным, но и в какой-то степени обстоятельственным. Подобное же положение мы имеем и в предложении *He sat in the corner*

Он сидел в углу. Глагол здесь также имеет определенное лексическое содержание — обозначение реального процесса. Однако такие глаголы, как sit *сидеть* и stand *стоять* (глаголы, обозначающие положение в пространстве), все же являются недостаточно полнозначными. В частности, здесь глагол sit тесно связан с словосочетанием in the corner, поскольку в данном случае важен не столько характер процесса, сколько обстоятельства, при которых этот процесс протекает: важно не только то, что кто-то сидел (или стоял), но важно то, где он сидел. Этому случаю противостоят такие предложения, как I dropped a piece of chalk on the floor *Я уронил кусок мела на пол*, где обстоятельство (on the floor) уже не входит в состав сказуемого, поскольку глагол (drop) здесь достаточно насыщен процессным содержанием, и по этой же причине в состав сказуемого не входит дополнение a piece of chalk. Сказуемое в данном случае является процессным в чистом виде, а это способствует обособлению дополнения и обстоятельства. Несколько иную картину мы наблюдаем в случае с определением. Определение всегда является зависимым членом предложения: например, в предложении The doctor's hat lay on the table *Шляпа доктора лежала на столе* определение doctor's — как бы тесно оно ни было связано с подлежащим — все же по своему характеру не занимает в предложении самостоятельного места: обозначая не предмет или обстановку, а признак, оно тесно объединяется с определяемым и образует с ним единый комплекс. Вот почему, несмотря на относительно большую полнозначность глагола в предложениях типа He became a doctor и т. п., предикатив a doctor не может быть выделен в качестве отдельного члена предложения, не может быть оторван от he и обязательно связан с подлежащим.

В связи с этим представляют определенный интерес случаи типа The moon rose red *Луна взошла «красная»*; She went a young girl, she returned a grown-up woman *Она уехала молодой девушкой, а вернулась взрослой женщиной* и др. В первом предложении глагол rose является полнозначным, а, следовательно, сказуемое является процессным, но вместе с тем здесь есть и квалификатор субъекта — слово red. Таким образом, в предложении как бы соединяются две мысли: The moon rose *Луна взошла* и The moon was red *Луна была красная*. Поскольку обе мысли слиты воедино, возникает

вопрос, выделяется ли red в качестве отдельного члена предложения. Думается, что на этот вопрос следует ответить отрицательно, исходя из того, что red представляет собой квалификацию субъекта, не обособленную самостоятельно, а тесно связанную с предикатом. Сказуемое охватывает здесь два предмета мысли — с одной стороны, процесс, а, с другой стороны, квалификацию, — и поэтому оно как бы расслаивается. Однако, расслаиваясь по содержанию, оно вместе с тем остается одним и тем же членом предложения, ибо его содержание соотносится с действительностью (предикцируется) лишь одинажды — в глаголе rose: rose выражает предикацию и обозначает определенный процесс, а red обозначает качество без выражения предикации. Такой тип сказуемого можно было бы обозначить термином процессно-кваликативное сказуемое, имея в виду указанный выше характер его смыслового содержания. В процессно-кваликативном сказуемом полнозначный глагол является в то же время и глаголом-связкой, так как без него red не было бы связано со словом moon. Разница состоит лишь в том, что в предложении *The moon rose red* связующую функцию выполняет полнозначный глагол, а в предложении *The moon was red* в этой функции выступает служебный глагол *be*. Таким образом, мы видим, что связующую роль может выполнять и полнозначный глагол.

Разобранный тип двойного сказуемого четко не отграничивается от простого сказуемого. Так, например, может возникнуть вопрос, может ли двойное сказуемое быть не только процессно-кваликативным, но и процессно-обстоятельственным или процессно-объектным; ср. предложение *He lives here* *Он живет здесь*; *He works here* *Он работает здесь* и т. п. Пожалуй, на этот вопрос следует ответить отрицательно, так как *here*, которое было основным в содержании обстоятельственного сказуемого в предложении *He is here*, приобретает здесь известную самостоятельность: *here* лишь уточняет сказуемое, а поэтому выступает в качестве самостоятельного члена предложения. Этот случай отличается от *The moon rose red*, где *red* не является второстепенным членом, поскольку оно относится именно к *moon* и не может быть понято как относящееся к *rose*: ведь процесс не может иметь цвета. Слово *rose* вступает в предикативное отношение к *moon*; таким образом, *red* и *rose* параллельны друг другу

и воспринимаются как сказуемое к одному и тому же подлежащему: процессное сказуемое здесь соединяется с квалифицированным.

Точно так же вопрос о двойном сказуемом встает в связи с предложением *He loves his friends Он любит своих друзей*. Сравнивая предложения *He has many friends* и *He loves his friends*, мы видим, что глагол *has* в первом предложении является показателем общего отвлеченного отношения, в то время как глагол *loves* во втором предложении значительно более наполнен содержанием, обозначая определенное чувство, направленное на объект; что же касается словосочетания *his friends*, то оно лишь дополняет содержание сказуемого и определенным образом уточняет его. Однако в то же время глагол *loves* выполняет и определенную служебную функцию, подобно глаголу *has* в *He has many friends*: он связывает подлежащее с дополнением и, тем самым, дополнение с подлежащим, хотя дополнение и воспринимается как в первую очередь связанное с глаголом. Разница между случаями типа *He loves his friends* и случаями типа *The moon rose red*, где *red* входит в сказуемое, — чисто смысловая. В предложении **The moon rose red глагол rose, присоединяя red к moon, выполняет служебную роль глагола-связки, подобную роли связочного глагола be, и при этом связь между red и moon осуществляется помимо лексического значения rose.** Это проявляется, в частности, в том, что связь между подлежащим и *red* в предложении *The moon rose red* не меняется от замены глагола: ср. *The moon set red Луна зашла красная*; *The moon shone red Луна светила красная* и т. п. В предложении же *He loves his friends* глагол устанавливает отношение между подлежащим и дополнением своим собственным содержанием. В этом предложении связь между *he* и *his friends* идет как бы цепочкой, через глагол: *loves* здесь является связующим звеном между *he* и *his friends*; тогда как в предложении *The moon rose red* мы видим, что связь может идти не только «цепочкой», через лексическое содержание самого глагола, но также устанавливаться между крайними членами отношения без учета лексического содержания глагола.

Характер строения сказуемого

§ 76. Задача данного раздела состоит в рассмотрении сказуемого с точки зрения его строения. С этой точки зрения

в современном английском языке можно выделить два основных типа сказуемого: (1) простое сказуемое и (2) составное сказуемое.

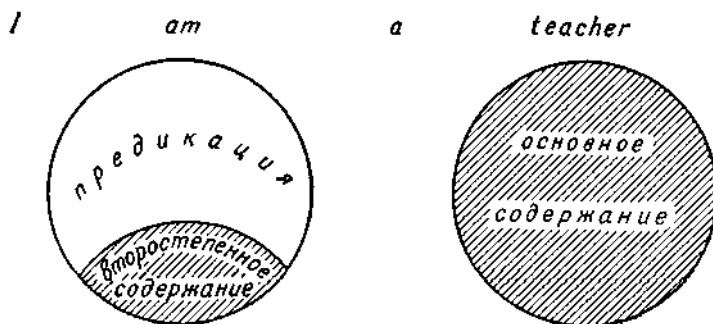
Сказуемое является простым, когда оно выражено одной глагольной словоформой, независимо от того, является ли эта словоформа по своему строению синтетической (arrived, arrives и т. п.) или аналитической (was arriving, will arrive и т. п.); в том и другом случае мы будем иметь выражение сказуемого известной формой глагола и ничем больше, хотя реально эта словоформа может представлять собой сочетание нескольких слов, как, например, в случае (He) will have been examined (by that time) (*Его*) проэкзаменуют (к этому времени). Таким образом, в качестве примеров простого сказуемого могут быть приведены следующие случаи: The doctor arrived *Доктор прибыл*; The doctor was arriving *Доктор прибыл*; The doctor will arrive *Доктор прибывает*; The article will have been translated by the end of the week *Статья будет переведена к концу недели* и др.

Что касается составного сказуемого, то здесь необходимо сделать предварительные замечания.

В традиционных грамматиках простое сказуемое обычно приравнивается к глагольному и процессному, а составное сказуемое — к именному и qualificativному. Однако такое понимание простого и составного сказуемого нельзя признать верным, поскольку оно не соответствует реальному положению вещей.

Прежде всего, надо обратить внимание на то, что составное сказуемое не всегда является по своему содержанию qualificativным: оно может быть и обстоятельственным и объектным: ср. He is here *Он здесь* и He has many friends *У него много друзей*, наряду с He is a doctor *Он доктор* и He is young *Он молод*. Ведь при классификации сказуемого по характеру его строения надо исходить не из того, какой частью речи выражено сказуемое, а из того, как то или иное содержание сказуемого оформляется в предложении: оформляется ли оно одним словом или для его оформления требуется, по крайней мере, два отдельных слова. В простом сказуемом и содержание и предикация (отнесение к действительности) сосредоточены в одном слове. Так, в предложении I see him *Я вижу его* глагол see одновременно выражает и понятие «видения», составляющее содержание данного

сказуемого, и категории, связанные с выражением предикации: модальность, время, лицо и т. п. То же самое наблюдается и в аналитических словоформах типа *He was examined* *Ego проэкзаменовали*, которые, хотя и представляют сочетания двух или нескольких слов, функционируют в речи как форма одного слова. Подробнее об этом будет сказано в «Морфологии английского языка». Что касается составного сказуемого, то там содержание выражается в одном слове, а предикация — в другом. В частности, в предложении *I am a teacher* *Я преподаватель* основное содержание сказуемого выражено в слове *teacher*, а глагол *am* выполняет связующую роль и, не имея полного лексического значения (он не означает 'существую'), не выражает основного содержания предиката. Напротив, предикация выражена именно в глаголе *be*, а не в слове *teacher*, так как слово *teacher* само по себе не соотносится с действительностью: оно не выражает модальности, времени, лица и т. п. Правда, глагол-связка в составном сказуемом также не теряет полностью своего лексического значения, что видно, в частности, из сопоставления предложения типа *He was a teacher* *Он был преподавателем* с предложением типа *He became a teacher* *Он стал преподавателем*. Однако роль глагола *be* в данном случае второстепенная. Таким образом, в составном сказуемом в одном слове выражено основное содержание сказуемого, а в другом (служебном слове) — сама предикация и дополнительный, относительно второстепенный момент в содержании сказуемого. Распределение смыслового содержания между компонентами составного сказуемого и функцию каждого из компонентов можно изобразить с помощью следующей схемы:

простым. Но это не так. В действительности составное сказуемое может быть не только именным, но и глагольным (например, I can see *Я могу видеть*; I could have seen *Я мог бы видеть* и др.).

В предложении I can see nothing *Я ничего не могу видеть* (I could have seen nothing *Я ничего не мог бы видеть*) предикация выражается глаголом can, который указывает наклонение, время и др.; can имеет и определенное дополнительное лексическое (модальное) содержание и выражает возможность выполнения действия. Но по лексическому содержанию это не полновесный глагол; он не обозначает никакого конкретного процесса и требует определенного восполнения: I can... (What?). Глагол see, напротив, не показывает отношения к действительности, сам по себе предикации не выражает, но он выражает основное содержание сказуемого, несет основную лексическую нагрузку. Таким образом, предикация и основное содержание сказуемого выражены в данном случае в разных элементах, т. е. can see представляет собой типичный случай составного сказуемого, процессного по содержанию.

Процессное составное сказуемое может быть и не модальным. В предложении He began to shout *Он начал кричать* мы также имеем составное сказуемое: began — глагол неполного значения; основное содержание сказуемого заключается в глаголе to shout, а began указывает лишь на некоторое изменение состояния. Began вносит тот же оттенок в содержание процессного сказуемого, что и глагол become в квалификативное сказуемое: ср. He was pale *Он был бледен* и He became pale *Он побледнел*.

В русском языке то же значение, которое вносит глагол to begin в предложение He began to shout, можно выразить при помощи префикса: ср. 'Он *закручал*'. Это показывает, что оттенок начала действия является настолько второстепенным, что может быть даже выражен префиксом, а не глаголом.

Итак, все четыре типа сказуемого, рассмотренные с точки зрения содержания, а именно: процессное, квалификативное, обстоятельствоное и объектное, могут быть составными построению. Разница состоит в том, что для сказуемого непроцессного такое оформление содержания типично; для сказуемого процессного такой случай не типичен, но вполне возможен.

Из сказанного следует, что в современном английском языке составное сказуемое представлено двумя типами:

1. Составное сказуемое, в котором один из компонентов выражен глаголом, а другой — не глаголом: He is a doctor; He has many friends; He is here; He is in Moscow; He became a doctor; He remained there и т. п.

2. Составное сказуемое, в котором оба компонента выражены глаголом: I can see; He began to shout и т. п.

§ 77. Для выражения составного сказуемого в современном английском языке широко используются служебные и связочные глаголы (глаголы-связки).

Глагол-связка отличается от служебного глагола более ограниченной функцией и является частным случаем служебного глагола. Функция глагола-связки заключается в соединении слова, обозначающего предмет, со словом, обозначающим признак этого предмета: ср., например, He is old Он стар, также и He is a doctor Он доктор. Служебный же глагол указывает на более широкую связь: на нахождение предмета в определенной обстановке (He is here Он здесь), на отношение между двумя различными предметами (The book contains five chapters В книге пять глав) и т. п. Таким образом, понятие служебного глагола является понятием более общим, включающим в себя понятие глагола-связки.

Из сказанного следует, что усматривать глагол-связку имеет смысл лишь в составе квалифицированного сказуемого (в частности, и процессно-квалифицированного). Во всех других типах составного сказуемого служебный глагол глаголом-связкой не является.

Часто высказывается мнение, что предпосылкой для функционирования глагола в качестве связки является значительное ослабление, или даже полная утрата, лексического значения этого глагола. Однако такое утверждение опровергается реальными фактами языка. Связочный характер глагола не обязательно соединен с ослаблением собственно лексического значения. Степень смысловой нагрузки глагола может быть и относительно большой, но это ни в какой степени не противоречит выполнению данным глаголом функции связки, поскольку связочность является не лексическим, а грамматическим качеством. Наиболее типичным связочным глаголом является глагол be. В нем действительно лексическое значение значительно ослаблено, хотя и не утрачено совсем,

как это иногда утверждают, и поэтому идея связочности в глаголе be выступает в наиболее чистом виде. Однако, наряду с глаголом-связкой be, имеются также и такие связочные глаголы, как feel (He felt young *Он чувствовал себя молодым*), look (He looked young *Он выглядел молодым*), remain (He remained silent *Он продолжал молчать*) и др., лексическое значение которых выступает более или менее выпукло.

Исходя из их значения, связочные глаголы принято делить на три основных группы:

1. Глаголы со значением бытия (Link-Verbs of Being) и пребывания в определенном состоянии. Сюда относятся такие глаголы, как be *быть*, feel *чувствовать (себя)*, look *выглядеть* и др.: ср., например, He was young *Он был молод*; He felt young *Он чувствовал себя молодым*; He looked young *Он выглядел молодо*.

2. Глаголы со значением становления (Link-Verbs of Becoming) или перехода из одного состояния в другое: например, become *становиться*, get *стать*, turn *превратиться*, grow *становиться* и др., как в предложениях He became pale; He grew pale; He got tired и др.

3. Глаголы со значением неизменности состояния (Link-Verbs of Remaining). К ним относятся глаголы remain *оставаться*, continue *продолжать* и т. п.: ср. He remained silent *Он продолжал молчать*; The weather continued fine *Погода продолжала (оставаться) хорошей*.

В каждой из указанных трех групп имеется по одному глаголу, который характеризуется максимально ослабленным лексическим значением. Для первой группы таким глаголом является глагол be, для второй — глагол become и для третьей — remain. Лексическое значение каждого из этих глаголов значительно бледнее, чем значение любого другого глагола, входящего в соответствующую группу. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить следующие ряды предложений, различающиеся лишь глаголом-связкой:

He is old; He looks old; He feels old.

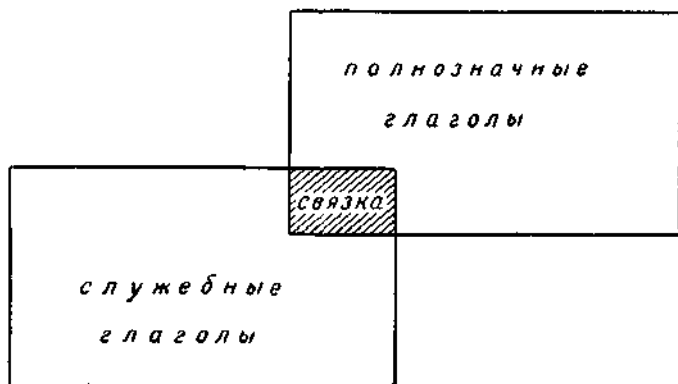
He became pale; He grew pale; He turned pale.

Однако связочные глаголы не ограничиваются перечисленными выше. Потенциально любой полнозначный глагол может выступать в функции глагола-связки, если он соединяет обозначение предмета с обозначением его признака. Так,

например, в процессно-квалификативном сказуемом *rose red* (*The moon rose red*) полнозначный глагол *rose*, обозначающий конкретный процесс, а поэтому обладающий ярким лексическим значением, одновременно выполняет связующую функцию, соединяя существительное *moon* с квалифицирующим его прилагательным *red*. Точно так же обстоит дело и в предложении *The sun shone bright* *Солнце светило «ярко»* и др.

Отсюда следует, что в известных построениях (в процессно-квалификативном сказуемом) функцию глагола-связки могут выполнять не только служебные глаголы (глаголы, имеющие ослабленное лексическое значение и выступающие в предложении преимущественно в служебной роли), но и полнозначные глаголы, для которых вообще служебная роль не является типичной. Это еще раз доказывает, что служебность и полнозначность не представляет собой различия между словами, а лишь различие между функциями одного и того же слова, а поэтому и никакой четкой грани между служебными и полнозначными глаголами провести нельзя. Что же касается связочных глаголов, то они есть ничто иное, как особого рода функционирование тех же самых глаголов, среди которых имеются как служебные, так и полнозначные глаголы.

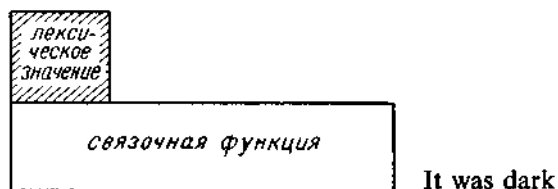
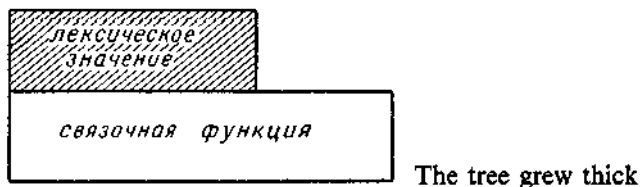
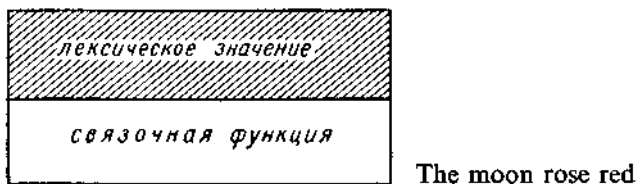
Соотношение между глаголом-связкой, с одной стороны, и служебными и полнозначными глаголами, с другой стороны, можно проиллюстрировать при помощи следующей схемы:

Как можно видеть из этой схемы, функцию глагола-связки могут выполнять как служебные глаголы, так и полнозначные глаголы. Для того, чтобы глагол мог употребляться в качестве связки, не требуется значительного семантического ослабления, а тем более полной утраты собственно лексического значения этого глагола. Выполняя роль связки, тот или иной глагол в отдельных случаях может ослаблять свое значение и в той или иной степени сближаться со служебным глаголом. Однако в тех случаях, когда его лексическое значение представляется почему-то важным, оно сохраняется, не претерпевая сколько-нибудь значительного ослабления: ср. The sun shone bright *Солнце светило ярко*, собственно *Солнце светило «яркое»*. Но уже в предложении The snow fell thick *Снег падал «густо»* важно не то, что снег вообще падал, а то, что он падал толстым слоем. В связи с этим значение глагола fall как бы отступает на задний план и несколько ослабляется, поскольку в качестве основной выступает здесь связующая функция глагола. Еще большее ослабление лексического значения глагола имеет место в предложении The tree grew thick *Дерево становилось толще*: тот факт, что дерево растет, является таким его неотъемлемым признаком, что не обращает на себя внимания. Строго говоря, в предложении The tree grew thick речь идет не о росте дерева, а о приобретении деревом какого-то нового качества. Так постепенно grew сводится до положения служебного глагола со значением *становиться*: при этом из идеи роста, выраженной в семантике этого глагола, сохраняется лишь идея постепенности, как, например, в предложении It grew dark *Стемнело*.

Таким образом, одни глаголы в силу особенностей своей семантики оказываются устойчивыми и при выполнении связующей функции полностью сохраняют свое лексическое значение (The sun shone bright); другие глаголы, напротив, характеризуются относительно меньшей устойчивостью и поэтому могут в разной степени ослаблять свое значение, выступая то как полнозначные глаголы в процессном сказуемом (The tree grew in the garden), то как глагол-связка с ослабленным лексическим значением в кваликативном сказуемом (The tree grew thick), то как полнозначный глагол, выполняющий связующую функцию в процессно-кваликативном сказуемом (The moon rose red).

Графически взаимоотношение между связочной функцией и степенью полноценности лексического значения глаголов можно представить в виде следующей схемы:

Из приведенной схемы видно, что связочная функция глагола во всех случаях постоянна; изменяется лишь лексическое значение глагола, используемого в этой функции. Когда лексическое значение глагола является ярким и полным, связочная функция глагола мало заметна, и, наоборот, она выступает на первый план, если его лексическое значение претерпевает более или менее значительное ослабление.

Из приведенной схемы видно также и то, что даже в случае типичного глагола-связки лексическое значение глагола полностью не исчезает. Как уже указывалось, наиболее ярким представителем глагола-связки является глагол *be*; однако, несмотря на то, что лексическое значение глагола *be* предельно ослаблено, он не утрачивает его полностью. Значение глагола

be легко обнаружить при сопоставлении его с глаголом *become* и глаголом *remain*. Различие между семантикой указанных глаголов можно представить так: отношение между *be* и *become* напоминает отношение между будущим и настоящим (ср. *He was old Он был стар* и *He became old Он стал стар*): идея *be* заключена в *become*, но сдвинута во времени и, таким образом, *become* = $\text{---} \rightarrow$ *be*; наоборот, глагол *remain* вызывает идею прошлого по отношению к *be*, и, следовательно, *remain* = **be** $\text{---} \rightarrow$. Являясь семантически производными от *be*, глаголы *become* и *remain* имеют более сложное смысловое содержание. Можно думать, что именно поэтому синонимы этих глаголов гораздо более многочисленны, чем синонимы глагола *be*: ср., например, такие глаголы, как *grow*, *get*, *turn*, *change* и т. п., являющиеся синонимами к глаголу *become*.

Выше речь шла главным образом о связочных глаголах. Что же касается служебных глаголов, то среди них в современном английском языке особо выделяются следующие:

1. Глагол *be* является наиболее типичным служебным глаголом для обстоятельного сказуемого: ср. *He is here Он здесь*; *He is in Moscow Он в Москве* и др.

2. В объектном сказуемом основная роль принадлежит глаголу *have*: ср. *He has many friends У него много друзей*, где глагол *have* выступает с ослабленным лексическим значением, что, в частности, видно из невозможности заменить его глаголом *possess*. Сюда же примыкают такие глаголы, как *contain*: ср. *This book contains five chapters В этой книге пять глав*.

3. Для процессного сказуемого характерны особого рода служебные глаголы, которые могут быть подразделены на две подгруппы:

а) Глаголы, указывающие на начало, продолжение и конец действия: например, *begin начинать*, *continue продолжать*, *finish кончать* и т. п. В сочетании с другими глаголами (например, *He began to speak Он начал говорить*) глаголы указанного типа носят служебный характер.

б) Модальные глаголы: например, *may могу*, *must должен* и т. п. Указанные глаголы могут быть более или менее лексически насыщены. Так, например, в предложении *He may come со значением Он, возможно, придет* модальный глагол

may носит явно служебный характер и, соответственно, имеет сильно ослабленное значение; однако уже в предложении *You may take it* со значением *Вы можете взять это* тот же самый глагол *may* выступает в значении, аналогичном глаголу *allow разрешать*, и поэтому становится как бы полуслужебным глаголом.

§ 78. Служебный глагол как единицу в синтаксической структуре предложения следует отличать от вспомогательного глагола, который входит в состав аналитической формы и не имеет самостоятельной синтаксической функции.

Так, в предложении *I have seen it* *Я видел это*, как уже указывалось в § 76, сказуемое *have seen* не является составным, хотя в его состав и входит, наряду с *seen*, также и вспомогательный глагол *have*. Обусловлено это особенностями внутренней структуры данной словоформы. В то время как служебный глагол не совсем лишен содержания (он всегда имеет собственное лексическое значение, хотя и в разной степени ослабленное), вспомогательный глагол *have* является семантически (с точки зрения лексической семантики) абсолютно пустым: весь смысл его употребления заключается лишь в образовании определенной грамматической формы от глагола *see*. Таким образом, функция *have* чисто грамматическая; она эквивалентна функции того или другого окончания в изменяемых словах. В самом деле, ведь для того, чтобы *have seen* действительно представляло бы собой форму от глагола *see*, необходимо иметь полное тождество лексического значения всех словоформ, входящих в состав этого глагола (см. «Лексикологию английского языка», §§ 21—25 и §§ 37—40): надо, чтобы *have seen* было равно *see* равно *sees* равно *seen* равно *was seen* равно *will see* равно *has been seen* и т. п.; и если бы на долю вспомогательного глагола пришлось хотя бы минимальное лексическое значение, отсутствующее в простых формах этого глагола, то тождество глагола *see* как слова, немедленно распалось бы. (Подробнее об аналитических формах глагола см. в «Морфологии английского языка».)

§ 79. К простым процессным сказуемым имеют тяготение такие сочетания, как *be tired быть усталым*, *be glad радоваться*: ср. *I am tired* *Я устал*; *I am glad* *Я рад* и др. Эти сочетания

отличаются от квалификативного сказуемого, которое мы обнаруживаем в предложениях типа *I am strong Я сильный*; *I am old Я старый* и др.

I am glad, так же как и *I am tired*, мыслится как нечто цельное, не как характеристика лица, а как известное временное состояние, переживаемое данным лицом и представляющее собой нечто вроде процесса, развивающегося во времени и по содержанию равноценного содержанию процессного сказуемого типа *I enjoy*.

В русском языке такие образования акад. Л. В. Щерба выделил в особую часть речи — категорию состояния: например, 'Я рад'; 'Я намерен'; 'Я доволен' и т. п. В английском языке, по-видимому, этого делать нет никакой особой необходимости. Однако все же, учитывая своеобразный характер этих случаев, а также и то, что здесь имеется в виду не квалификация субъекта, а скорее, какое-то переживание, известное состояние субъекта, какой-то пассивный процесс, эти случаи надо отделить от квалификативного сказуемого и отнести по содержанию к типу процессных сказуемых. Но выражено это процессное сказуемое иначе — не глаголом, а прилагательным. В атрибутивном употреблении такое прилагательное приобретает другой оттенок значения (например, ср. *I'm glad Я рад* и *glad eyes радостные глаза*).

То же самое мы находим и в русском языке, где при атрибутивном употреблении слово приобретает другой оттенок значения: ср. 'Я намерен' и 'намеренный поступок'.

Be tired во всех его формах воспринимается как целый комплекс. *Be tired, be glad* — устойчивые, традиционные сочетания; это единицы не синтаксического, а лексического порядка. Здесь глагол *be* является постоянным элементом и этим его значение погашается, глагол здесь сближается с вспомогательным элементом.

В сказуемом типа *I am tired (glad)* глагол *am* утратил свое лексическое значение; он приближается к вспомогательному элементу. Здесь *am* уже не служебный глагол, так как слияние здесь настолько тесное, что у нас создается представление о лексической единице, состоящей из двух элементов: неполнозначного и полнозначного.

Следовательно, комплекс *be tired (glad)* превратился во фразеологическую единицу. В словаре он занимает такое же место, как аналитическая форма в грамматике. Семанти-

чески I am tired, I am glad не воспринимаются уже как комплекс: комплекс здесь чисто формальный.

I am old (young, pretty) не воспринимаются как цельная единица.

I'm (am) glad (alive, afraid), напротив, воспринимаются как цельная единица, как цельный комплекс, который по значению объединяется не с be old, а, скорее, с глаголами enjoy, live, fear, т. е. с глаголами, выражающими определенное состояние. Таким образом, эти словосочетания (комплексы) приблизительно синонимичны по своему значению полнозначным глаголам: be alive—live, be glad—enjoy, be afraid—fear.

Следовательно эти образования (комплексы) представляют собой сказуемые особого характера — процессные сказуемые, где первый элемент утрачивает свое лексическое значение и стремится превратиться во вспомогательный элемент. Ве здесь уже как бы не служебный глагол; здесь слияние настолько тесно, что создается представление о какой-то лексической единице; be является определителем всего целого и играет примерно такую же роль, как глагол в аналитической форме.

I am tired по структуре похоже на I have seen и, естественно, возникает вопрос, чем же сказуемое типа I am tired (glad) отличается от аналитической формы.

В сказуемом I have seen глагол have является признаком определенных, конкретных форм глагола see: его перфектных форм. Это лишь некоторые аналитические формы в парадигме глагола see.

Графически это можно показать в схеме, изображающей парадигму спряжения глагола.

I see	
I have	seen
I shall	see
I saw	

Горизонтальные линии изображают все многообразие форм в системе спряжения глагола; вертикальной линией отделяются сложные аналитические формы, образующиеся при помощи сочетания вспомогательного глагола с основным.

В сказуемом I am tired (glad) эта «разрезанность» проходит

через всю лексическую единицу, через всю систему спряжения be tired, be glad и др., например: I am tired, I was tired, и т. д.

I am	tired
I have been	tired
I shall be	tired
I was	tired

Здесь на схеме эта «разрезанность» формы показана вертикальной чертой, проходящей через всю парадигму данной лексической единицы.

Поэтому здесь возможны свои собственные аналитические формы (см. третью схему).

I am	tired
I have I been	tired
I shall ; be	tired
I was	tired

В третьей схеме сплошной чертой разделены два основных элемента, входящие в состав словосочетания; пунктирной вертикальной чертой отделены аналитические формы первого элемента, входящего в состав целой лексической единицы be tired: I am | tired, I have ; been | tired.

Все словосочетание в целом характеризуется как фразеологическая единица, эквивалентная простым глаголам.

В рассматриваемых словосочетаниях be glad, be tired, так же как и в аналитических формах, предикация выражается отдельным элементом-глаголом be, но разница состоит в том, что в аналитических формах вспомогательный глагол присоединяется к элементу, который сам по себе воспринимается как глагол; нет надобности «оглаголивать» этот элемент, он и так воспринимается как глагол.

В сказуемом типа be tired вспомогательный глагол присоединяется к слову, которое по своему значению не является глаголом. Здесь вспомогательный глагол одновременно «оглаголивает» именную элемент, в какой-то степени сближая его с глаголом.

§ 80. Из числа категорий, выражаемых предикативными (личными) формами глагола, в связи с проблемой предикации особую роль приобретают категории наклонения и времени (см. §§ 70 и 71). В этих категориях содержится главное указание на соотношение между тем, что мыслится, и объективной действительностью. Все остальные глагольные категории, участвующие в выражении предикации, играют второстепенную роль, так как они могут выражать предикацию лишь на базе этих двух основных категорий.

Категория наклонения является как бы ядром предикации, поскольку именно категория наклонения выражает отношение между содержанием высказывания и объективной действительностью.

В системе английского глагола имеется шесть наклонений, или шесть категориальных форм наклонения (см. § 30):

1. Изъявительное наклонение — Indicative Mood.
2. Повелительное наклонение — Imperative Mood.
3. Сослагательное I — Subjunctive I.
4. Сослагательное II — Subjunctive II.
5. Предположительное наклонение — Suppositional Mood.
6. Условное наклонение Conditional Mood.

Все они по-разному репрезентируют то или иное действие или событие. В изъявительном наклонении речь идет о реально существующих фактах: например, *I live in Moscow* Я живу в Москве; *I shall be back at three* Я вернусь в три часа и др. В повелительном наклонении выражается побуждение к определенному действию какого-то второго лица: например, *Go home!* Идите домой!; *Stand still!* Не шевелитесь! и др. В сослагательном II действие представляется как нечто воображаемое, реально не существующее и даже противоречащее реальному положению вещей: например, *If I were free!* Если бы я был свободен! и др. Подобное же отношение между содержанием высказывания и реальностью выражается и другими косвенными наклонениями.

Категория времени также является одной из ведущих категорий, участвующих в выражении предикации. Категория времени относит высказывание к моменту речи при помощи специальных форм глагола: например, *The doctor arrived* Доктор прибыл; *The doctor arrives* Доктор прибывает; *The*

doctor will arrive *Доктор придет* и т. п. Указанная категория является более узкой, чем категория наклонения, поскольку она ограничивается лишь изъявительным наклонением — единственным наклонением, где имеется четко выраженная система трех времен (настоящего, прошедшего и будущего — Present, Past и Future), объединяющихся в одну общую категорию времени.

С выражением предикации в сказуемом тесно связан и ряд других глагольных категорий:

Категория заявления-вопроса в современном английском языке складывается из противопоставления простых (синтетических) форм заявления составным (аналитическим) вопросительным формам. Как известно, в отличие от русского, французского, немецкого и других языков, в английском языке при вопросе меняется не только интонация и порядок слов, но и самая форма глагола: вместо синтетической формы употребляется аналитическая с глаголом *do* (ср. *You know him* *Вы знаете его* и *Do you know him?* *Знаете ли вы его?*).

В формах заявления выражается знание того, какого рода соотношение между данным сообщением и действительностью существует в определенном конкретном случае: сообщаются известные говорящему факты: например, *I read this book* *Я читал эту книгу*; *He lives in Moscow* *Он живет в Москве* и т. п.

Напротив, в формах вопроса выражается незнание чего-то, желание узнать то, что неизвестно говорящему: например, *Did you read this book?* *Вы читали эту книгу?* *Does he live in Moscow?* *Живет ли он в Москве?* и т. п. При этом необходимо оговорить, что незнание в целом ряде случаев может быть не реальным незнанием, а лишь видимым; и если экзаминатор, прекрасно знающий свой предмет, задает вопрос на экзамене студенту, то назначение этого вопроса состоит в том, чтобы проверить знания студента; момент незнания в данном случае будет заключаться в неуверенности экзаминатора относительно того, в какой степени студент обнаруживает знания в его предмете.

Категория утверждения-отрицания выделяется на основе противопоставления простых утвердительных форм и составных отрицательных форм глагола: ср. *The doctor arrived* *Доктор прибыл* и *The doctor did not arrive* *Доктор не прибыл*. При употреблении этих форм говорящий либо

утверждает, либо отрицает какое-то положение. Следует попутно заметить, что утвердительный момент в высказывании было бы удобнее обозначить термином «положительный» и соответственно говорить о «положительных формах»: дело в том, что термин «утвердительный» является двусмысленным, поскольку он одновременно противопоставляется как термину «отрицательный», так и термину «вопросительный».

Отрицание в английском языке входит в систему спряжения глагола, в систему его словоизменительных форм, а поэтому и выделяется в качестве самостоятельной категориальной формы. В русском языке мы имеем иную картину; отрицание здесь выражается лексически: 'не' является служебным словом (частицей), которая присоединяется к любой части речи (например, 'не стол', 'не старый', 'не здесь' и т. п.). В английском же языке отрицание неотделимо от глагола, органически входит в его систему, а в разговорной речи представлено особым типом слитных форм: do not — don't, will not — won't, shall not — shan't, am not — ain't*.

Категория последовательности или временной отнесенности выделяется на основе противопоставления совершенных и несовершенных форм глагола: ср., например, The doctor arrived и The doctor had arrived. В данном случае говорящего интересует не отношение к моменту речи, а отношение во времени к какому-либо другому факту или событию: например, I have lost my key and I cannot open the door *Я потерял свой ключ и не могу открыть дверь*; потеря ключа рассматривается здесь по отношению к тому, что я не могу открыть дверь.

Категория вида выделяется на основе противопоставления простых форм общего вида и составных форм длительного вида: ср. He read a book Он читал/прочитал книгу и He was reading a book Он читал книгу. «Общий вид констатирует наличие определенного действия в настоящем, прошедшем или будущем, а длительный вид, помимо указанной констатации, дополнительно характеризует действие в самом процессе его развития; ср.

I speak English. — I am speaking English.

I spoke English. — I was speaking English.

I shall speak English. — I shall be speaking English.

* Последняя типформа существует только в разговорной речи.

Категории лица и числа имеют своеобразное назначение. Эти категории известным образом сплетаются с выражением предикации, но основное их назначение другое — указание на субъект (см. § 72).

Кроме того, в английском языке можно выделить еще одну более общую категорию, существующую в противопоставлении двух из перечисленных категорий, а именно — категорию высказывания, проявляющуюся в противопоставлении категории заявления-вопроса и категории утверждения-отрицания.

Примечание 1. Все указанные здесь категории будут подробнее разобраны в «Морфологии английского языка»; здесь же важно отметить само наличие этих категорий и в связи с этим дать представление о том, насколько сложным и многогранным является выражение предикации.

Примечание 2. До сих пор были разобраны только три из выделенных в § 74 вопросов. Что касается последнего (четвертого) вопроса — вопроса об отношении сказуемого к подлежащему и о средствах, которые используются для указания на связь подлежащего со сказуемым, — то он будет разобран ниже в связи с характеристикой подлежащего (см. § 82).

4. ПОДЛЕЖАЩЕЕ

§ 81. Согласно данному в § 72 определению, подлежащее есть слово (или группа слов), которым обозначается субъект. Поскольку же субъект был определен выше как тот предмет мысли, по отношению к которому мыслится предикат, подлежащее одновременно является членом предложения, указывающим на то, к чему относится заявление, сделанное в сказуемом. Поэтому, хотя предикация в подлежащем и не выражается, оно, наряду со сказуемым, является главным членом предложения.

Более того, поскольку подлежащее указывает на то, к чему относится предикат и предикация, выраженная в сказуемом, само сказуемое оказывается подчиненным подлежащему. Подлежащее представляет собой, таким образом, структурный центр предложения, который грамматически и структурно доминирует над сказуемым. В то время как сказуемое зависит от подлежащего и формально ему подчинено, подлежащее не зависит ни от сказуемого, ни от какого-либо другого члена предложения. Так, например, в предложении *I see a man in the street Я вижу*

какого-то человека на улице все слова, кроме I, зависят от сказуемого see; но see, в свою очередь, подчинено подлежащему I. Это становится ясным, если заменить местоимение I каким-нибудь местоимением третьего лица единственного числа; в этом случае изменится и форма сказуемого: He sees a man in the street. То же самое, естественно, можно наблюдать и в таких предложениях, как He speaks English; He is speaking English; He has lost his key и т. п. К этому надо прибавить, что на центральную роль подлежащего в предложении указывает в данном случае его оформление именительным падежом, который представляет собой наиболее независимое обозначение лица или предмета (от какого-либо другого лица, предмета или действия); в этом отношении представляют интерес случаи субстантивации, или «предмечивания», личных местоимений, при которой из двух форм местоимения выбирается именно форма именительного падежа: Is it a he or a she?

Исходя из указанного выше понимания подлежащего, как грамматического центра предложения, подчиняющего себе сказуемое, можно было бы как будто предположить, что без подлежащего не может существовать и предложение. Однако практика убеждает нас, что предложения без подлежащего также возможны: ср. русск. 'Садитесь!', англ. Sit down! и т. п.

Чем же объясняется это противоречие? Дело в том, что подлежащее, как уже говорилось выше, имеет указательный характер, указывая, к чему относится сказуемое. **Поэтому, если это указание имеется в форме сказуемого или дается контекстом, то подлежащего в предложении ~~может и не быть~~. Тем не менее, предложение в таком случае ~~оказывается~~ достаточно полным и без подлежащего.**

Так, например, в латинском языке отсутствие подлежащего является почти нормой в 1-ом и 2-ом лице единственного числа: dico, dicis. Подлежащее часто может отсутствовать и в других языках, например в русском, в предложениях типа 'Знаю'; 'Видишь, что случилось' и др.

В аналогичных предложениях сама форма глагола, обозначающая сказуемое, содержит четкое указание на субъект.

Как уже указывалось, отсутствие подлежащего является нормой в повелительном наклонении как в английском, так и в русском языках: например, русск. 'Встаньте!' или 'Сядьте!' или англ. Sit down!; Get up!; Come! Указание на субъект

дается здесь как формой глагола, так и самой ситуацией. В английском языке в форме глагола в повелительном наклонении указание на субъект дается недостаточно четко. Звучание [k ʌ m] может иметь различные значения и может встретиться не только в повелительном наклонении. Однако для форм повелительного наклонения характерно известное ограничение: мы не можем встретить здесь comes. Отсутствие подлежащего имеет здесь определенное значение и выступает как признак повелительного наклонения. Указание на субъект в этом случае дается самой ситуацией: содержанием повелительного наклонения может быть приказание, просьба, которые могут относиться лишь к тому, к кому они обращены. Следовательно, сама ситуация указывает на 2-ое лицо, и необходимость в подлежащем отпадает.

Подлежащее может отсутствовать в ответах на вопросы или в повествовании в разговорной речи, если контекст указывает, к чему относится сказуемое: например, *русск.* 'Ты видел его? — Видел!'; *англ.* Saw him yesterday? *Видел его вчера?; Was there yesterday Был там вчера.* Сама форма глагола выбирается здесь, исходя из определенного субъекта, который ясен из контекста или ситуации. Тогда как в повелительном наклонении отсутствие подлежащего является нормой, в данном случае оно необычно и придает речи особый оттенок разговорно-фамильярного стиля.

При отсутствии подлежащего конструктивным центром предложения делается сказуемое; оно становится ведущим и независимым членом предложения.

Так, например, в русских предложениях 'Говорят'; 'Это так не делают' или в английском Thank you подлежащего нет, и центром конструкции является сказуемое.

В случае отсутствия подлежащего предикация относится к субъекту, стоящему вне предложения. Так, хотя в вышеприведенных примерах подлежащего нет, они не бессубъектны. Из формы глагола в первых двух предложениях 'говорят' и 'не делают' ясно, что речь идет о 3-ем лице множественного числа, а в третьем предложении (Thank you) форма глагола и контекст указывают на то, что субъектом является 1-ое лицо, так как благодарность выражается самим говорящим.

В русском языке построение предложений без подлежащего широко распространено. Особенно часто отсутствие подлежащего наблюдается в отрицательных предложениях.

Например: 'Здесь нет стола', где 'нет' становится центром конструкции.

В противоположность русскому языку английский язык избегает построения предложений без подлежащего. Русским предложениям без подлежащего в английском языке часто соответствуют предложения с подлежащим. Ср.:

В русском языке:	В английском языке:
Говорят ...	They say ...
Можно было бы подумать ...	One might think...
Темнеет.	It is getting dark.

В английском языке предложения без подлежащего бывают преимущественно во 2-ом лице в повелительном наклонении (однако ср. Thank you и др.); для русского же языка, как видно, они характерны и в 3-ем лице. Английский язык избегает построения предложений без подлежащего в 3-ем лице. Чем же объясняется различие в оформлении предложений (без подлежащего) в английском и русском языках? Подлежащее обозначает субъект, т. е. указывает, к чему относится предикация. Однако иногда бывает затруднительно сказать, к чему относится утверждение. Происходит это вследствие разных причин. В русском и английском языках недостаточно четкое значение субъекта передается иногда по-разному. Как видно из приводимых примеров, русский язык широко использует предложения безличные и предложения без подлежащего, тогда как в английском языке даже безличные предложения строятся при помощи безличного подлежащего. Это объясняется недостаточно четкой оформленностью английского глагола, который своей формой не всегда может достаточно ясно указывать на субъект; следовательно, наличие подлежащего становится необходимым.

Рассмотрим наиболее типичные случаи недостаточно четкого содержания субъекта и способы грамматического оформления этих случаев в русском и английском языках.

1. Если цель высказывания заключается в определении предмета, раскрытии его названия, то подлежащим соответствующих предложений как в английском, так и в русском языке, будет указательное местоимение: например, *англ.* This is a piece of chalk; *русск.* 'Это — мел'. В данном случае трудно найти название для субъекта, однако ясно, что имеется в виду указание на конкретный предмет.

2. В том случае, если субъект недостаточно ясен, или нежелательно достаточно ясно на него указывать, или же невозможно его конкретизировать, используются неопределенно-личные предложения. В русском и английском языках такие предложения строятся по-разному.

В русском языке
Без подлежащего:

В английском языке
С подлежащим, обозначающим субъект нечетко при помощи местоимений:

Говорят. Сообщают.

They say. (Ср. также конструкции типа: One might think.)

Однако, когда этот нечеткий субъект мыслится в виде вообразяемого собеседника, как русский, так и английский язык употребляют в качестве подлежащего неопределенно-личное местоимение 2-го лица: например, *русск.* 'Ты никогда не можешь точно знать, что произойдет'; 'Вы могли бы удивиться' или *англ.* You can never say what he will do next. Аналогичные предложения могут быть даже обращением к самому себе.

3. Иногда субъект представляется не как предмет, а как ситуация, стечение обстоятельств. В таком случае мы имеем:

В русском языке
Безличные предложения без подлежащего:
Темнеет.

В английском языке
Безличные предложения с безличным подлежащим it:
It is getting dark.

Таким образом, при отсутствии достаточной ясности в представлении о субъекте одни английские предложения с подлежащим соответствуют русским неопределенно-личным предложениям, а другие — безличным предложениям.

С точки зрения четкости обозначения субъекта в подлежащем —

В английском языке в русском языке им соответствуют следующие типы предложений:

1. Личные предложения

а) С подлежащим: He says.

а) Он говорит.

б) Без подлежащего:
Lend me your book.

б) Одолжите мне вашу книгу.

2. Неопределенно-личные предложения
Строятся с подлежащим they, one или you:

Строятся без подлежащего или с неопределенно-личным 'ты':

They say. (Ср. также конструкции типа: One thinks; You can never tell.)

Говорят. (Ср. также конструкции типа: 'Что ты тут поделаешь'.)

3. Безличные предложения

Строятся с безличным подлежащим it:

Строятся без подлежащего:

It is dark.

Темно.

Классификацию предложений в английском языке по сравнению с русским с точки зрения наличия подлежащего и характера субъекта можно проиллюстрировать при помощи следующей схемы:

По характеру субъекта	По наличию подлежащего	
	С подлежащим	Без подлежащего
Личные	1. I think <i>р.</i>	4. Come <i>р.</i>
Неопределенно-личные	2. They say	5. Говорят
Безличные	3. It rains	6. Темнеет

На схеме буквой *P* условно обозначено наличие данного типа в русском языке, так же как и в английском. Это относится к типам предложений личных с подлежащим и без подлежащего. Рамкой обведены типы, свойственные какому-либо одному языку и несвойственные другому. Так неопределенно-личные и безличные предложения с подлежащим свойственны лишь английскому языку, тогда как неопределенно-личные и безличные без подлежащего свойственны лишь русскому языку и не свойственны английскому.

Таким образом, из схемы видно, что тогда как личные

предложения в английском и русском языке строятся одинаково (как с подлежащим, так и без подлежащего), неопределенно-личные и безличные предложения строятся по-разному. В английском языке они строятся с подлежащим, а в русском — без подлежащего.

Из всего вышеизложенного ясно, что одинаковое содержание может быть оформлено грамматически по-разному. Так, в одних случаях субъект представлен в предложении в виде подлежащего, в других — субъект находится вне предложения. Однако, хотя подлежащего в предложении может и не быть, субъект имеется всегда, так как предикация всегда к чему-то относится. Таким образом чрезвычайно важно различать подлежащее как главный член грамматической конструкции и субъект — предмет мысли, к которому относится содержание предикации. Они могут совпадать и не совпадать, но уметь различать их необходимо, чтобы понять все многообразие структуры предложений, все тонкие движения мысли в языке.

Приведем еще пример различного грамматического оформления одинакового содержания на материале одного языка (русского). Сравним три предложения: (1) 'Мне холодно'; (2) 'Я мерзну' и (3) 'Мерзну'. Во всех этих предложениях обозначается одно и то же явление реальной действительности, однако в каждом из них оно обозначено грамматически по-разному. В первом — безличном — предложении центром конструкции является 'холодно', и лишь как подчиненное ему дается 'мне'. Грамматического подлежащего в нем нет, хотя семантически 'мне' соответствует 'я' во втором предложении. Во втором предложении 'я' — подлежащее, 'мерзну' — сказуемое. В третьем предложении подлежащего нет, но это предложение не безличное как первое, а личное, так как лицо обозначено в форме сказуемого.

Различные способы обозначения субъекта дают возможность выразить в языке различные оттенки мысли.

Так, например, при сравнении таких предложений как 'Мне хочется' и 'Я хочу' становится ясно, что безличная структура предложения 'Мне хочется' передает стихийность желания, независимость его от воли человека. В предложении же 'Я хочу' выражается активная, настойчивая направленность воли говорящего.

Если одинаковое содержание может быть оформлено грамматически по-разному, то и различное содержание может быть иногда одинаково оформлено.

Сравним следующие предложения: *It rains* и *He reads*. Оба предложения одинаковы по грамматическому оформлению, и по оформлению оба они — личные предложения: как в том, так и в другом, есть подлежащее. По содержанию же они совершенно различны: *It rains* обозначает процесс без участия в нем какого-либо деятеля (лица); в предложении же *He reads* обозначено действие вполне определенного лица. *It rains* семантически безлично, так как семантика *it* безлична по существу. Поэтому предложения, подобные *It rains*; *It is cold*, прямо противоположны предложениям типа 'Мне холодно': в первом случае содержание безличное, а структурное оформление личное; во втором же случае, наоборот, содержание личное, а конструкция безличная.

Как уже говорилось выше, помимо различия между грамматическим подлежащим и субъектом, необходимо различать грамматическое подлежащее и обозначение деятеля. Различение подлежащего и деятеля особенно важно для правильного понимания активной и пассивной конструкции.

Сравним два предложения: *The hunter killed the wolf* и *The wolf was killed by the hunter*. В активной конструкции *the hunter* является подлежащим, так как это грамматический центр конструкции и сказуемое ему подчинено. В пассивной конструкции, наоборот, подлежащее — *the wolf*, поскольку именно оно является здесь грамматическим центром предложения, подчиняющим сказуемое. Таким образом, в активной конструкции грамматический центр совпадает с наименованием предмета, производящего действие (названием деятеля), в то время как в пассивной конструкции грамматический центр совпадает не с наименованием деятеля, а с названием предмета, на который направлено действие. Нужно сказать, что в английском языке имеются широкие возможности использования в качестве подлежащего слов, обозначающих предметы, которые находятся в самых разнообразных отношениях с действием: ср. *He was laughed at* *Над ним смеялись*; *The boy was given a book* *Мальчику дали книгу*; *The bed was not slept in* *В кровати не спали* и т. п. (ср. также §65).

Выражение связи между подлежащим и сказуемым

§ 82. Связь между подлежащим и сказуемым обычно осуществляется с помощью форм лица и числа сказуемого. Однако для английского языка этот способ связи характеризуется определенными ограничениями.

В отношении категории лица важно заметить следующее:

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что в английском языке, как и во многих других языках, не все три лица, на основе противопоставления которых выделяется категория лица, в одинаковой мере ясно характеризуют обозначаемый ими субъект. В этом отношении первое и второе лицо резко отличаются от третьего лица. Наиболее четко субъект характеризуется в значении первого и второго лица единственного числа, несколько менее точно — в первом и втором лице множественного числа и очень нечетко — в третьем лице. В самом деле, ведь только в первом и втором лице единственного числа мы имеем предельную однозначность: первое лицо всегда обозначает автора речи, а второе — лицо, к которому обращена речь; но уже в первом лице множественного числа (а также и во втором лице множественного числа) подобной однозначности не наблюдается: форма глагола 'знаем' может относиться к говорящему и слушающему, а может подразумевать говорящего и неограниченное количество других лиц, не участвующих в разговоре. Что же касается третьего лица, то оно может обозначать любое количество лиц, причем ни одно из них не принимает участия в данном конкретном акте речи.

Примечание. Согласно определению традиционных грамматик, третье лицо единственного числа обозначает «того, о ком говорят». Однако если принять это определение, то нужно признать, что, например, в предложении 'Я пришел сегодня на лекцию' местоимение 'я' будет одновременно местоимением первого и третьего лица, поскольку оно обозначает и автора речи и то лицо, о котором говорится в предложении.

На более ясную характеристику субъекта в первом и втором лице указывает также и то, что эти лица могут быть обозначены лишь при помощи определенных личных местоимений, между тем как для обозначения третьего лица используются не только местоимения, но и любые существительные.

В общем получается следующая картина:

Обозначение первого лица	Обозначение второго лица	Обозначение третьего лица
I, we	you, thou	he, she, it, they, possibility, study, horse, animal, house, street, boy, girl, man, doctor.

Таким образом, деление слов для обозначения лица оказывается далеко неравномерным: для обозначения первого и второго лица используется по два личных местоимения, а для обозначения третьего лица — четыре личных местоимения и все существительные. Все это и обуславливает указанную выше расплывчатость и неясность характеристики, даваемой субъекту формами третьего лица глагола.

Далее, необходимо обратить внимание и на специфическую для английского языка черту форм лица — нечеткость материального выражения значений этих форм. Большинство форм лица в английском языке оказываются омонимичными, тождественными по звучанию, а поэтому различаются между собой не материальной оболочкой, а лишь своим значением: ср. (I) speak — (we) speak — (you) speak и т. п. Во всем настоящем времени общего вида действительного залога (Present Indefinite Active) четкое указание на лицо имеется лишь в форме третьего лица единственного числа; остальные же формы лица материально не разграничиваются. Несколько более четко различает формы лица глагол be: ср. (I) am, (he) is, (we) are и т. п., но и он, подобно другим глаголам, не различает лица во множественном числе настоящего времени и во всем прошедшем времени. (Подробнее об этом см. § 62.)

Указанные выше обстоятельства приводят к тому, что роль форм лица в современном английском языке относительно невелика.

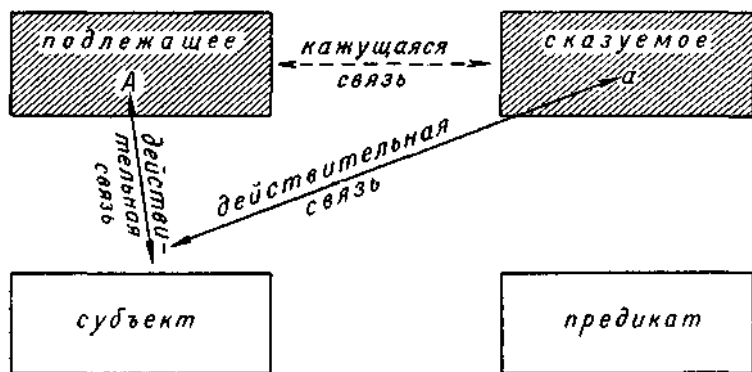
То же самое можно сказать и о выражении числа, которое является почти в той же мере нечетким, что и выражение лица (см. § 62).

В результате нечеткости указания на субъект в формах числа и лица для современного английского языка оказывается характерным обязательное наличие подлежащего

также и в тех случаях, в которых другие языки обходятся без подлежащего: ср. It is cold *Холодно*; It is getting dark *Темнеет*; I know *Знаю* и т. п. В самом деле, ведь, например, в предложении It is cold в связи с it не мыслится никакого реально выделенного субъекта, и все же it является здесь обязательным. Оно является обязательным потому, что для современной английской глагольной системы в целом оказывается характерной омонимия форм числа и лица, обуславливающая нечеткость указания на субъект в сказуемом и, тем самым, необходимость обозначения субъекта специальными лексическими средствами; в результате даже и в приведенном случае, где форма сказуемого лишена омонимии (is), конструкция с подлежащим является нормой.

§ 83. Выше говорилось о связи сказуемого с подлежащим. Однако необходимо помнить, что, хотя связь сказуемого с подлежащим действительно существует, она осуществляется не непосредственно, а косвенным путем — через субъект. Подлежащее и сказуемое оказываются связанными друг с другом лишь в той мере и постольку, в какой мере и поскольку они оба ориентируются на реально один и тот же предмет.

Сказанное можно пояснить с помощью следующей схемы:

В данной схеме признак числа и лица в подлежащем условно обозначен через *А*, а признак лица и числа в сказуемом — через *а*. Если бы здесь было непосредственное согласование сказуемого с подлежащим по форме, то в сказуемом должны

бы были отразиться точно такие же признаки лица и числа, что и в подлежащем, а именно *A*, а не *a*. Однако в действительности далеко не всегда бывает так.

Например, слово *family* *семья* может употребляться со сказуемым в единственном или во множественном числе в зависимости от того, что имеется в виду: *семья как единое целое, определенное единство* (например: *My family lives here* *Моя семья живет здесь*) или *члены семьи как отдельные лица* (например: *All the family were present* *Присутствовали все члены семьи*).

Аналогичную картину можно наблюдать в русском языке. В предложении 'Ряд вопросов показывает' связь подлежащего со сказуемым предстает как прямая (сказуемое 'показывает' в единственном числе согласовано с подлежащим 'ряд' в единственном числе). В предложении же 'Ряд вопросов показывают' отчетливо выступает косвенная связь (сказуемое стоит во множественном числе, т. к. ориентируется не на форму подлежащего, а на его содержание, на то, что им обозначается: само слово 'ряд' обозначает 'множество'). Аналогичная картина наблюдается в предложении 'Присутствует большинство товарищей' и 'Присутствуют большинство товарищей'. В русском языке нельзя встретить аналогичных примеров со словом 'семья': можно сказать 'семья пришла', но нельзя сказать 'семья пришли'. Это объясняется тем, что в русском языке слово 'семья' мыслится иначе, чем в английском. В русском языке 'семья' обозначает лишь нечто целое, а не отдельных членов семьи. Если бы сказуемое ориентировалось только на форму подлежащего, то в сказуемом мы должны были бы иметь те же признаки числа, что и в подлежащем. В таком случае было бы невозможно объяснить вышеприведенные примеры с *family* и 'ряд'. В этих примерах формальное согласование не соблюдается, так как сказуемое стоит в форме множественного числа, а подлежащее в форме единственного числа.

Аналогичные случаи наблюдаются при согласовании по роду в русском языке. Например, говорят 'Товарищ Иванова пришла', несмотря на то, что 'товарищ' — существительное мужского рода. Мы употребляем форму 'пришла', так как эта форма отсылает нас не к подлежащему, а к тому, что этим подлежащим обозначается (к субъекту), т. е. в сказуемом мы видим указание на тот предмет, который обозначается подле-

жащим. В данном случае, правда, слово 'Иванова' как бы поддерживает (по категории рода) форму 'пришла'. Если же такой поддержки нет, то происходят колебания в согласовании, например, 'Директор (женщина) не пришла', но 'Директор (мужчина) не пришел'.

Согласование по смыслу показывает, что сказуемое согласуется с подлежащим в сущности потому, что и подлежащее и сказуемое соотносятся с одним и тем же субъектом. Так, в предложении *A few students were absent* мы употребляем множественное число *students*, так как мы мыслим субъект множественным. Форма *were* употребляется здесь также потому, что субъект мыслится множественным, а не потому, что *students* стоит во множественном числе. Однако, поскольку в данном предложении налицо соотношение сказуемого по форме с подлежащим, то создается впечатление, что сказуемое согласуется с подлежащим, а не с субъектом. Этим объясняются случаи формального согласования, когда одинаковое выражение числа или лица в форме сказуемого и подлежащего наводит на мысль о непосредственной связи сказуемого и подлежащего.

Таким образом, отношение между сказуемым и подлежащим сложно и противоречиво: когда форма подлежащего не соответствует его содержанию, т. е. субъекту, получается противоречие, и категория числа в сказуемом выражается так, как она осмысливается в субъекте, а не так, как она выражена в подлежащем. Формальное же согласование между сказуемым и подлежащим объясняется тем, что косвенная связь между ними воспринимается как прямая.

То, что в категориях лица и числа содержится в первую очередь указание на реальные предметы, а не на слова, их обозначающие, особенно ясно видно на примерах из русского языка, в котором мы часто не употребляем местоимений 1-го и 2-го лица, например, 'Думаю, что так'; 'Видишь, что случилось' и др. В данных предложениях нет подлежащего, на которое могло бы ориентироваться сказуемое при согласовании, а глагол все же меняется по лицам, так как он ориентируется не на отсутствующее подлежащее, а на предполагаемый субъект. Подобное явление существует и в английском языке; например, в повелительном наклонении, где есть указание на субъект, хотя подлежащего нет (см. выше, §81).

Выражение подлежащего

§ 84. Во многих языках для выражения подлежащего используется определенный падеж существительных, местоимений или других слов, имеющих субстантивное значение.

Для русского языка при выражении подлежащего характерно регулярное использование именительного падежа: ср. 'Он пришел'; 'Мой товарищ пришел' и т. п. Однако необходимо заметить, что функция именительного падежа в русском языке не ограничивается выражением подлежащего: именительный падеж может также широко использоваться в квалификативном сказуемом для предикатива (ср. 'Мой товарищ — доктор'), в обращении ('Доктор, скажите...'), при обозначении предметов в словаре и т. д. В связи с этим то или иное слово в русском предложении выделяется как подлежащее не только на основании его формы (именительного падежа), но также исходя из общего смысла предложения и формы сказуемого (лица и числа, а в прошедшем времени рода и числа).

В английском языке мы наблюдаем существенно иную картину. В системе английских местоимений противопоставление именительного падежа одному косвенному (объектному) падежу имеется лишь у личных и вопросительных (относительных) местоимений:

Личные местоимения		Вопросительные (относительные) местоимения	
I —me	we —us	who—whom	
thou—thee	you —you		
he —him	they—they		
she —her			
it -it			

Как можно видеть, количество местоимений, имеющих форму именительного падежа, в английском языке очень ограниченное. Однако практически система противопоставления именительного и объектного падежей еще меньше, поскольку:

Во-первых, местоимения *it* и *you* в обеих падежных формах звучат одинаково, а тем самым материально указанных падежей не различают: ср. *you saw me* *Вы видели меня* и *I saw you* *Я видел вас*, где форма местоимения *you* определяется лишь исходя из ее положения в предложении.

щим. У местоимения *he* указанная тенденция проявляется с меньшей силой, но также и здесь в разговорной речи возможно *It's him*; ср. также *It's her*. Можно было бы, как будто, думать, что в английском языке действует сейчас та же тенденция, которая наблюдалась раньше во французском языке, где местоимения *je, tu, il, elle* стали употребляться только в функции подлежащего, тогда как *moi, toi, lui* и т. д. используются и в других функциях: ср., например, *C'est moi*. Однако в то же время в английском языке словоформы именительного падежа характеризуются и более свободным употреблением, чем соответствующие французские местоимения, в силу чего возможны сочетания типа *He is taller than I* *Он выше меня* (ср. § 66). (Подробнее относительно падежных форм личных и др. местоимений см. в «Морфологии английского языка».)

В системе существительных (и местоимений не личных) нет никакого намека на различие между именительным и «неименительным» падежами, которое мы наблюдаем у личных местоимений. Правда, может возникнуть вопрос, не имеем ли мы в системе существительных омонимию форм падежа, аналогичную *русск*, 'ночь' в предложении 'Ночь пришла' и 'ночь' в предложении 'Она проспала всю ночь'. Однако внимательное изучение системы падежных форм существительных в современном английском языке показывает, что английскому языку подобное падежное различие не свойственно: совпадение звучания в случаях такого рода является не омонимией форм падежа, а их неразличением. (По этому вопросу см. «Морфологию английского языка».)

Отсутствие особой падежной формы у существительного при употреблении его в функции подлежащего ведет к тому, что для выделения подлежащего в английском языке большую роль играет порядок слов. Подлежащее выделяется тем, что оно непосредственно предшествует сказуемому (если при сказуемом нет определительных слов). Данное правило остается в силе и тогда, когда прямое дополнение выносится на первое место: ср., например, *This letter he wrote* *Это письмо он написал* (см. § 57). Особо же специфичным для английского языка является то, что в вопросительных предложениях подлежащее как бы «вдвигается в сказуемое», размещаясь между вспомогательным глаголом и основной частью сказуемого: ср. *Do you know him?* *Вы знаете его ?* (см. § 58).

Связь между содержанием сказуемого и содержанием подлежащего

§ 85. Между содержанием подлежащего и содержанием сказуемого имеется известная взаимосвязь:

1. Очень часто характер содержания подлежащего до некоторой степени определяется характером содержания сказуемого.

Как уже указывалось (см. § 75), сказуемое по своему содержанию подразделяется на ряд типов:

1) Процессное: например, He is reading; He reads.

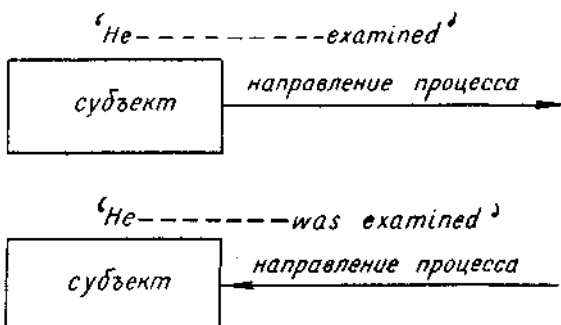
2) Квалификативное: например, He is a doctor; The table is black.

3) Обстоятельственное: например, He is here.

4) Объектное: например, He has many friends.

Указанные различные типы сказуемого по-разному характеризуют подлежащее.

Процессное сказуемое. — Здесь выделяются два основных случая: а) со сказуемым в форме действительного залога: ср. He examined Он экзаменовал и б) со сказуемым в форме страдательного залога: ср. He was examined Его экзаменовали. В зависимости от формы залога сказуемое указывает на направление процесса в отношении субъекта, а, тем самым, известным образом характеризует субъект: оно показывает, является ли субъект активным участником процесса, его источником, или же субъект представляет собой лишь предмет, на который направлено действие, возникшее где-то вне его. Графически различие между предложениями: He examined и He was examined можно изобразить следующим образом:

Иначе говоря, в зависимости от формы залога процессного сказуемого можно выделить два типа подлежащего:

а) Подлежащее с активным содержанием, или подлежащее, обозначающее деятеля: ср. *The hunter killed the bear* *Охотник убил медведя*.

б) Подлежащее с пассивным содержанием, или подлежащее, обозначающее предмет, на который переходит действие: ср. *The bear was killed by the hunter* *Медведь был убит охотником*.

Примечание 1. Выделение этих типов подлежащего еще раз свидетельствует о том, что подлежащее предложения и источник действия — деятель — представляют собой два совершенно различных понятия, лежащих в двух различных планах: подлежащее является грамматическим центром предложения, по предмет, обозначаемый им, не обязательно является центральным по отношению к действию, обозначенному сказуемому.

Примечание 2. В английском языке подлежащее с активным содержанием и подлежащее с пассивным содержанием никак не дифференцируются по грамматической форме слов: при наличии любого типа существительное оформлено общим падежом, а местоимение — именительным падежом. Та же картина наблюдается и в русском языке — с той только разницей, что именительный падеж используется как для местоимения, так и для существительного. Однако в некоторых языках не индоевропейской системы наблюдается определенная зависимость между грамматической формой подлежащего и содержанием сказуемого.

Языки, в которых данной зависимости не обнаруживается, иногда обозначаются термином «языки номинативного строя». В этом смысле сюда следует отнести и такой язык, как английский, поскольку, хотя именительный падеж в нем и не пронизывает всей системы имени, тем не менее содержание подлежащего не отражается на его оформлении. Однако нужно заметить, что характеристика всего строя языка по одному этому признаку вряд ли является верной.

Кваликативное сказуемое. — При кваликативном сказуемом содержание подлежащего в той или иной мере раскрывается через обозначаемый сказуемым признак: ср., например, *He is old* *Он стар*, где признак старости приписывается лицу, которое обозначается подлежащим.

Обстоятельственное сказуемое. — В случае обстоятельственного сказуемого содержание подлежащего определяется через условия, в которых существует обозначаемый подлежащим предмет: ср. *He is here* *Он здесь*, где условия нахождения в определенном месте характеризуют лицо, обозначенное подлежащим. В этом отношении обстоятельственное сказуемое до некоторой степени сближается с про-

цессным сказуемым: при процессном сказуемом предмет, обозначенный подлежащим, определяется через его участие в процессе, а при обстоятельственном — через его существование в определенных условиях объективной действительности.

Объектное сказуемое. — В этом случае содержание подлежащего характеризуется через отношение обозначенного им предмета к другому предмету объективной действительности: ср., например, *He has many friends У него много друзей*, где лицо, обозначенное подлежащим, получает известную характеристику через отношение этого лица к другим лицам (его друзьям). В тех случаях, когда отношение одного предмета к другому предмету (или другим предметам) оказывается регулярным, оно становится признаком предмета, и подлежащее в соответствующих предложениях сближается с подлежащим в предложениях типа *He is old*, где сказуемое является квалификативным.

Все разобранные выше случаи с несомненностью указывают на то, что содержание сказуемого в какой-то степени всегда определяет содержание подлежащего.

Кроме того, содержание подлежащего, безотносительно к содержанию сказуемого, регулярно и последовательно характеризуется через лексическое значение слов, использованных для его выражения. При этом следует обратить особое внимание на то, что здесь возможны известные обобщения: те или иные слова с одинаковым общим лексическим значением могут создавать определенные общие типы подлежащего; в свою очередь, эти последние могут известным образом характеризовать соответствующие предложения и служить основой для классификации предложений по типам.

Сказанное можно проиллюстрировать с помощью следующих примеров:

Так, если в предложении *My brother wrote a letter Мой брат написал письмо* произвести следующие замены:

My brother wrote a letter.
My son wrote a letter.
The boy wrote a letter.
That man wrote a letter.

то мы увидим, что во всех этих случаях различия между подлежащими не имеют здесь принципиального характера.

Во всех примерах различия между подлежащими представляют собой различия между лексическими значениями конкретных слов, во всех четырех случаях подлежащее обозначает конкретный предмет, так что совершенно ясно, к какому типу или классу предметов относится предмет, обозначаемый подлежащим.

Если подлежащее выражено местоимением, картина меняется. Например: *He wrote a letter*. Это предложение будет иметь смысл только в том случае, если заранее известно, кто подразумевается под этим *he*. Смысл предложения в большей степени зависит от контекста, чем в приведенной выше группе примеров. Однако во всех рассмотренных примерах замена подлежащего не меняет всего характера предложения.

Если же ввести в предложение в качестве подлежащего вопросительное местоимение *who*, то перед нами будет новая категория предложений — категория вопросительных предложений.

Аналогичным образом, при введении в качестве подлежащего отрицательного местоимения меняется весь характер предложения; например: *Nobody saw him*. Словом *nobody* непосредственно не обозначается никакого лица; получается своеобразный тип предложения — отрицательное предложение, исключающее представление о каком-либо конкретном лице.

Можно упомянуть также и другой тип предложения — с безличным *it*: ср. *It rains* *Идет дождь*; *It is cold* *Холодно*; *It is dark* *Темно*; *It is evident* *Очевидно*; *It is obvious* *Явно* и т. п. В данном типе предложения подлежащее имеет очень условный и формальный характер: в предложении сообщается об известном факте, но этот факт не связывается с каким-либо четко выделенным субъектом, а тем самым содержание подлежащего оказывается весьма неуловимым и расплывчатым.

5. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 86. Как уже указывалось выше (см. § 85), в зависимости от содержания подлежащего можно известным образом классифицировать предложения и выделить определенные общие типы предложений.

Основная грань здесь проходит между личными предложениями и предложениями безличными.

Личное предложение — это такое предложение, в котором подлежащее обозначает субъект, в той или иной степени поддающийся выделению и определению: ср., например, *He arrived Он прибыл*, где, хотя и неизвестно, кто прибыл, но при этом все же мыслится конкретное лицо мужского пола.

В безличном предложении, наоборот, субъект не поддается выделению и определению. Он как бы растворяется в действительности, а не выделяется как некая часть и не имеет определенных границ: ср., например, *It is necessary... Необходимо...*, где подлежащее имеет очень неясное и неуловимое значение обстановки, известной ситуации, которая делает необходимым что-то (*It is necessary to go there/to stay there/to do that Необходимо пойти туда/остаться там/сделать это* и т. п.); ср. также *It snows Идет снег*, где невозможно уловить даже и это расплывчатое и неопределенное значение.

Безличные предложения

§ 87. Английские безличные предложения отличаются от русских безличных предложений тем, что они всегда имеют подлежащее: ср. *It is dark* и 'Темно'; *It is getting dark* и 'Темнеет'; *It is necessary to go there* и 'Необходимо пойти туда'. Однако это подлежащее, как уже указывалось, не обозначает никакого реального субъекта: то неуловимое содержание, которое заключено в подлежащем (известной обстановки, жизненной ситуации), как бы растворяется в содержании сказуемого и не может быть выделено и рассмотрено самостоятельно. Такое подлежащее можно назвать безличным.

Примечание. Безличные предложения с подлежащим в английском языке возникли в сравнительно недавнее время. Во всяком случае, в древних текстах встречаются безличные предложения без подлежащего типа "snows". Можно думать, что введение *it* в качестве подлежащего находится в прямой связи с уменьшением количества глагольных форм лица и числа и увеличением их омонимии: привычка употреблять подлежащее в других случаях переносится также и на эти случаи.

Таким образом, английские безличные предложения отличаются от русских безличных предложений тем, что в них

безличность выражена не отсутствием подлежащего (как в русских безличных предложениях), а в семантической опустошенности подлежащего или в его безличности.

К безличным предложениям относятся и такие типы, как *It is useful* *Полезно*, *It is necessary* *Необходимо*, за которыми обычно следует инфинитив или придаточное предложение с союзом *that*. В английских грамматиках обычно говорится, что настоящим подлежащим в этом случае и является инфинитив или придаточное предложение, а *it* представляет собой «пустое слово», предшествующее подлежащему. Это *it* называют обычно «предваряющим» (*anticipatory*) *it* и отличают от безличного *it*. Однако, вряд ли это верно: «предваряющее» *it* — это то же безличное *it*, являющееся в предложении единственным подлежащим, а придаточное предложение или инфинитив представляют собой известное уточнение, развитие содержания сказуемого: *is necessary*, *is useful* и т. п.

В предложении *It is necessary to go there* первая часть *It is necessary* сообщает о наличии необходимости сделать что-либо. Содержание этой необходимости должно быть конкретизировано. Такой конкретизацией содержания сказуемого и является инфинитив или придаточное предложение. Последние, таким образом, не стоят в центре внимания, они лишь дают некоторое уточнение. Это положение подтверждается следующим сравнением. Нетрудно заметить разницу между предложениями *It is necessary to go there* и *To go there is necessary* (ср. с *русск.* 'Необходимо сделать это' и 'Сделать это необходимо'); в первом случае раскрывается содержание того, что необходимо, а во втором характеризуется действие *to go*, сообщается о нем то, что оно необходимо. В первом случае говорится о том, что существует необходимость произвести какое-то действие, а во втором, — что совершение этого действия является необходимостью. Другими словами, данные предложения различаются по значению. Предложение *It is necessary to go there* соотносится с предложением *I must go there*, где *go* никак не является подлежащим, а входит в группу сказуемого, развивает содержание сказуемого.

В обоих предложениях инфинитив раскрывает содержание сказуемого, подлежащим же здесь является *it*, которое представляет собой лишь формальную опору для глагола и не прибавляет ничего нового к содержанию предложения.

Аналогичным образом, в предложении *It is difficult to understand this* *Трудно понять это* подлежащим также является безличное *it*, а инфинитив поясняет, раскрывает то, что является трудным.

Точно так же надо рассматривать *it* в предложениях типа *It is said that the meeting will not be held* *Говорят, что собрание не состоится*. Нередко подлежащим в таких случаях считают *the meeting will not be held*, а *it* рассматривается как «предваряющее» *it*, указывающее на следующее за ним подлежащее в виде "That-Clause". В действительности же так называемое "That-Clause" имеет здесь такой же характер, что и придаточное предложение в случае *They say that the meeting will not be held*, т. е. раскрывает содержание сказуемого (*say*).

Личные предложения

§ 88. В зависимости от лексического значения подлежащего личные предложения могут быть разделены на несколько групп:

А. Предложения личные в собственном смысле слова

Самая распространенная категория личных предложений — это такие предложения, в которых подлежащее выражено именем существительным. Эти предложения являются личными в самом прямом смысле этого слова (под лицом здесь подразумевается выделенность известного субъекта, а не лицо в значении *человек*). Неличные формы глагола (инфинитив и герундий) также могут выполнять функцию подлежащего в личных предложениях, поскольку глагол в этих формах субстантивируется и приобретает предметный характер. Они примыкают к группе субстантивных подлежащих и являются личными в самом обычном смысле этого слова.

Кроме существительных и слов субстантивного характера, в качестве личного подлежащего могут выступать и местоимения, которые называются личными местоимениями. Но можно ли включать подлежащее-местоимение в группу подлежащего-существительного? Является ли подлежащее-местоимение всегда эквивалентом подлежащего существительного?

По своему типу предложения I saw him yesterday *Я видел его вчера* и John saw him yesterday *Джон видел его вчера* одинаковы, существенной разницы между ними нет: вместо John можно подставить we, you и т. д.; во всех случаях достаточно четко будет обозначено лицо, выраженное местоимением.

Однако, как уже указывалось выше, благодаря нечеткому значению 3-го лица вообще (см. § 82), случаи, когда подлежащее выражено местоимением 3-го лица, выделяются недостаточной четкостью обозначения субъекта. В предложении He saw them yesterday *Он видел их вчера* остается неясным, кем является he, так как he выступает лишь как заменитель названия какого-то лица. Причем в отличие от 1-го и 2-го лица, где такая замена происходит постоянно, в 3-ем лице она становится возможной лишь тогда, когда данное лицо было уже упомянуто раньше. Таким образом, предложения с подлежащим, выраженным местоимением 3-го лица, отличаются известной семантической несамостоятельностью и могут употребляться лишь в более широком контексте, когда ясно, что они заменяют.

Местоимение it, характерное для безличных предложений, может выступать в качестве подлежащего и в личном предложении как личное местоимение 3-го лица; например: "Where is the book?" "It is on the table" «*Где книга?*» «*Он а на столе*». Здесь это it относится к слову book и выполняет ту же функцию, что и местоимение he.

Таким образом, можно говорить о двух группах собственно личных предложений, обладающих тонкими различиями: личные предложения с подлежащим, выраженным существительным (а также инфинитивом или герундием) или личным местоимением 1-го или 2-го лица, и личные предложения с так называемым лично-заместительным подлежащим, выраженным местоимением 3-го лица.

В зависимости от типа местоимений различаются разные типы подлежащих, а, следовательно, и разные типы предложений в целом.

Б. Неопределенно-личные предложения

Помимо подлежащих безличных и личных в собственном смысле слова, существуют также и неопределенные подлежащие, которые отличаются от безличных подлежащих тем,

что они, хотя и выделяют реальный субъект, но делают это недостаточно определенно. Такой тип подлежащего можно обозначить термином неопределенно-личное подлежащее, а соответствующий тип предложений — неопределенно-личное предложение.

Здесь следует различать два случая:

1. Предложения с неопределенно-личным подлежащим в собственном смысле этого слова. Обычно в таких предложениях в качестве подлежащего выступает местоимение *they*: ср., например, *So they say Так говорят*. Подлежащее *they* здесь обозначает неопределенную группу лиц. Сюда же примыкают предложения с *it*, в которых сказуемое имеет форму страдательного залога: ср. *It is said Говорят* и т. п.

2. Предложения с обобщенным неопределенно-личным подлежащим. Характерными для таких предложений оказываются подлежащие, выраженные местоимениями *one* и *you*: ср. *One has to do one's best Нужно сделать все возможное* (русский перевод здесь не совсем точно передает указанный обобщенный неопределенно-личный характер значения); *One often has ideas of that kind Часто имеешь мысли такого рода* (ср. также предложения с нем. *man*, швед. *man* и франц. *on*). В указанных предложениях нет обозначения какой-либо группы лиц, но, вместе с тем, эти предложения и не безличные: они указывают на лицо, однако делают это очень обобщенно и условно.

В таком же смысле может употребляться и местоимение *you* для выражения подлежащего: ср., например, *You never know where to find him Никогда не знаешь, где его найти*. Здесь мы наблюдаем опять-таки очень неопределенное указание на лицо: имеется в виду всякий человек в данных обстоятельствах — и в этом заключается обобщение.

Примечание. Как видно хотя бы из приведенных переводов, в русском языке имеется подобный тип предложений; ср. также очень широкое использование этих предложений в пословицах и поговорках: 'Что посеешь, то и пожнешь' и др. и такие случаи, как 'говорят, что..., предполагают, что...'. Однако следует отметить, что полного соответствия здесь нет, поскольку в русском языке в случаях подобного рода используется также безличная инфинитивная конструкция: ср., например, 'Если встать лицом к востоку, то налево будет север'.

В. Предложения с неопределенно - указательным подлежащим

К этой группе относятся предложения с подлежащим, выраженным местоимениями *it, this, that* (имеющими очень близкие значения): ср., например, *It is my friend Это мой друг*. В предложениях подобного рода подлежащее лишь указывает на субъект, но не раскрывает его существа: последнее осуществляется уже в сказуемом.

Г. Предложения с отрицательным подлежащим

К отрицательным подлежащим относятся подлежащие типа по *man, nobody, nothing, none* и др. Они делают все предложение отрицательным, например: *Nothing was said Ничего не было сказано*. Предложение с отрицательным подлежащим в английском языке не требует выражения отрицания в форме сказуемого, например: *Nobody saw him Никто не видел его*. Здесь сохраняется конструкция утвердительного предложения. Конструкция утвердительного предложения сохраняется в английском языке и при наличии отрицательного второстепенного члена предложения, например: *I saw nobody Я никого не видел*.

Сравните эту особенность английского языка с русским, где, независимо от подлежащего, отрицание всегда должно включаться в форму сказуемого, например: 'Никто не знал его'. Обычно говорят, что, в отличие от русского, английскому языку свойственно однократное отрицание. Однако основное отличие русского языка от английского не в количестве отрицаний, а в том, что английское предложение становится отрицательным при наличии отрицательного подлежащего или отрицательного второстепенного члена предложения, а русский язык всегда требует отрицания при сказуемом.

Д. Предложения с вопросительным подлежащим

К вопросительным подлежащим относятся: *who, which, what*. Если само подлежащее является вопросительным, то выражение вопроса в форме сказуемого исключается, Например: *Who saw them? Кто их видел ?*

Таким образом, в английском языке наблюдается определенная тенденция не выражать вопроса в форме сказуемого,

если вопрос выражен в подлежащем. Но, если второстепенный член предложения является вопросительным словом, то конструкция предложения будет вопросительной, категория вопроса будет передаваться в форме сказуемого: ср. Who saw them?, но: What did he see? *Что он видел?*

Кроме указанных типов предложения, можно выделить еще и другие типы: например, предложения с подлежащим, выраженным местоимениями something, somebody, anybody, everybody и др. Однако эти типы являются гораздо менее важными и интересными.

Глава VI

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТИ РЕЧИ. ТИПЫ СВЯЗИ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

1. ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 89. Помимо главных членов предложения (подлежащего и сказуемого), в предложении обычно выделяются также и второстепенные члены предложения.

Термин «второстепенный член предложения» ничего не говорит о смысловом весе соответствующего слова (или группы слов) в предложении. Иногда второстепенный член предложения с точки зрения содержания высказывания оказывается более существенным и важным, чем главные члены предложения — подлежащее и сказуемое. Так, например, основной смысл предложения 'Пиши аккуратно и внимательно' заключается в словах 'аккуратно' и 'внимательно': с точки зрения выражаемой в этом предложении мысли эти слова важнее, чем слово 'пиши', которым выражено сказуемое. Однако от этого! слова 'аккуратно' и 'внимательно' не становятся главными членами предложения.

Отличие второстепенных членов предложения от главных членов предложения состоит не в смысловом весе тех и других в высказывании, а в их разной грамматической роли. От сказуемого второстепенные члены предложения отличаются тем, что в сказуемом выражается предикация (см. § 70), а, тем самым, сказуемое соотносится с действительностью и становится главным членом предложения. Поэтому в ряде случаев сказуемое может и не быть самым важным с точки зрения его содержания, как, например, в вышеприведенном

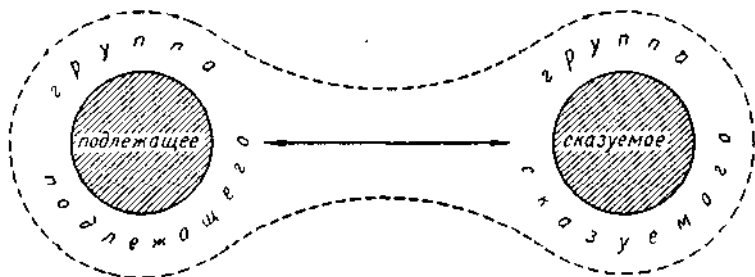
примере 'Пиши аккуратно и внимательно'. Однако, хотя основная мысль сообщается здесь в словах 'аккуратно' и 'внимательно', сама актуальность этих слов приобретает только через посредство сказуемого. Подлежащее оказывается главным членом предложения потому, что оно обозначает субъект, или предмет, по отношению к которому определяется предикация. Этот член является центральным в предложении, поскольку ему подчиняются и по отношению к нему оформляются все остальные члены предложения. Если подлежащего нет, то в центре предложения стоит сказуемое, которое в этом случае уже само по себе содержит указание на субъект. Таким образом, подлежащее и сказуемое представляют собой остов предложения. Второстепенные члены можно отбросить, но от этого предложение не перестанет быть предложением. Например, в предложении *I accepted the gift thankfully Я принял дар с благодарностью* можно опустить слово *thankfully с благодарностью*, и все же предложение останется предложением (ср. *I accepted the gift*). Можно даже отбросить и слово *дар*, и хотя предложение от этого станет недостаточно ясным, останется тот остов, который можно будет впоследствии развить (ср. *I accepted...*). Если же отбросить *I я*, то станет непонятным, на что ориентировано сказуемое, а, следовательно, окажется не обозначенным и тот субъект, по отношению к которому определяется предикация (ср. *Accepted the gift thankfully*). Наконец, при опущении сказуемого исчезает уже всякое подобие предложения (ср. *I ... the gift thankfully*).

Существуют языки, в которых сказуемое ориентировано не только на субъект, но и на объект, обозначенный дополнением. В таком случае дополнение выступает также на положении главного члена предложения, подобно подлежащему и сказуемому. Однако в английском языке дополнение, определение, обстоятельства и т. д. — все являются второстепенными членами предложения.

По отношению к главным членам предложения второстепенные члены являются такими словами, которые дополняют, определяют и развивают то, что обозначено главными членами предложения. При этом граница между членами предложения, развивающими подлежащее, и членами предложения, развивающими сказуемое, не очень определена: нет членов предложения, которые специально определяют только

подлежащее или только сказуемое. Однако все же одни слова могут больше соотноситься со сказуемым, а другие — с подлежащим. Поэтому, в известном смысле, можно говорить о группе сказуемого и группе подлежащего, или, выражаясь иначе, о распространенном подлежащем и распространенном сказуемом. Некоторые слова при этом занимают промежуточное положение между этими двумя группами, не принадлежа ни к одной из них в узком смысле слова.

Графически соотношение между группой подлежащего и группой сказуемого можно изобразить с помощью следующей схемы:

Из схемы видно, что граница между группой подлежащего и группой сказуемого лишь намечается, но быть обозначена четко не может.

Второстепенные члены предложения выделяются не по их отношению к сказуемому или к подлежащему, а по иному принципу.

В отличие от главных членов предложения, принципы выделения которых в общем вполне определены, в случае с второстепенными членами существует очень много специальных случаев, особых категорий и специфических отношений, в которых трудно наметить какие-либо общие черты. Обычно все эти случаи сводятся к нескольким наиболее важным. Так, выделяются дополнения (Objects), обстоятельственные слова (Adverbial Modifiers) и определения (Attributes).

Однако сведение всех разнообразных случаев к этим трем категориям является очень сложной и не всегда разрешимой задачей. Нередко в предложении встречаются единицы, которые нельзя подвести ни под одну из этих категорий. Так, в предложении *I saw him run* *Я видел, как он бежал* такой единицей является слово *run*. Иногда это *run* рассматривается

как своего рода «предикат», или второе сказуемое. Но такое объяснение не вносит в данный вопрос ясности. Сказуемое — это член предложения, выражающий предикацию и тем самым придающий высказыванию вид предложения. Ничего подобного в *run* нет. Точно так же в предложениях типа *I painted the door green* *Я выкрасил дверь в зеленый цвет* слово *green* нельзя подвести ни под одну из основных категорий второстепенных членов предложения. Обычно его называют объектно-предикативным членом (Objective Predicative). Но при перечислении второстепенных членов предложения в традиционных грамматиках объектно-предикативный член почему-то не упоминается.

Кроме того, нередко бывает трудно достигнуть полной ясности и точности в определении содержания самих понятий — дополнения, обстоятельства и определения — и в установлении границ между ними. Например, что представляет собой словоформа 'студентов' в словосочетании 'обучение студентов'? Некоторые грамматисты считают, что это такое же определение, как и в словосочетании 'группа студентов', и что особый характер сочетания в первом случае зависит целиком от лексического значения его компонентов. Другие же приписывают словоформе 'студентов' роль дополнения (ср. 'обучать студентов'). В старых русских грамматиках подобная трактовка была обычной: считалось, что имя в косвенном падеже всегда является дополнением (в частности и в словосочетании 'дом отца'). Однако по существу такое объяснение ничего не дает. При подобной трактовке термин «дополнение» приобретает значение, равное значению термина «косвенный падеж», и становится лишь другим названием того же самого явления.

Для того, чтобы правильно разобраться в соотношениях, существующих между второстепенными членами предложения, и правильно выделить их, необходимо прежде всего отграничить содержание членов предложения как таковых от содержания слов, которые используются для их выражения. При этом в лексическом содержании соответствующих слов нужно различать значение как части речи и значение слова как индивидуальной лексической единицы словаря (см. «Лексикологию английского языка», § 159).

Выполнению этой задачи и посвящается следующий раздел книги.

2. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ЧАСТЯМИ РЕЧИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ СЛОВ

§ 90. Между членами предложения и частями речи существует определенное соответствие. Так, например, в предложении *He saw a black dog there Он увидел там черную собаку* три второстепенных члена предложения выражены тремя разными частями речи: дополнение — существительным, обстоятельство — наречием, определение — прилагательным. Такое соотношение между членом предложения и частью речи, использующейся для его выражения, наблюдается и в большинстве других предложений; можно сказать, что такое соотношение является типичным: в основной массе случаев дополнение выражается именно существительным, обстоятельство — именно наречием, а определение — именно прилагательным. Указанное распределение частей речи по их функционированию в предложении ни в какой степени нельзя признать случайным. Дело в том, что любая часть речи, помимо индивидуального значения входящих в нее слов, имеет также еще и общее категориальное значение — значение данной части речи: любое существительное обладает общим категориальным значением предметности, любое прилагательное содержит в себе общее категориальное значение признака и т. п. (Подробнее см. «Лексикологию английского языка», § 159.) Указанные значения частей речи находят в определенном соответствии со значениями членов предложения. Так, например, дополнение обычно обозначает предмет, который стоит в известном отношении к процессу, обозначенному сказуемым; поскольку же и существительное также имеет значение предметности, ничего нет удивительного в том, что для выражения дополнения используется именно существительное, а не прилагательное, обладающее общим категориальным значением признака. Подобным же образом обстоит дело и с выражением других членов предложения. Можно сказать даже больше: само существование той или иной части речи зиждется на том, что входящие в нее слова регулярно используются в функции определенного члена предложения. Выше (см. § 38) части речи были определены как категориальные разряды слов, выделяемые по их парадигмам, по парадигматическим схемам и по сочетаемости с другими разрядами слов. Это означает, что, например, слово

стол является существительным в той мере и постольку, в какой мере и поскольку оно характеризуется определенным комплектом надежно-числовых форм и определенными особенностями сочетаемости его с другими словами — с глаголами, прилагательными, предлогами и т. п. И если бы слово 'стол' перестало использоваться в таких синтаксических функциях, как функция дополнения или функция подлежащего, это означало бы изменение его синтаксической сочетаемости, которое, в свою очередь, могло бы повлечь за собой и изменение парадигматической схемы и, в конце концов, изменение общего категориального значения этого слова: ср. русское слово 'спасибо', в котором мы наблюдаем сейчас нечто подобное; первоначально неизменяемое слово 'спасибо' имеет тенденцию в результате изменившегося его функционирования в предложении перейти в категориальный разряд существительных: ср. 'Большое спасибо'; 'Не нужно мне твоего спасибо'; 'Из спасибо шубы не сошьешь' и т. п. Иначе говоря, основой для наличия у того или иного слова характерных особенностей конкретной части речи является регулярное его употребление в функции тех членов предложения, содержание которых соответствует общему категориальному значению этого слова как части речи.

Однако вместе с тем не следует забывать, что члены предложения и части речи являются двумя самостоятельными и двумя разными категориями языка. Поэтому часто возможны различные отступления, при которых определенные части речи могут выступать в несвойственной им функции: поскольку любая часть речи охарактеризована как таковая специальными морфологическими признаками (в частности, своей парадигматической схемой), постольку при указанном выше несвойственном ей функционировании она остается тождественной себе — той же самой частью речи. Так, в случае с прилагательным на характер данной части речи (прилагательного) указывает не только положение данного слова в предложении как определения, но и наличие у него определенных грамматических форм. В связи с этим в прилагательном общее значение признака настолько прочно, настолько мыслится независимо и в отвлечении от его функционирования в предложении в качестве определения, что прилагательное может использоваться и в качестве других членов предложения; важно только, чтобы такое его исполь-

зование не стало превалирующим, типичным: иначе оно может перейти в другую часть речи и перестать быть прилагательным. Например, прилагательное может употребляться не только в функции определения (ср. He saw the black dog there), но и в функции предикатива (ср. The dog is black *Собака черная*); однако те слова, которые, сближаясь с прилагательными по значению, используются только в функции предикатива (ср. glad, afraid и т. п.), имеют тенденцию оторваться от прилагательных и перейти в особую часть речи (см. § 79).

Таким образом, возникает противоречие между значением слова как части речи и значением слова как члена предложения.

§ 91. Положение еще дополнительно осложняется тем, что вместе с указанным выше противоречием между значением слова как части речи и значением слова как члена предложения (см. § 90), существует также в ряде случаев противоречие между общим категориальным значением (значением части речи) и индивидуальным значением слова.

Так, например, в слове 'стол' значение предметности выражается дважды: в его принадлежности к определенному категориальному разряду слов — существительному — и в его индивидуальном лексическом значении (в том, что оно обозначает конкретный предмет — стол). Между общим категориальным значением и индивидуальным лексическим значением слова 'стол' наблюдается здесь соответствие, и такой случай является типичным. Однако уже в слове 'ходьба' мы имеем известное противоречие между этими значениями: слово обозначает не предмет, а процесс, но оформлено как существительное и поэтому имеет общее категориальное значение предметности. Это явление, характерное также и для английского языка (см. «Лексикологию английского языка», § 159 и § 84), сказывается в области синтаксиса. Слово, употребляемое как существительное, влечет за собой связи, характерные для предмета. Однако, если лексическое ядро этого слова глагольное (имеет значение процесса), то это вызывает в нашем сознании связи, характерные для процесса. Так, в сочетании *students of languages изучающие языки* не ясно, является ли *of languages* определением или дополнением; тогда как совершенно ясно, что, например, в сочетании *the cover of the book переплет книги the book* является определе-

нием к слову the cover. И дело здесь в том, что в слове students мы чувствуем элемент глагольности, значение процесса в самом его лексическом ядре. И это значение может приводить к осмыслению languages в качестве дополнения, обозначающего предмет, на который направлен этот процесс. The cover of the book воспринимается иначе, поскольку в лексическом значении слова cover момент процесса исчез; происхождение здесь не оставило следов в семантике.

Таким образом, во второстепенных членах предложения пересекается несколько моментов: (1) синтаксический — роль в предложении: определение, дополнение, обстоятельство; (2) морфологический: оформление слова как определенной части речи; (3) лексический: индивидуальные значения каждого слова — обозначение признака, процесса и т. д. — например, и black *черный* и blackness *чернота* имеют значение признака.

При совпадении этих моментов никаких сомнений не возникает: мы имеем ясные случаи. Так, в предложении: He saw a black dog there слово dog: 1) выполняет синтаксическую роль прямого дополнения и соответственно обозначает объект процесса, что уже наталкивает нас на представление о предметности; 2) относится к существительным, что еще раз указывает на предметность; 3) его лексическое значение также указывает на предмет реального мира (собака), а не признак или процесс и т. п. Таким образом, поскольку указания всех трех моментов в данном случае совпадают, мы имеем случай типичного дополнения.

Посмотрим, как обстоит дело со словом there. По синтаксической роли в предложении это обстоятельство, обозначающее условия, при которых произошло событие, а именно — место действия. В выделении же какого-то конкретного предмета мы не заинтересованы. Нам важно лишь простое указание на место. Подобная «распредмеченность» и выражена с помощью определенной части речи — наречия, — которая не дает представления о предметности и указывает лишь на обстоятельства, при которых протекает действие. Конкретное лексическое значение слова также соответствует первым двум моментам: ничего, кроме указания на место, мы под there подразумевать не можем.

Такое же соответствие всех трех моментов мы видим и в

слове *black*: (1) синтаксическая роль в предложении — определение; (2) часть речи — прилагательное, обозначающее признак, неотрывно связанный с предметом; (3) конкретная лексическая семантика — обозначение цвета, т. е. признака, а не предмета или процесса.

Традиционные определения различных членов предложения исходят из разнородных признаков. Так, например, в отношении определения указывают на прочность его связи с определяемым и на то, что оно обозначает признаки предмета. При определении дополнения говорят о значении предметности и участии в процессе и т. д. Поэтому часто получаются противоречия: в одном члене предложения сталкиваются разнородные признаки.

При определении членов предложения необходимо выделять наиболее основные признаки и, исходя из них, характеризовать роль слова в предложении. Такими основными признаками являются:

1. Степень связи между членами предложения, ее характер.

2. Содержание отношений, которые выражаются с помощью данного члена предложения (идет ли речь о предмете, признаке и т. д.).

Одно и то же содержание отношения между предметами объективной действительности может быть выражено в совершенно различных типах связи. Так, например, реальное содержание отношений, выражаемых в предложениях *This table is black* *Этот стол черный* и *This is a black table* *Это — черный стол*, одно и то же: и в том и в другом случае речь идет об известном предмете (столе) и об известном признаке (черноте). Однако это реальное содержание выражается в приведенных предложениях по-разному, в разных типах связи. В первом случае признак черноты мысленно отделяется от предмета и обозначается как своего рода открытие, как то, на что следует обратить внимание; напротив, во втором случае связь признака (черноты) и предмета (стола) обозначена как готовая, а не открываемая в высказывании. Здесь обозначение предмета и его признака вводится в высказывание одновременно (*a black table*), тогда как в предложении *This table is black* сначала вводится обозначение стола, а лишь затем уже сообщается, что он черный.

Из сказанного следует, что между типами связи и содержанием связи существует глубокое различие. Это различие никак нельзя упускать из виду при анализе синтаксического строя языка.

3. ТИПЫ СВЯЗИ

§ 92. В предложении ясно различаются неравноправные по своему характеру типы связи: выделяются более тесные и менее тесные объединения слов. Различная степень спаянности между словами в предложении проявляется в большей или меньшей легкости членения различных соединений слов. Между одними членами предложения связи более свободны, их вычленение является сравнительно легким, а между другими членами предложения связи более тесны, так что члены эти образуют в предложении определенные единства и комплексы! Таким образом, существуют различные градации членения между словами в предложении. Яснее всего выступает членение между подлежащим и сказуемым, затем внутри них, например между определением и подлежащим. Так, в предложении *This is an English book* *Это английская книга* сначала мы замечаем членение между *this* и *English book*, а затем уже членение внутри комплекса *English book* между *English* и *book*. Следовательно, с одной стороны, мы имеем связь между подлежащим и сказуемым, а с другой, — между определением и определяемым. Это две крайности: связь наиболее свободная и связь наиболее тесная. Между этими противоположными видами связи существуют другие виды связи.

Рассмотрим различные виды связи слов в предложении более детально.

§ 93. Наиболее свободная связь между словами в предложении — это связь между подлежащим и сказуемым, называемая предикативной. Такой является связь между *he* и *is a doctor*, *the table* и *is black*, *the doctor* и *arrived* в предложениях: *He is a doctor* *Он доктор*; *The table is black* *Стол черный*; *The doctor arrived* *Доктор прибыл*.

Поскольку сказуемое выражает предикацию и указывает на связь предиката с субъектом, связь сказуемого с подлежащим в составе предложения имеет особый характер. Она

неразрывно соединена с выражением предикации. Эта связь наиболее характерна для подавляющего большинства предложений; она создает предложение как таковое, организует предложение как внутренне законченную единицу. Связь сказуемого с подлежащим представляется более существенной, чем связь сказуемого с другими членами предложения, поскольку подлежащее обозначает тот предмет, по отношению к которому осуществляется предикация.

Предикативная связь не является заранее известной, заранее данной; она устанавливается в предложении. Для установления этой связи и организуется все предложение. Это есть связь на каждый данный случай. Она является наиболее живой и свободной связью между словами в предложении, и поэтому она не объединяет слова в одно целое. Связь эта настолько свободна, что дальнейшее ее ослабление невозможно; следующая ступень — это уже отсутствие всякой связи между словами. Для предикативной связи, помимо выражения предикации, важно и то, что в нее входит, наряду со сказуемым, другой главный член предложения — подлежащее; т. е. предикативная связь выделяется тем, что она является связью между двумя главными членами предложения, из которых один выражает предикацию, а другой обозначает субъект, т. е. предмет мысли, по отношению к которому определен предикат. В отличие от предикативной связи, другие типы связи служат для введения в предложение второстепенных членов (особый характер имеет связь копулятивная, см. ниже, § 96).

§ 94. Наиболее тесная связь, как мы уже говорили, объединяет определение и определяемое. Эта связь называется определительной, или атрибутивной*.

Атрибутивная связь наименее живая, но наиболее прочная связь между словами в предложении. Это связь как бы заранее данная, готовая. Для нее характерно то, что она образует такие сочетания, которые в предложении выступают как цельные единицы, как цельные комплексы, включаемые в предложение в собранном, готовом виде.

• Как и в случае предикативной связи, говоря об определительной или атрибутивной связи (и о других типах связи), мы не имеем в виду содержание этой связи.

Атрибутивная связь, как уже было сказано, стоит на противоположном полюсе по сравнению с предикативной: если предикативная связь создается в предложении и является наиболее свободной связью между словами, связью на каждый данный случай, то атрибутивная связь оказывается чрезвычайно тесной, как бы заранее установленной и используется в предложении как нечто данное.

Предикативная связь создает предложение как таковое, скрепляет его главные члены. Связь определения с определяемым не является организующей в предложении. Она оформляет не предложение в целом, а известный комплекс внутри него. Этот комплекс может занимать в предложении разные места, может быть подлежащим, дополнением и т. д. Эта связь, таким образом, не касается структуры всего предложения в целом и существенна лишь для строения определенного члена предложения (определение и определяемое выступают в предложении как один комплексный член).

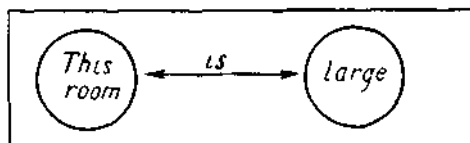
Наиболее характерным для атрибутивной связи является соединение прилагательного с существительным: an English book *английская книга*, a black dog *черная собака* и т. п.

Однако основным является здесь не то, какие части речи связываются, а то, как они связываются.

Ср. This is a large room *Это большая комната* и This room is large *Эта комната большая*. В обоих случаях мы имеем те же слова, те же понятия и те же отношения между понятиями. В обоих случаях комната характеризуется понятием величины. Однако оформление мысли в этих предложениях разное.

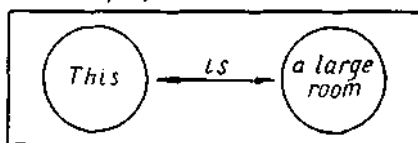
В предложении This room is large признак мысленно отделяется от предмета, и его обозначение вводится как своего рода открытие, заканчивает мысль. Признак в данном случае приписывается предмету, связывается с выражением предикативности. В предложении This is a large room — large room выделяется как нечто цельное. Нельзя сказать This is a large. Связь предиката и предмета дается как нечто готовое, а не как открываемое в высказывании. Признак не отделяется от предмета, но вводится одновременно с ним. Различное осмысление связи между признаком и предметом в том и другом предложении можно пояснить с помощью следующих двух схем.

Предикативная связь

Сначала в высказывание вводится *this room*, а затем уже сообщается признак-*large*, т. е. обозначение признака вводится в предложение отдельно от обозначения предмета; признак как бы открывается говорящим и выступает в качестве характеристики комнаты.

Атрибутивная связь

Обозначения признака и предмета образуют в предложении единый комплекс, вводятся одновременно, как уже готовый элемент и раскрывают содержание *this*.

Таким образом, атрибутивная связь — это наиболее тесная связь между словами в предложении. При такой связи два члена максимально сливаются, т. е. представляют собой целостную единицу внутри предложения и членятся лишь внутри того комплекса, который образуют. В этом комплексе одно слово так подчинено другому, что оно для предложения самостоятельного значения не имеет. Атрибутивная связь по своей прочности, по силе «сцепления» между ведущим и зависимым словом приближается к связи между компонентами сложного слова, т. е. к связи лексического характера. Стоит связать слова еще более тесно и получится сложное слово. Атрибутивный комплекс стоит на грани сложного слова. В английском языке эта грань легко нарушается. Ср., например, *an English teacher* в значении *учитель-англичанин*, где мы имеем свободное словосочетание, и *an English teacher* в значении *учитель английского языка*, где уже можно ставить вопрос о словосложении (см. «Лексикологию английского языка», § 133). В русском языке морфология не дает воз-

возможности перейти эту грань (ср. 'белый медведь' — 'белого медведя'). Понятие внутренне осмысливается как целое, но все же оформляется в двух словах, и морфология не позволяет этого забывать. Это два слова, а не части одного слова.

Внутри атрибутивного комплекса одно слово является ведущим, а другое — зависимым от него. При этом, говоря о ведущем и зависимом словах, не следует смешивать «ведущий» и «зависимый» в грамматическом и в лексическом плане. Нередко оказывается, что грамматически зависимое слово является ведущим лексически, а грамматически ведущее слово — второстепенным с точки зрения лексических отношений между словами. Так, например, что важнее лексически в предложении *He is a good doctor Он хороший доктор* — *good* или *doctor*? Обычно такую фразу произносят тогда, когда известно, что человек, о котором идет речь — доктор, и хотят сказать, что он хороший доктор. Таким образом, слово *doctor*, грамматически ведущее по отношению к *good*, лексически оказывается второстепенным, а слово *good*, грамматически подчиненное слову *doctor*, оказывается лексически более важным.

Возможны случаи, когда лексическое значение грамматически ведущего члена атрибутивного комплекса настолько ослабляется, что становится совершенно несущественным. Например: *He is an old man Он старик*.

Здесь слово *man* лексически совершенно ослаблено (ср. *русск.* 'Ломоносов — великий человек'). *Man* является здесь лишь формальной опорой для *old*, с помощью которой комплекс *old man* приобретает субстантивный характер. В этом отношении роль *man* можно сравнить с ролью суффикса '-ик' в русском слове 'старик'. Английское *old man*, таким образом, примерно соответствует русскому 'стар-ик'.

Другим примером атрибутивного комплекса, в котором слово, ведущее грамматически, является совершенно несущественным с лексической точки зрения, являются комплексы со словом *one*: *that one, little one* и т. п. Слово *one* в этих комплексах — это почти оболочка существительного; оно вообще лишено какого-либо определенного конкретного содержания. Конкретное содержание в этом случае вносится прилагательным или местоимением, которые сочетаются с *one*. Таким образом, слово *one* в английском языке имеет по существу служебный характер и как слово служебное не явля-

ется членом предложения. В качестве одного члена предложения выступает весь комплекс в целом: «полнозначное слово (прилагательное, местоимение) + one». По существу получается такое сочетание главного слова со служебным, в котором служебное слово (one) с точки зрения синтаксической структуры является ведущим. Сохраняется лишь видимость атрибутивного комплекса. Возможность образования таких формальных атрибутивных комплексов есть особенность английского языка.

В английском языке имеются такие формальные атрибутивные комплексы, в которых служебным словом является грамматически зависимое слово (определяющее), например, артикль в сочетании существительного с артиклем: a dog, the day и т. п. Артикль не является полнозначным словом; это слово служебное. Следовательно, в данном случае мы опять имеем лишь видимость атрибутивного комплекса, т. е. комплекс по внешнему виду, но не по существу.

Неразличение грамматического и лексического планов при определении ведущего и зависимого слова в атрибутивном комплексе может привести к недоразумениям. Так, например, вызывают споры случаи типа a cup of tea *чашка чаю*. Одни считают главным словом в таких сочетаниях a cup, а другие — tea. Правы здесь и те и другие, так как рассматривают этот вопрос с разных сторон. С грамматической точки зрения основным является cup, в лексическом же отношении главным является tea.

Всегда необходимо учитывать эти две стороны — сторону грамматическую и сторону лексическую — и не смешивать их.

То обстоятельство, что грамматические и лексические отношения могут вступать в противоречие, не случайно. Оно связано с длительностью процесса развития языка и является свидетельством противоречивости, диалектичности его развития.

§ 95. Третий тип связи — этосвязь дополнительная, или комплетивная*. Эта связь наиболее характерна для дополнения и обстоятельства. Она занимает промежуточное положение между предикативной и атрибутивной связями, являясь

* Термин «дополнительная» менее удобен, так как наводит на мысль о дополнении, тогда как эта связь характерна не только для дополнения.

между *looked out* и *sunlit square* или, вернее, между *looked out* и *square* и (3) связь между *sunlit* и *square*.

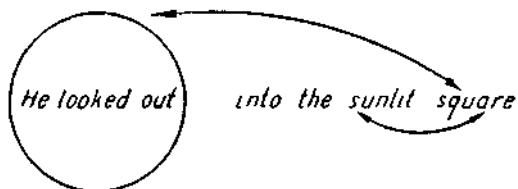
Связь между *he* и *looked out* предикативная: она создает предложение. Другие два типа связи (примеры 2 и 3) не дают оформления предложению, являются менее живыми и воспринимаются как менее существенные для строения предложения.

Сравнительно с предикативной связью, объединяющей два главных члена предложения (член, в котором выражается предикация, и член, по отношению к которому эта предикация определяется), оба эти типа связи можно обозначить как связи относительно второстепенные. Во втором примере есть главный член, выражающий предикацию (*looked out*), но нет того члена, по отношению к которому определяется предикация. В третьем примере нет ни одного главного члена, нет даже члена, выражающего предикацию. Таким образом, оба эти типа связи противостоят предикативной, как связи, относительно второстепенные; этот момент и объединяет их. Однако при более глубоком анализе мы видим, что связи эти различаются степенью объединенности компонентов в том и в другом случае. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что *sunlit square* воспринимается как нечто более компактное, тогда как *looked out into the sunlit square* представляется более расчлененным. Таково наше непосредственное восприятие связи между словами в том и другом случае. Но одного непосредственного восприятия недостаточно. Непосредственное восприятие может быть лишь следствием какого-то существенного различия в языке. Раскрыть это различие может лишь анализ конкретных языковых фактов. Ориентироваться только на восприятие значило бы впасть в психологизм. Необходимо показать, чем это восприятие вызвано, как оно соответствует фактам языка.

Рассматривая связь между словами в словосочетании *sunlit square*, мы замечаем, что вместо *sunlit* можно поставить какое-либо другое определение, например, *moonlit*, *starlit*, *large* и др. Так получается ряд, включающий обозначение данного предмета с выделением определенных признаков. Признаки эти могут быть менее постоянны (*moonlit*, *starlit*) или более постоянны (*large* и т. п.), но во всех случаях это будут признаки предмета, тесно с ним связанные, поскольку в реальной действительности признак вообще помимо предмета не существует.

В отличие от этого, в словосочетании *looked out into the sunlit square* — *into the square* не есть обозначение определенного признака «смотрения». Внутренней связи между самими явлениями в данном случае нет. Здесь мы имеем связь между процессом и предметом, внешним по отношению к этому процессу, не имеющим к нему непосредственного отношения в самой реальной действительности.

Другим обстоятельством, показывающим, почему у нас создается разное восприятие степени связи между словами *sunlit* и *square*, с одной стороны, и *looked out* и *into the (sunlit) square* — с другой, является следующее. Комплекс *sunlit square* связан со всей остальной частью предложения через элемент *square*. Мы не можем опустить *square* и сказать *he looked out into the sunlit*. Связь между словами в этом случае можно изобразить следующим образом:

He looked out связано с *sunlit* лишь постольку, поскольку *square* этим *sunlit* определено. Глагол связывается непосредственно со *square*. *Sunlit* служит, таким образом, не для развития всего предложения в целом, а для развития отдельного его члена — *square*. Связь между *sunlit* и *square* — это связь атрибутивная, при которой слова образуют тесный комплекс и входят в предложение как целое.

Связь между *looked out* и *square* иного характера. Независимо от того, как понять *into the square* — как дополнение или как обстоятельство места, — мы имеем один и тот же тип связи*. Это тот тип связи, которую мы назвали компле-тивной.

* Различие между дополнением и обстоятельством не в типе связи, а в самом содержании связи.

Возьмем другие примеры:

2. Yesterday he left that town *Вчера он уехал из этого города.*

В he left мы имеем предикативную связь подлежащего со сказуемым. Противоположный тип связи — атрибутивную связь — мы видим в комплексе that town. Вместо этого комплекса можно было бы употребить одно слово — название города. Yesterday вводится в предложение с помощью комплетивной связи. Yesterday по отношению к left является определенным добавлением, уточнением. Это обстоятельство времени. В left the town также связь комплетивная.

3. He saw a black dog there *Он увидел черную собаку там.*

Наиболее тесно объединенными друг с другом словами являются слова black и dog. Словосочетание black dog входит в структуру предложения как целое, как один член предложения. В этом комплексе одно слово (black) так подчинено другому (dog), что в предложении оно почти не имеет самостоятельного значения. Структура предложения не изменится, если этот комплекс заменить одним словом. Такой комплекс, как было отмечено, стоит на грани сложного слова.

В saw a black dog и saw there мы имеем связь следующей ступени—комплетивную. Saw a dog не является комплексом, как и saw there, т. е. слова dog и there входят в предложение как самостоятельные единицы*.

Являясь связью более свободной, чем атрибутивная, комплетивная связь вместе с тем не создает предложения. Также как и в случае с атрибутивной связью, предложение останется предложением даже если слова, вводимые этой связью, опустить.

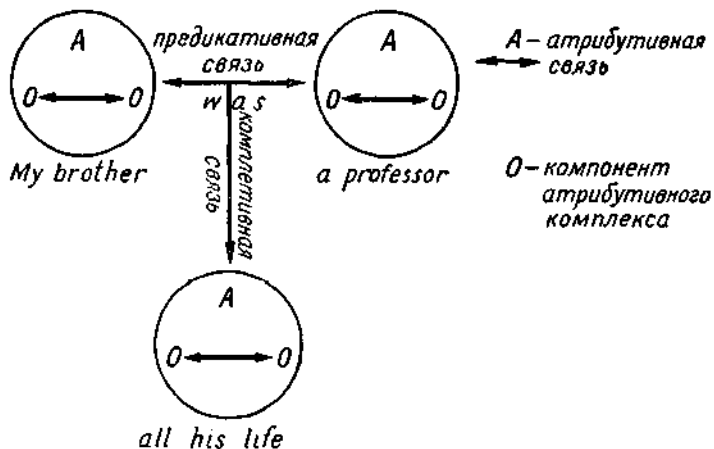
Третью ступень связи, когда отсутствие одного из компонентов разрушает предложение, мы имеем в he saw. Это предикативная связь.

4. My brother was a professor all his life *Мой брат был «профессором» всю свою жизнь**.*

* Важно отметить, что, в отличие от dog, there не связано с одним определенным словом предложения; оно, с одной стороны, относится к saw, а с другой — к dog. Оно может относиться и к подлежащему, т. е. there скорее относится ко всему предложению в целом, как вообще все обстоятельство. Оно развивает все предложение, добавляется ко всему предложению, а не к отдельным его членам.

** Слово 'профессором' понимается здесь, конечно, в переносном смысле.

Взаимоотношение между различными типами связи в этом предложении можно графически изобразить следующим образом:

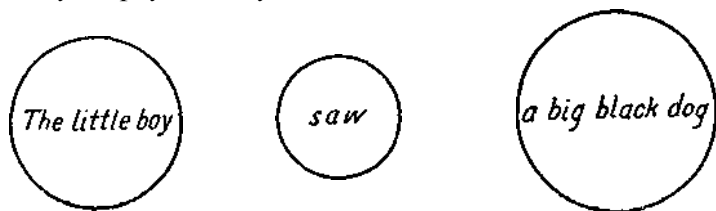

Предложение создается с установлением предикативной связи. Комплетивная связь лишь распространяет предложение, но не создает его. Атрибутивная же связь меняет не строение предложения, а строение отдельных его элементов.

Ср.: The boy saw a dog *Мальчик увидел собаку.*

и The little boy saw a big black dog *Маленький мальчик увидел большую черную собаку.*

С присоединением слов посредством атрибутивной связи предложение растет не извне, а изнутри; усложняются составляющие его элементы.

§ 96. Помимо рассмотренных трех типов связи между словами, в предложении можно выделить еще один тип связи — связь между однородными членами, например: *a table and a chair стол и стул*; *He walked to the window and opened it Он подошел к окну и открыл его*. Эта связь выделяется довольно легко. Характерным для нее является параллельное включение в предложение двух, трех и более слов, стоящих в равных отношениях к остальной части предложения. Этот тип связи можно назвать копулятивной (от *лат. copula связь, союз*). Такая связь для предложения мало существенна. С помощью этой связи можно включать новые и новые члены без изменения сути предложения. Копулятивная связь, подобно атрибутивной, не развивает предложения в целом, а развивает лишь отдельные его члены.

§ 97. Таким образом, существует четыре основных типа связи слов в предложении:

1. Предикативная связь — связь между главными членами предложения.

2. Атрибутивная связь — связь между ведущими и зависимыми членами в пределах одного комплекса.

3. Очень широкая и гибкая комплетивная связь самостоятельных второстепенных членов предложения с главными членами или с другими самостоятельными второстепенными членами.

4. Копулятивная связь между однородными членами предложения.

4. СОДЕРЖАНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ СЛОВАМИ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 98. Как мы уже говорили, наряду с различными типами связи, в зависимости от степени спаянности объединяемых слов следует различать содержание связи, т. е. содержание отношения между словами, вступающими в связь. Отношения эти отражают отношения реальной действительности. Это могут быть отношения процессные — между процессом и

совершающим его предметом; предметные (или объектные) — между предметом и процессом или между двумя предметами; квалификативные — между признаком и определяемым предметом или процессом; обстоятельственные — между обстановкой, в которой протекает процесс или находится предмет, и процессом или предметом.

Важно отметить, что хотя выделенные выше (см. § 97) типы связи являются наиболее приспособленными для передачи определенных по содержанию отношений (например, для атрибутивной связи наиболее типичным является квалификативное содержание, для комплетивной связи характерно объектное, а также обстоятельственное содержание), все же между теми и другими нет прямого соответствия. Одни и те же реальные отношения могут оформляться с помощью различных видов связи. И, наоборот, один и тот же тип связи может передавать различные по конкретному содержанию отношения. Так, например, квалификативные отношения могут выражаться с помощью предикативной связи: *He is old*; с помощью атрибутивной связи: *an old man* и с помощью комплетивной связи: *He accepted the gift thankfully* *Он принял дар с благодарностью*. О том, что в последнем случае *thankfully* связано с глаголом скорее комплетивной, чем атрибутивной зависимостью, говорит уже само выделение этого слова в конце предложения. Находясь в положении после глагола, *thankfully* оказывается объединенным с ним менее тесной связью, чем в положении перед глаголом; ср. *He thankfully accepted the gift*, где *thankfully* и *accepted* объединены атрибутивной связью, и все сочетание *thankfully accepted* выступает как нечто цельное.

Примечание. Можно заметить, что в английском языке существует тесная взаимозависимость лексики и грамматики в вопросе выбора связи между словами. Так, например, некоторые глаголы в силу самого своего лексического значения могут сочетаться с одними определениями и в атрибутивной и в комплетивной связи, а с другими только в атрибутивной. Например, глагол *speak* может быть связан с таким определением как *slowly* и комплетивно: *He spoke slowly*, и атрибутивно: *He slowly spoke*, а с определением *well* только комплетивно: *He speaks well* (нельзя сказать: **He well speaks*). Глаголы же с другим лексическим значением, например, *remember*, *deserve*, могут вступать в атрибутивную связь и с *well*: *I well remember*; *You well deserve*.

Подобно квалификативным отношениям, процессные отношения (отношения процесса и предмета) могут быть также

выражены в форме различной связи: ср. He walks *Он идет* и I saw him walk *Я видел, как он шел*.

Одно и то же по содержанию отношение (отношение процесса ходьбы к предмету) в первом случае оформлено предикативной связью, т. е. связью, объединяющей главные члены предложения, а во втором — комплетивной связью, с помощью которой вводятся второстепенные члены предложения.

С другой стороны, мы уже видели, что синтаксическая связь подлежащего и сказуемого — предикативная связь — может охватывать самые разнообразные отношения:

1) Квалификативные — обозначаемое сказуемым квалифицирует субъект: He is old *Он стар*.

2) Процессные — сказуемое обозначает процесс, который производит (или испытывает) субъект: He arrived *Он прибыл*.

3) Объектные (отношения между предметами) — сказуемое указывает на отношение субъекта к объекту: I have many friends *У меня много друзей*; The book consists of five chapters *В этой книге пять глав*.

4) обстоятельственные — сказуемое указывает на отношение субъекта к определенным обстоятельствам: He is here *Он здесь*.

Кроме того, могут быть различные смешанные варианты как, например, в предложении The moon rose red *Луна взошла «красной»*, где в форме предикативной связи выражаются одновременно и процессные и квалификативные отношения.

Таким образом, предикативная связь может выражать следующие отношения: 1) квалификативные; 2) процессные; 3) предметные; 4) обстоятельственные. При этом во всех случаях речь будет идти о выражении данных отношений к предмету, так как подлежащее обычно обозначает предмет.

В форме комплетивной связи также могут выступать различные по содержанию отношения. Рассмотрим следующие примеры.

1. а) I am reading a book *Я читаю книгу*.

В противоположность случаям с объектным сказуемым, содержание существительного a book в данном примере не составляет части содержания сказуемого, но выделяется особо, хотя это существительное и входит в группу сказуемого. (Подробнее см. ниже в разделе о дополнении, § 100.)

По типу связь между словами *book* и *reading* комплетивная; по содержанию же — это связь предмета с процессом. Предмет этот в данном случае выступает как объект процесса.

б) *The letter was read by him* *Письмо было прочтено им.*

Как и в первом примере, в этом предложении к процессному сказуемому (*was read*) имеется определенное добавление (*by him*), которое находится с ним также в комплетивной связи. Связь эта в данном случае также выражает отношение между предметом и процессом, но предмет этот является здесь уже не предметом, на который переходит действие, а источником самого действия (дейтелем).

в) *The letter was written with a pencil* *Письмо было написано карандашом.*

В данном случае комплетивная связь между *with a pencil* и глаголом *was written* выражает также отношения между предметом и процессом; но здесь предмет выступает уже в качестве орудия действия. Во всех разобранных примерах комплетивная связь по содержанию является предметно-процессной. Но в каждом случае выступает определенная разновидность предметно-процессных отношений: отношение между процессом и объектом действия, отношение между процессом и источником действия (дейтелем) и отношение между процессом и второстепенными объектами действия.

2. *He was writing at the table* *Он писал за столом.*

В данном случае в форме комплетивной связи выражены обстоятельственные отношения. *At the table* — это то, что мы называем обстоятельством, т. е. обозначение того условия, при котором происходит процесс, обозначение того, что часто определяется как пассивная обстановка.

3. *I am glad to see him* *Я рад видеть его.*

Между *am glad* и *to see him* также связь комплетивная. Можно сказать просто *I am glad*. *To see him* является определенным добавлением к *I am glad*, которое может мыслиться и отдельно. Содержание же отношений здесь своеобразное. Это содержание можно назвать изъяснительным (ср. *русск.* 'Доклад о международном положении', где 'о' имеет изъяснительный характер). *To see him* разъясняет («изъясняет») причину радости, показывает, по поводу чего радуется данное лицо. Таким образом, это случай изъяснения, когда поясняется то, что дано уже предварительно в общей форме.

4. I found him reading a book *Я застал его читающим книгу.* Помимо слова him, обозначающего объект действия и стоящего в комплетивной связи с found, здесь есть еще добавление — reading a book. Reading a book обозначает не признак, неразрывно связанный с предметом, а процесс, совершаемый этим предметом (him). Здесь в форме комплетивной связи выражена мысль о процессе. Те же примерно отношения могут быть выражены с помощью инфинитива: I saw him run. По содержанию здесь отношения те же, что отношения между подлежащим и сказуемым в He runs. Run обозначает процесс, совершаемый лицом, обозначенным с помощью him. Но him и run тесно связаны друг с другом, отличаясь от свободной и живой предикативной связи He runs. В him run отношения, по содержанию равные отношениям субъекта и предиката, выражены в форме связи комплетивной, а не предикативной. I saw him существует самостоятельно, само по себе, а run вводится дополнительно.

I	/	saw	/	him	/	run
пред.		компл.		компл.		

Таким образом, как и reading в вышеприведенном примере, run обозначает не объект, не признак, а процесс и вводится в предложение с помощью комплетивной связи. Различие между этими двумя случаями в том, что в примере I saw him reading a book все же имеется некоторый оттенок квалификации, так что там можно говорить о процессной связи с оттенком квалификации. В случае же с инфинитивом процесс дан в чистом виде. Однако и в том и в другом случае мы имеем процессные отношения, выраженные в форме комплетивной связи.

5. I consider it useful *Я считаю это полезным.*

В этом примере в форме комплетивной связи, объединяющей it и useful, выражаются отношения квалификативные. Отношения между it и useful по содержанию примерно равны отношениям в It is useful *Это полезно.* В случае I consider it to be useful оттенок значения несколько иной, чем в I consider it useful. По своему содержанию отношение здесь еще больше напоминает предикативные отношения. I consider it useful более компактно, менее живо.

Таким образом, комплетивная связь может выражать самые различные по содержанию отношения:

1. Предметные* (предметно-процессные):

а) отношения между объектом действия и процессом: I am reading a book *Я читаю книгу*;

б) отношения между деятелем и процессом: The book was read by him *Книга была прочитана им*;

в) отношения между второстепенным объектом действия и процессом: The letter was written with the pencil *Письмо было написано карандашом*.

2. Обстоятельственные (отношения между обстановкой, в которой процесс протекает, и процессом):

I am writing at the table *Я пишу за столом*.

3. Изъяснительные:

I am glad to see you *Рад видеть вас*.

4. Процессные (процессно-предметные):

I saw him run *Я видел, как он бежал*; I saw him reading *Я видел, как он читал*.

5. Квалификативные:

I consider it useful *Я считаю это полезным*.

Мы видим, что в комплетивной связи в общем повторяются те же отношения, что и в предикативной связи. Поэтому во избежание путаницы при определении членов предложения очень важно различать тип связи между членами предложения и ее содержание.

Сходные по содержанию отношения могут выражаться и в форме атрибутивной связи.

1. A black dog *черная собака*. В форме атрибутивной связи выражаются квалификативные отношения.

2. His singing *его пение*. His дано здесь как определение к singing. His singing выступает как нечто цельное. Это атрибутивная связь. Но his по своему содержанию указывает на производителя действия. Таким образом, по содержанию отношения здесь такие же, как и в He sings между he и sings и в They heard him sing *Они слышали, как он пел* между him и sing, где они выражены соответственно в форме предикативной и комплетивной связи.

3. His portrait *Его портрет*. Содержание здесь может быть разным, в зависимости от того, как понимать это словосо-

* Содержание отношений определяется исходя из подчиненного слова, т. е. того слова, которое присоединяется к основному слову.

четание. Оно может быть понято или как Genitivus Subjectivus или как Genitivus Objectivus. Если его понимать как Genitivus Subjectivus, т. е. если оно означает *Он нарисовал портрет*, то здесь выражается процессное отношение, как в *his singing*. Если это словосочетание понимать как Genitivus Objectivus, т. е. в значении *его изображение* (*He was painted*), то здесь выражается предметно-процессное отношение. Если же речь идет о принадлежности, то имеются в виду отношения между двумя предметами. При этом во всех случаях связь здесь атрибутивная.

Однако в тех случаях, когда выражаются отношения не квалификативные, а иные, атрибутивная связь ослабевает. Атрибутивная связь может проявиться в полной мере только в том случае, если она оформляет отношения, квалификации. Остальные отношения входят в атрибутивную связь с трудом и почти разрывают ее. Получается противоречие между формой и содержанием связи. Содержание квалификации, обозначенное в признаке, оказывается особенно характерным для атрибутивной связи, ибо в самой действительности признак и его носитель неотделимы. Ср.: а) *a silk dress шелковое платье* и б) *a dress of silk платье из шелка*.

а) Если считать, что *silk* является здесь прилагательным (см. «Лексикологию английского языка», § 133), то это, естественно, будет тесное атрибутивное сочетание, где форма соответствует содержанию: атрибутивная связь и квалификативное содержание.

б) Во втором случае также дается определенная квалификация предмета. Но она выражается как отношение между предметами, чему соответствует и словоформа *silk*, не теряющая здесь своей предметности. Эти выражения почти синонимичны. Но атрибутивная связь, выраженная как связь между предметами, настолько ослабляется, что почти переходит в комплетивную связь, а квалификация — в объектное отношение.

§ 99. Как указывалось выше, определение формы связи и содержания выражаемых посредством этой связи отношений, является основным моментом при выделении второстепенных членов предложения.

При этом важно отметить, что рассмотрение содержания отношений, выражаемых с помощью второстепенных связей,

должно отличаться от рассмотрения содержания предикативной связи.

В последнем случае мы могли ограничиться одноплановой классификацией, определением содержания лишь того члена, который присоединяется с помощью предикативной связи. Это связано с тем, что при классификации сказуемого во всех случаях речь идет об отношении к предмету, так как подлежащее обычно обозначает предмет. В отношении же других членов предложения наши выводы будут неполными, если не указать, к чему относится данный член предложения, так как, например, квалификация может относиться во второстепенных членах предложения и к квалификации, и к предмету, и к процессу.

Приводимая ниже схема дает возможность определить двусторонние отношения, выражаемые посредством того или иного типа связи: предикативной, комплетивной, атрибутивной.

<div style="text-align: center;"> Зависимый член \ Главный член </div>	Квалификация	Процесс	Предмет	Обстоятельство
Квалификация	1	5	9	13
Процесс	2	6	10	14
Предмет	3	7	11	15
Обстоятельство	4	8	12	16

Таким образом, возможны до 16 различных комбинаций. Некоторые из соединений могут быть нетипичными для данного языка, другие типичны и постоянно фигурируют в нем. Определим по схеме содержание отношений между следующими словами:

а) *Very good очень хороший*. В данном случае речь идет о признаке признака, т. е. это квалификативно-квалификативные отношения. В нашей схеме данное словосочетание должно занять, следовательно, первую клетку.

б) *To walk slowly идти медленно*. Квалификация относится к процессу; здесь квалификативно-процессные отношения. В схеме это словосочетание должно занять вторую клетку.

в) Black dog *черная собака*. Квалифицируется предмет, следовательно, мы имеем отношения квалифицитивно-предметные. В схеме данное словосочетание займет третью клетку.

Анализируя содержание отношений между членами предложения, необходимо принимать во внимание различия, которые привносятся тем, какой из двух членов является ведущим и какой зависимым, подчиненным, т. е. важно определить ведущий и зависимый член. При каждом из возможных отношений положение здесь может быть разным. Так, например, при отношении «предмет — процесс» в одних случаях ведущим может быть процесс, в других — предмет.

а) The doctor's coming *приход доктора*.

/ \
предмет процесс

Здесь глагольная форма (coming) является ведущей, от нее зависит doctor's, а, тем самым, предмет оказывается в зависимости от процесса.

б) I saw the boy running *Я видел мальчика бегущим*.

В данном случае мы имеем те же предметно-процессные отношения, но ведущим словом здесь является (the) boy, а подчиненным — running, т. е. процесс здесь является подчиненным, а предмет — ведущим.

При предикативной связи, хотя оба члена главные (The boy ran), подлежащее является до некоторой степени более главным, чем сказуемое.

Таким образом, выделяя второстепенные члены предложения, нужно прежде всего определить следующие моменты: (1) тип связи (предикативная, атрибутивная и т. д.); (2) характер отношений между членами (что с чем соотносится, т. е. идет ли речь об отношении признака и предмета, признака и признака, предмета и процесса и т. д.); (3) Какой член является ведущим и какой зависимым.

Традиционные члены предложения являются наиболее типичными выборками из пестрого сочетания различных типов связей и отношений.

Так, для определения типичным являются различные виды квалифицитивных отношений (квалифицитивно-предметные, квалифицитивно-процессные, квалифицитивно-квалифицитивные), выраженные в форме атрибутивной связи.

В случае с дополнением мы имеем предметно-процессные отношения при подчиненном предмете, выраженные в форме комплетивной связи.

Для обстоятельства характерными являются обстоятельственные отношения и комплетивная связь.

Но этими определениями ограничиться нельзя. Это лишь наиболее типичные случаи, и в действительности возможны самые разнообразные отступления от них. Так, например, определение может быть обособленным. В этом случае квалификативные отношения выражаются не в форме атрибутивной связи, а в форме связи более свободной — комплетивной. Так, в следующем причастном обороте: *I saw the boy running* мы имеем такое нарушение типичного соотношения. Квалификативные отношения осложнены здесь процессным характером определения и выражены в форме более свободной по сравнению с атрибутивной связи.

Наша задача сейчас состоит в том, чтобы выделить наиболее типичные случаи и рассмотреть их точки соприкосновения с другими, менее типичными случаями.

Представляется целесообразным начать с дополнения.

Глава VII

ДОПОЛНЕНИЕ

1. СУЩЕСТВО ДОПОЛНЕНИЯ

§ 100. Согласно традиционной точке зрения дополнение — это слово в составе предложения, которое обозначает предмет, на который направлено действие. Признак, из которого это определение исходит (обозначение предмета, подчиненного процессу), не является основным признаком дополнения: ведь и подлежащее может обозначать предмет, на который действие направлено (в пассивной конструкции), как, например, в *The bear was killed by the hunter* *Медведь был убит охотником*, где отражается тот же самый объективный факт, что и в предложении *The hunter killed the bear* *Охотник убил медведя*, но слово *bear*, тем не менее, является в нем не дополнением, а подлежащим.

Обозначение предмета, на который направлено действие, является типичным для дополнения (*He bought a chair* *Он купил стул*; *He read a book* *Он читал книгу*; *He wrote a letter* *Он написал письмо* и т. п.), но вовсе не обязательным. Дополнение может не обозначать объекта действия; так, в пассивном обороте дополнение с предлогом *by* обозначает деятеля.

Таким образом, исходить из вышеприведенного определения дополнения нельзя. Дополнение и обозначение объекта процесса не одно и то же, их нельзя приравнивать друг к другу. Дополнение — слово зависящее. Дополнением бывает имя существительное или субстантивная форма местоимения или глагола.

Очень существенным для дополнения моментом является его предметный характер. Дополнение — это слово в предложе-

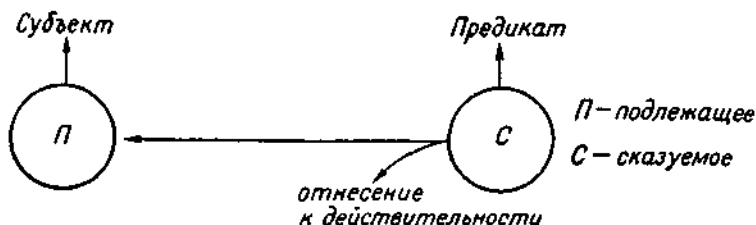
нии, которое обозначает некоторый предмет. В этом отношении дополнение сближается с подлежащим: как и в случае с подлежащим, то, что обозначается дополнением, мыслится как предмет.

Но, в отличие от подлежащего, дополнение обозначает предмет не главный в данной ситуации, а второстепенный.

Подлежащее — активное или пассивное — является центральным словом в предложении; это главный член предложения. Дополнение же в английском языке, как и в русском, — один из второстепенных членов.

Почему это так? Почему дополнение, в отличие от подлежащего, нельзя отнести к главным членам предложения?

Подлежащее в предложении связано со сказуемым. Сказуемое же, помимо обозначения предиката и указания на субъект, выражает предикативность, т. е. отношение к действительности. Поэтому, как уже отмечалось, связь подлежащего со сказуемым носит особый характер: это связь предикативная, связь создающая само предложение. Графически отношение подлежащего и сказуемого можно представить с помощью следующей схемы:

Стрелки, направленные вверх, показывают, что подлежащее и сказуемое обозначают соответственно субъект и предикат. Стрелка, направленная книзу, показывает, что, кроме связи с субъектом, сказуемое выражает отношение к действительности. При некотором упрощении схема эта примет такой вид:

Таким образом, связь подлежащего и сказуемого всегда соединена с выражением предикативности.

В отличие от подлежащего, дополнение присоединяется к слову без указания на отношение к действительности. Дополнение вводится с помощью комплетивной, а не предикативной связи.

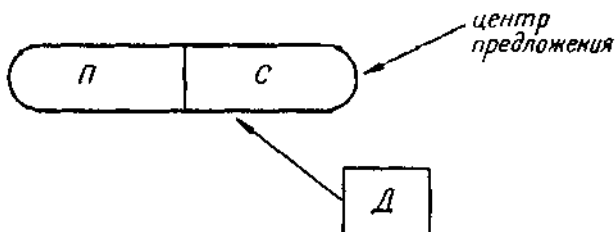
Графически связь дополнения с тем словом, к которому оно относится, можно представить следующим образом:

Указания на предикативность нет.

Предикативность связана только с отнесением к подлежащему, поэтому при выражении дополнения предикативности нет*.

Подлежащее и сказуемое составляют основное предикативное ядро, фундамент предложения, его конструктивный центр. Дополнение же не входит в основной конструктивный центр предложения, а лишь дополнительно присоединяется к этому центру.

• В тех случаях, когда дополнение относится к сказуемому, выражение предикативности также соединяется с подлежащим, а не с дополнением: ср. Не saw a dog Он увидел собаку и to see a dog увидеть собаку. Связь между saw и a dog такая же, как и между to see и a dog. Выражение предикативности в первом случае связано с отношениями между сказуемым и подлежащим, а не между сказуемым и дополнением. Предложение создается соотношением подлежащего и сказуемого, а дополнение присоединяется к этому соотношению.

Дополнение не связано с самой конституцией предложения; поэтому оно и не является главным членом предложения. Дополнение может встречаться и в отдельном словосочетании: ср. to buy books *покупать книги*, reading books *чтение книг* и т. д.; подлежащее же всегда связано с предложением. Подлежащее и сказуемое всегда соотносительны. У дополнения же такого соотносительного члена нет; оно может зависеть от разных членов предложения.

Являясь обозначением предмета, дополнение обычно выражается именем существительным или субстантивной формой мгстоимения. Тем самым оно резко отделяется от определения, выраженного прилагательным, и от обстоятельства, выраженного наречием. Однако не всякое обозначение предмета с помощью существительного является дополнением. Так, например, в предложении: He lived in that house *Он жил в том доме* in that house является скорее обстоятельством, чем дополнением. Это объективно отражено в языке в том характере вопроса, который мы здесь поставим. Мы скажем Where did he live? *Где он жил?*, а не What did he live in? *В чем он жил?*, как бы мы сказали, имея в виду дополнение. Это показывает, что мы мыслив данный член предложения не как обозначение предмета, а как обозначение обстоятельства места.

Точно также в предложении I addressed myself to a man behind the counter *Я обратился к человеку за прилавком* нас интересует не прилавок (counter) сам по себе как определенный предмет, а то, к какому человеку данное лицо обратилось, и тем самым behind the counter, соответственно, является в данном предложении не дополнением, а определением. Таким образом, слово, обозначающее предмет, может быть в предложении не только дополнением, но и обстоятельством и определением. Мы выделяем предмет как таковой и определяем обозначение его как дополнение только тогда, когда этот предмет рассматривается (выступает) как связанный с осуществлением данного действия. Дополнение — обозначение предмета, который принимает известное участие в процессе, — находится с обозначенным в предложении процессом в том или ином взаимоотношении.

Наблюдая связь дополнения с другими членами предложения, мы видим, что нельзя установить точно того члена

предложения, к которому оно постоянно относится. Дополнение не связано обязательно со сказуемым. Оно может относиться к различным членам предложения. Дополнение может быть связано с инфинитивом, причастием, герундием, которые сказуемым быть не могут. Так, в предложении *To see them was a great pleasure Видеть их было большим удовольствием* дополнение относится к инфинитиву, который в предложении является подлежащим. В примере *I found him writing a letter Я застал его пишущим письмо* дополнение относится к причастию.

Как мы видим, дополнение не соотносительно с каким-то одним членом предложения. Дополнение относится не к сказуемому, а к глаголу; оно связывается со словом, которое по своей семантике является обозначением процесса, т. е. дополнение соотносится с каким-либо членом предложения в силу процессного характера этого члена. Это может быть и определение, и дополнение, и подлежащее, но поскольку сказуемое чаще всего обозначает процесс, то дополнение часто оказывается связанным со сказуемым. Получается впечатление, что дополнение относится к сказуемому как таковому, а не к глаголу.

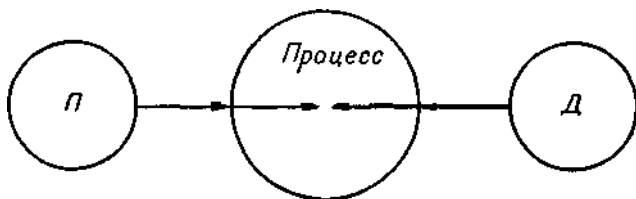
Если дополнение связано со сказуемым, то при наличии подлежащего получается, что к сказуемому устанавливается отношение с двух сторон: со стороны дополнения и со стороны подлежащего. Поскольку и дополнение и подлежащее обозначают предмет, то возникает сопоставление двух предметов, участвующих в процессе. В предложении возникает связь между двумя предметами, которая идет через процесс:

При этом в активной конструкции подлежащее обозначает источник действия (деятеля), а дополнение — объект действия; в пассивной конструкции — наоборот. В ряде языков участие

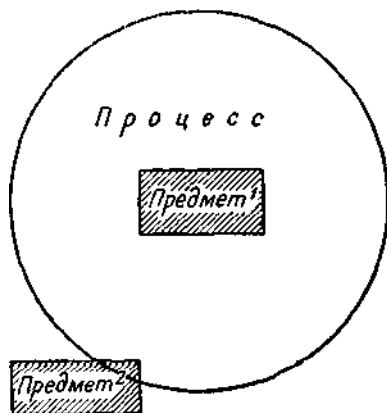
обоих предметов в процессе выражается в самой форме сказуемого. Сказуемое содержит в себе указание и на подлежащее и на дополнение; оно как бы согласуется с ними. В таких случаях дополнение выступает как главный член предложения; можно говорить о трех главных членах предложения: подлежащее, сказуемое и дополнение.

В английском языке это не так. Как было указано, дополнение здесь является второстепенным членом предложения. Однако подлежащее и дополнение как бы сталкиваются друг с другом через сказуемое и посредством сказуемого вступают в определенные взаимоотношения. Дополнение оказывается определенным образом соотношенным не только со сказуемым, но и с подлежащим. Через процесс в сказуемом устанавливается определенная связь между подлежащим и дополнением; например: *He bought a book Он купил книгу*. Здесь имеется не только связь между подлежащим и сказуемым и дополнением и сказуемым, но и между дополнением и подлежащим. 'He' вступает в известное отношение с *a book*, поскольку в предложении указывается, в каком отношении находится *he* и *a book*. Это взаимоотношение выражается словом *bought*. Взаимоотношение это не непосредственное, но семантически эта связь является очень существенной. Взаимоотношение это графически можно изобразить следующий образом:

Итак, дополнение, с одной стороны, соотносится с подлежащим, а с другой, — со словом, обозначающим процесс (глаголом). Поэтому традиционный разбор предложения, при котором дополнение просто привязывается к сказуемому, представляется неверным.

Отношение, возникающее таким образом в предложении, обозначает следующее реальное отношение между предметами и процессом:

Отношения между первым предметом (обозначенным подлежащим) и вторым предметом (обозначенным дополнением) создаются на базе процесса (обозначенного глаголом); при этом первый предмет полностью охватывается глаголом, а второй стоит на периферии процесса, хотя и один и другой находятся в пределах процесса. Когда возникает такое сопоставление между двумя предметами, кажется, что глагол служит только для выражения связи дополнения и подлежащего и что в этом состоит основное назначение глагола. Тем самым затемняется основная роль глагола в выражении предикации.

При сопоставлении дополнения и подлежащего могут быть два случая:

1. Подлежащее сопоставляется с дополнением, которое стоит вне сказуемого, так как глагол-сказуемое имеет самостоятельное и полное значение. Так, в вышеприведенном примере *He bought a book* слово *a book* не входит в состав сказуемого, а является дополнением к глаголу. Но поскольку этот глагол является сказуемым, то дополнение через него относится к подлежащему. Глагол показывает взаимоотношение между двумя предметами: *he* и *a book*.

2. Иное положение мы имеем, когда глагол-сказуемое по своему содержанию неполно, бледно. В этом случае основное внимание сосредоточивается на дополнении, и мы получаем так называемое «объектное сказуемое»; например: *He has*

a book *У него есть книга*. Здесь has не указывает ни на какой реальный процесс, а лишь осуществляет связь между подлежащим и дополнением. Поэтому в этом случае нельзя сказать, что сказуемое ограничивается глаголом, так как глагол этот, выражающий предикацию, не имеет достаточного содержания. Содержание предикации заключается в a book. Поэтому в этом случае a book включается в состав сказуемого; a book является неотъемлемой частью сказуемого, сказуемое без него бессмысленно.

Мы видим, что о дополнении можно говорить в том случае, когда сказуемое процессное, т. е. когда слово, обозначающее зависимый предмет, находится вне сказуемого. В противном же случае это слово становится составной частью сказуемого, и речь уже будет идти не о сказуемом и дополнении, а об объектном сказуемом.

Таким образом, мы можем сказать, что дополнение — это второстепенный член предложения, обозначающий предмет, участвующий в процессе, причем это обозначение не связывается с выражением предикации.

Следовательно, для дополнения характерны следующие моменты: (1) предметность; (2) участие в процессе; (3) отсутствие предикативности.

Мы видим, что конкретное рассмотрение характера дополнения привело к определению, которое полностью совпадает с той характеристикой дополнения, которая была дана в начале этого раздела, где было сказано, что для дополнения характерны предметно-процессные отношения (при зависимости предмета), выраженные посредством комплетивной связи.

Примечание. В отношении типа связи дополнения с глаголом необходимо отметить, что здесь могут наблюдаться и более тесные комплексы: связь по своей плотности может приближаться к атрибутивной.

Это имеет место в тех случаях, когда дополнение становится обязательным сопроводителем того слова, с которым оно связывается. Сюда относятся, например, некоторые сочетания с глаголом take. Так, в частности, сочетание to take a medicine *принимать лекарство* не то же самое, что to take a book *взять книгу*. Глагол take в значении *принимать* сочетается лишь с ограниченным количеством синонимических слов: drug, powder, pills. Однако здесь мы не имеем еще тесного комплекса, называемого фразеологической единицей, поскольку слова можно до некоторой степени заменять, хотя сочетание to take a medicine и близко к нему. Но уже в сочетании take care *заботиться* слово care вообще нельзя

заменить, а тем самым связь между компонентами здесь еще плотнее; она приближается по своей плотности к атрибутивной связи, а само словосочетание выступает в качестве фразеологической единицы. (О критериях выделения фразеологических единиц см. «Лексикологию английского языка», главу VI.)

2. ТИПЫ ДОПОЛНЕНИЯ

§ 101. Обычно дополнение подразделяется на три типа: прямое дополнение, косвенное дополнение и предложное дополнение. Иногда предложное дополнение рассматривается как частный случай косвенного дополнения.

Говоря о прямом дополнении, обычно имеют в виду два различных момента:

1. То, что обозначаемый дополнением предмет является тем предметом, на который непосредственно направлено действие.

2. То, что этот предмет обозначен словоформой винительного падежа без предлога (в таких языках, как русский) или словоформой общего падежа существительного и словоформой объектного падежа местоимения также без предлога (в английском языке).

Такая двойственность определения ведет к известным трудностям, поскольку в ряде случаев тот и другой моменты могут противоречить друг другу.

В таких предложениях, как 'Я рублю дрова', 'Я читаю книгу', оба момента действительно совпадают: а) обозначен предмет, на который непосредственно направлено действие и б) обозначение проводится с помощью словоформ винительного падежа. Но уже в предложениях 'Он выпил воды', 'Он правит лошадьми' эти моменты не совпадают: падежные формы здесь иные (родительный падеж и творительный падеж, соответственно), хотя отношения между действием и предметом одни и те же (действие непосредственно направлено на предмет).

Вышеприведенное определение прямого дополнения оказывается, таким образом, неточным. Причина этой неточности заключается в том, что данное определение смешивает различие падежей и различие членов предложения. Ведь одни и те же отношения могут быть выражены с помощью различных падежей. Основной момент в определении прямого

дополнения — это не падежная форма соответствующего слова, а сам характер отношений между процессом и обозначаемым с помощью дополнения предметом.

Прямое и косвенное дополнения

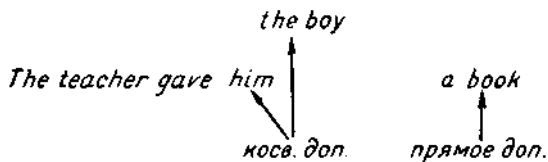
§ 102. Прямое дополнение — это дополнение, которое обозначает предмет, мыслимый как наиболее тесно связанный с процессом действия, обозначенного глаголом. При этом, если имеется два второстепенных предмета по отношению к действию, то именно предмет, на который указывает прямое дополнение, оказывается самым ближайшим образом связанным с процессом. Неупотребление предлога является средством выражения наиболее тесной зависимости этого предмета от процесса.

Косвенное дополнение обозначает предмет, который хотя и не является тем предметом, на который действие непосредственно направлено, но который это действие в известной степени затрагивает.

В английском языке проблема падежа не возникает, так как у дополнения возможен только один падеж — общий (Common Case) у существительных и объектный (Objective Case) у местоимений.

Здесь встает иной вопрос: одинаково ли всякое беспредложное дополнение по своему грамматическому характеру. Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным: в английском языке есть беспредложное дополнение прямое и беспредложное дополнение косвенное. Различие это не только смысловое: оно выражается и грамматически, прежде всего порядком слов (см. §§ 108-109).

Прямое дополнение — это дополнение без предлога, которое при наличии второго беспредложного дополнения занимает обычно не первое, а второе место после глагола (однако ср. § 57).

Различие этих двух типов дополнения не есть различие падежей, как считают некоторые зарубежные лингвисты, смешивающие два плана: части речи (падежи) и синтаксическое их употребление (члены предложения).

Однако порядок слов, дифференцирующий в английском языке прямое и косвенное дополнение, не является абсолютно безусловным. В известных случаях он зависит от конкретного лексического содержания дополнения.

Так, местоимение *it* регулярно выполняет функцию прямого дополнения, даже когда оно стоит на месте косвенного: ср. *I gave him the book Я дал ему книгу*, но *I gave it to him* или *I gave it him* (а не **I gave him it*)^j

Кроме того, в английском языке в известных случаях может быть два прямых дополнения, т. е. из двух беспредложных дополнений не всегда одно является прямым, а другое косвенным.

Рассмотрим, например, предложение *I asked him a question Я задал ему вопрос*.

Хотя по внешнему построению эта конструкция аналогична *I gave him a book*, *him* является не косвенным дополнением, а прямым, т. е. здесь мы имеем двойное прямое дополнение. Это подтверждается следующими обстоятельствами:

1. Косвенное дополнение имеет в большинстве случаев параллельные обороты с предлогом *to*: ср. *I gave him a book* и *I gave a book to him*. В случаях же с *I asked him a question* этого параллелизма нет. Нельзя сказать **I asked a question to him*.

2. Косвенное дополнение в английском языке характеризуется тем, что оно отдельно от прямого дополнения употребляться не может. Оно воспринимается отчетливо только тогда, когда рядом стоит прямое дополнение. Если по-русски возможно сказать 'Дай мне', то по-английски сказать **Give me нельзя**. В предложении *I gave him a book* опустить прямое дополнение *a book* невозможно, и это говорит о том, что *him* является здесь косвенным дополнением. В нашем же примере *I asked him a question* мы можем отбросить любое из дополнений (и от этого предложение не станет бессмысленным).

^j Поэтому в словосочетании *help me—me*, которое в древнем языке являлось косвенным дополнением, в современном английском языке воспринимается как прямое.

Так, можно сказать не только I asked a question, но и I asked him. Все это говорит о том, что him в предложении I asked him a question дополнение прямое, а не косвенное.

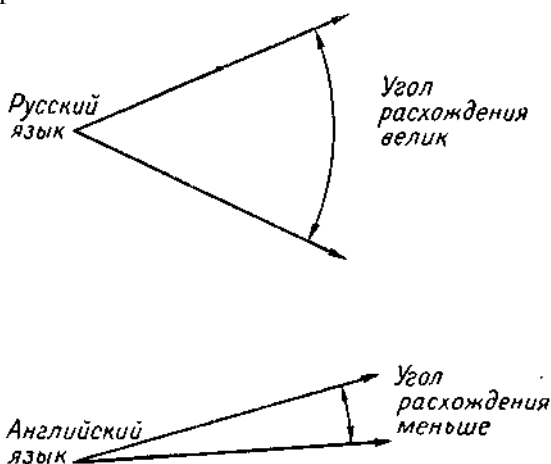
Таким образом, в английском языке возможны внешне совершенно одинаковые построения, среди которых общие языковые закономерности, параллелизм с другими конструкциями заставляют нас выделять два различных типа построения: «косвенное дополнение + прямое дополнение»:

I gave him the book *Я дал ему книгу* и «прямое дополнение + прямое дополнение», из которых каждое может употребляться раздельно: I asked him a question.

Мы видим, что порядок слов, с помощью которого в английском языке выражается различие между прямым и косвенным дополнением, не является твердым, постоянным фундаментом. Он может нарушаться (местоимение it выражает прямое дополнение и стоит на месте косвенного). Критерий порядка слов подрывается также тем, что само различие между прямым и косвенным дополнениями в английском языке не всегда представляется в достаточной мере четким.

По сравнению с русским языком прямое и косвенное дополнения в английском языке ближе стоят друг к другу, границы между ними менее определены.

Соотношение прямого и косвенного дополнений в английском и русском языках можно графически изобразить следующим образом:

В результате близости прямого и косвенного дополнений в английском языке границы между ними подвижны, возможно образование различных промежуточных случаев. Это видно в таком примере: *He taught them English Он обучал их английскому языку.*

С одной стороны, глагол *teach* своими синтаксическими связями напоминает глагол *ask*. Он также может употребляться в двух конструкциях: *He taught them* и *He taught English* (ср. *He asked him* и *He asked a question*). По этому признаку *them* в данном случае напоминает прямое дополнение.

Но с другой стороны, этот глагол и отличается от глагола *ask*, так как может употребляться с предложным дополнением *to*. И по этому второму признаку *them* в сочетании с *teach* можно рассматривать как косвенное дополнение.

Итак, на основании одного признака мы можем говорить о наличии в конструкции *He taught them English* двух прямых дополнений, а на основании другого признака — о наличии косвенного и прямого дополнения. Таким образом, этот случай является переходным, промежуточным. Подобные явления возможны не только в английском языке: ср., например, *русск*, 'управлять кораблем', где по одному признаку (творит, падеж) мы имеем косвенное дополнение, а по другому ('корабль, управляемый') — прямое дополнение (в русском языке только конструкцию с прямым дополнением можно перевести из действительного в страдательный залог). Такие случаи не следует подгонять под определенную схему; надо уметь их объяснить. Другой сложный случай представляют сочетания дополнения с глаголом *buy*.

Здесь положение обратно тому, которое мы наблюдали с глаголом *teach*. В конструкции *I bought you something* *Я купил что-то для вас* опустить одно из дополнений невозможно; нельзя сказать *I bought you* с тем же значением. Этим данное построение напоминает конструкцию с прямым и косвенным дополнением. Вместе с тем, здесь отсутствует параллелизм с *to*. Возможен параллелизм лишь с дополнением, вводимым предлогом *for*. Можно сказать *I bought something for you* (а не *to you*). Таким образом, и этот случай занимает особое место.

Большая близость между прямым и косвенным дополнением в английском языке по сравнению с русским проявля-

ется также в следующем. В русском языке существует определенная закономерность, по которой только прямое дополнение может стать подлежащим в соответствующем пассивном обороте. В английском языке положение иное. Здесь косвенное дополнение также может стать подлежащим пассивного оборота. В английском языке мы можем сказать не только *A book was given to the boy*, но и *The boy was given a book*.

Такая соотносительность косвенного дополнения с подлежащим не является древней особенностью английского языка; это новое сближение прямого и косвенного дополнений в английском языке. Оно появилось как результат общей перестройки в языке: отпадения падежных окончаний, усиления роли порядка слов. Первоначально положение было иное. Фраза типа *The boy was given a book* понималась иначе, чем теперь. Подлежащим здесь было *a book*, а *the boy* было косвенным дополнением, которое ввиду свободного порядка слов могло быть вынесено на первое место в предложении. Таким образом, вся конструкция понималась как
(To) the boy was given a book.

Мальчику (косв. дополн.) *была дана книга* (подлежащее). Это объяснялось тем, что вплоть до среднеанглийского периода в английском языке различались падежные окончания, и дополнение и подлежащее выражались различными падежами. С разрушением падежной системы, с установлением твердого порядка слов и приобретением им большего грамматического значения рассматриваемая конструкция переосмыслилась. Поскольку слово *(the) boy* занимает первое место, оно стало пониматься как подлежащее, а слово *(a) book* — как прямое дополнение. На то, что *the boy* в современном языке является подлежащим, указывает и глагол: *The boys were given a book*, а не *was given*, чего нужно было бы ожидать если бы *a book* в современном языке было подлежащим.

Такое переосмысление первоначально происходило в случае с существительными, не различавшимися уже объектного и именительного падежа, когда сказуемое и дополнение стояли в одном числе. Затем новое понимание распространилось и на случаи, где еще сохранялись морфологические различия, и они также подчинились общей перестройке: так, местоименные конструкции типа *Him was given a book* и т. п. стали сначала восприниматься как устаревшие, а затем

перестроились в He was given a book. Это еще больше способствовало пониманию the boy в The boy was given a book как подлежащего*.

Таким образом, в английском языке стало возможным прямое дополнение при пассивном глаголе (Retained Object): ср. The boy was given a book, где a book является прямым дополнением. В русском языке таких случаев быть не может: прямое дополнение при глаголе в пассивной форме не встречается.

В английском языке эквивалентными подлежащему пассивной конструкции могут быть не только прямое и косвенное дополнения, но и предложные: ср. They laughed at him, соотносимое и He was laughed at. В данной конструкции (He was laughed at) at не предлог, а наречие, которое, соединяясь с глаголом, создает единый комплекс (to) be laughed at (подробнее см. § 65). Вместе с наречием глагол делается транзитивным, откуда и возможность пассивной конструкции. Однако переходность (транзитивность) глагола является лишь потенциальной, так как в активной конструкции at как предлог отходит к дополнению и глагол сразу делается нетранзитивным: He laughs at me *Он смеется надо мной*.

Таким образом, мы видим, что в активной конструкции с предложным дополнением и в параллельной ей пассивной конструкции имеется различие в выражении отношения между предметом и процессом: ср. To whom were you speaking? *С кем вы говорили?* и Who was spoken to? *С кем говорили?* (перевод неточен). В первом случае, поскольку имеется предлог, выражается отношение между предметом и процессом, в то время как во втором случае to — наречие, которое модифицирует действие.

* С общей перестройкой падежной системы связано и появление в английском языке конструкции I like it и т. п. из Me likes it. I в современном языке соответствует древнеанглийскому и среднеанглийскому дополнению: ср. русск. 'мне нравится книга'. В связи с отпадением падежных окончаний в случае с существительными здесь стало невозможно определить по форме существительных, что является дополнением и что подлежащим. Поэтому произошел сдвиг в понимании: слово, стоящее на первом месте в предложении, стало осмысляться как подлежащее. В дальнейшем перестройка эта захватила и случаи с местоимениями, а глагол изменил свою синтаксическую характеристику и семантику, т. к. стал обозначать не воздействие предмета на субъект, а чувство, характеризующее субъект: ср. My brother likes to play.

Примечание. В английском языке в пассивной конструкции отчетливо наблюдается подвижность грани между предложным дополнением и обстоятельством. Здесь даже предложное обстоятельство может быть эквивалентом подлежащего в пассивной конструкции: ср., например, He had slept in the bed *Он спал в кровати* и The bed had been slept in. В активной конструкции in the bed является, скорее, обстоятельством места, отвечающим на вопрос Where? *Где?*, чем дополнением. Таким образом, возможность перехода наречия в предлог и наоборот может вовлекать даже обстоятельство в указанный параллелизм с подлежащим.

Предложное дополнение с предлогом by

§ 103. Типичным для дополнения является обозначение объекта действия, т. е. предмета, пассивного по отношению к действию. Однако в английском языке имеется также дополнение, обозначающее источник действия, или действующее лицо. Этот тип дополнения вводится предлогом by: ср. It was done by him *Это было сделано им*.

Рассмотрим, в чем состоят особенности указанного предложного дополнения:

(1) The hunter killed the bear *Охотник убил медведя* и (2) The hunter was killed by the bear *Охотник был убит медведем*.

Сравнивая by the bear во втором предложении и the bear в первом предложении мы видим, что они резко различаются. By the bear обозначает источник действия, производителя действия: действие происходит благодаря медведю (the bear). В первом же примере положение иное: медведь является там не производителем, а объектом действия. Это типичный «классический» случай дополнения. The bear присоединяется к глаголу с помощью комплетивной связи и обозначает объект действия, предмет, на который действие направлено. Это предмет внешний по отношению к процессу, но все же вступающий с ним в определенные отношения, участвующий в процессе. Таким образом, здесь налицо оба момента, характеризующие типичные случаи дополнения: (1) комплетивная связь, (2) отношения между объектом действия и предметом.

Во втором случае мы имеем только один из этих моментов, а именно комплетивную связь. Содержание же отношений здесь иное. Это отношение между деятелем и процессом.

Таким образом, по характеру связи (комплетивная связь) the bear в первом предложении и by the bear во втором не

различаются, оба они с этой точки зрения могут быть признаны дополнениями. В отношении же выражаемого содержания между тем и другим существует известное различие. Оставаясь в обоих случаях предметно-процессным, содержание выражаемых отношений в первом случае является объектно-процессным, а во втором — субъектно-процессным. Если характер связи не учитывать и исходить из содержания, т. е. считать, что дополнение должно обозначать обязательно объект действия, то *by the bear* уже нельзя будет считать дополнением, и придется признать, что во втором примере дополнения нет.

Если же учитывать оба момента — и характер связи и оттенок содержания, то можно сказать, что первый случай — это случай классического дополнения, а во втором случае имеется отступление от классического случая: здесь сближение с классическим случаем дополнения лишь по линии одного момента — комплетивной связи.

Однако и в том и в другом случае мы имеем дополнение. Основным моментом здесь является характер связи (комплетивная связь) и общее предметное содержание.

Содержание же объекта действия не является специфическим и обязательным признаком дополнения. Это подтверждается рассмотрением характера подлежащего.

Для подлежащего наиболее типичным является предикативная связь и обозначение им деятеля, но и здесь эти два момента не всегда соединяются друг с другом.

Так, в первом из приведенных предложений (*The hunter killed the bear*) мы имеем оба эти момента: (1) связь со сказуемым, т. е. предикативную связь и (2) отношение предмета, производящего действие, к производимому им действию или, говоря шире, отношение предмета, от которого зависит процесс, к самому процессу.

Во втором примере (*The hunter was killed by the bear*) мы имеем лишь один из этих моментов: предикативную связь.

Но выражаемые здесь отношения являются отношениями между предметом действия и процессом. Таким образом, второй момент, т. е. содержание отношений, может быть и нетипичным. Подлежащее и дополнение по содержанию могут быть эквивалентны: ср. *The hunter killed the bear* и *The bear*

was killed by the hunter. Здесь одно и то же явление, отраженное в нашем сознании, выражается по-разному. Подлежащее одного предложения и дополнение другого реально (т. е. по конкретному содержанию) эквивалентны друг другу.

В этой связи следует обратить внимание на то, что различное содержание дополнения и подлежащего (деятель или объект действия) связано с различным оформлением глагола, который выступает в том и другом случае в разной форме (действительный или страдательный залог).

Если деятель обозначен подлежащим, то глагол выступает в активной форме; если он обозначен дополнением, то форма глагола пассивная, причем при пассивной форме деятель может быть и не указан (the bear was killed). Следовательно, главное не то, что деятель обозначен дополнением, а то, что слово, обозначающее объект процесса, выступает в качестве подлежащего. Иначе говоря, если предмет, обозначенный подлежащим, есть деятель, то мы имеем действительный залог, причем, имеется ли в пассивном обороте обозначение деятеля — момент второстепенный. Главное — это характер подлежащего, а, следовательно, и характер сказуемого.

Отношение между подлежащим, сказуемым и дополнением является более существенным, более характерным для предложения в целом, чем отношение между любым из этих членов и другими членами (обстоятельством и определением). Поэтому особое внимание обращается на взаимоотношение подлежащего, сказуемого и дополнения. Изменение любого из этих членов ведет за собой изменение других членов. Так, если подлежащее the hunter обозначает деятеля, то в дополнении уже не может быть указания на источник действия. И, наоборот, дополнение определяет характер подлежащего. Если дополнение — by the bear, то этим уже предопределяется, что подлежащее будет обозначать не деятеля, а предмет действия. Далее, в зависимости от того, как определяется подлежащее и дополнение, обозначают ли они деятеля или объект действия, определяется и форма сказуемого — действительная или страдательная.

В отличие от дополнения, обстоятельство и определение не меняют общего строя предложения. Они не имеют определяющего характера по отношению к общей конструкции

предложения. Дополнение же как бы вмещивается в отношения между подлежащим и сказуемым.

Это особенно характерно для прямого дополнения, которое, — как это отмечалось выше, — присоединяется к глаголу без служебных слов, без предлогов и обозначает предмет, на который действие направлено наиболее непосредственно. В отличие от прямого дополнения, дополнения второстепенные (косвенное и предложное) обозначают предметы, непосредственного участия в процессе не принимающие (поэтому второстепенные дополнения и трудно отличить от обстоятельств). Дополнение же с предлогом *by*, как мы видели, занимает особое место среди предложных дополнений. Оно выделяется тем, что указывает на источник действия и находится среди тех членов предложения, которыми оформляется основная структура предложения.

Суммируя сказанное, можно отметить следующие особенности дополнения с *by* по сравнению с другими предложными дополнениями.

1. В отличие от других предложных дополнений, это дополнение регулярно употребляется в пассивной конструкции. Оно по своей семантике связано с особой формой предикации — с категорией пассивности. Другие же виды предложных дополнений могут употребляться в любом залоге — и в активном, и в пассивном: ср. *I bought something for you Я что-то купил для вас* и *It was bought for you Это было куплено для вас*.

Особенно ярко различие выступает при сравнении с дополнением с предлогом *with*, обозначающим орудие действия. По смыслу дополнение с *with* близко к дополнению с *by*. Но дополнение с *with* может одинаково встречаться и в активной и в пассивной конструкции: ср. *I cut it with a knife Я разрезал это ножом* и *It was cut with a knife Это было разрезано ножом*.

Дополнение же с *by* возможно только в пассивной конструкции: *It was cut by me Это было разрезано мною*. В активной конструкции *by* оставаться не может.

2. Вторая особенность дополнения с *by* состоит в том, что оно является эквивалентом подлежащего активного оборота, тогда как предложные дополнения с другими предлогами могут быть эквивалентами подлежащего лишь пассивного оборота. При этом для дополнения с *by* характерна не случай-

ная, а постоянная соотносительность с подлежащим активного оборота.

Ср. *The letter was written by him—He wrote a letter*

но: *They laughed at him—He was laughed at*

Таким образом, дополнение с предлогом *by* представляет собой специфический случай предложного дополнения. Оно в меньшей степени второстепенный член предложения, чем обычное предложное дополнение, так как тесно связано с характером подлежащего и залогом глагола: оно требует пассивного залога и пассивного подлежащего. Это объясняется тем, что дополнение с предлогом *by* обозначает не предмет, а производителя (источник) действия. Такое дополнение можно было бы назвать агентивным дополнением (обозначение агента действия, деятеля).

Предложное дополнение с предлогом *to*

§ 104. Иногда дополнение с предлогом *to* причисляют к косвенному дополнению. Но это принципиально неверно. Хотя дополнение с *to* является своеобразным синонимом косвенного дополнения, это не то же самое, что косвенное дополнение. Это дополнение придает высказыванию несколько другой оттенок. Оно шире по значению, чем косвенное дополнение. Поэтому, хотя дополнение с *to* тесно связано с косвенным дополнением и заменимо им, все же заменимость здесь неполная. Так, например, в случае с глаголом *explain* возможно только предложное дополнение с *to*: *He explained it to me* *Он объяснил это мне* (нельзя сказать: **He explained it me*).

Грамматическое различие косвенного дополнения и предложного дополнения с *to* проявляется, в частности, в их положении в предложении. В отличие от косвенного дополнения, дополнение с *to* может выдвигаться в предложении на первое место: *To you they showed everything, to us—nothing* *Вам они показали все, нам — ничего.*

Предложное дополнение с предлогом with

§ 105. Это своеобразное дополнение может иметь различные значения. Например, значения сопутствия, совместности: with my wife *с моей женой*, with a smile *с улыбкой*, with emotion *с чувством*; значение инструментальное, орудийное: with a knife *ножом*, with a pen *пером*.

Кроме того, встречаются случаи управления, где употребление дополнения с with зависит от отдельных слов. Например: angry with и др.

Примечание. По своему конкретному содержанию дополнение с willi может иногда выступать: (1) как эквивалент второго подлежащего в предложении с двумя однородными подлежащими, т. е. обозначать деятеля: I went there with my wife *Я пошел туда со своей женой* (I and my wife went there); (2) как эквивалент прямого дополнения: I bought a cup with a saucer *Я купил чашку с блюдцем* (I bought a cup and a saucer).

Общая классификация дополнений

§ 106. Суммируя все вышеизложенное, мы можем следующим образом классифицировать различные типы дополнения.

По внешним признакам дополнение делится в английском языке на предложное и беспредложное.

1. Беспредложное дополнение:

- а) прямое,
- б) косвенное.

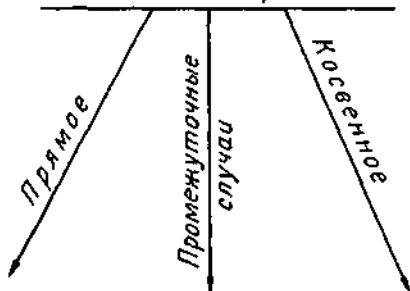
Особо выделяются случаи двойного дополнения.

2. Предложное дополнение:

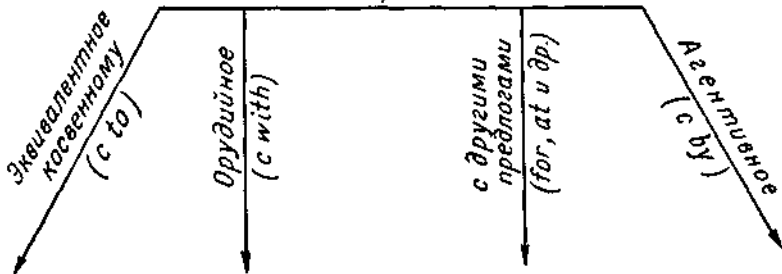
- а) эквивалентное косвенному беспредложному (с предлогом to),
- б) обозначающее орудие (с предлогом with),
- в) дополнения с другими предлогами,
- г) особо выделяется агентивное предложное дополнение с предлогом by.

Эту классификацию можно представить с помощью следующей схемы:

Дополнения беспредложные

Дополнения предложные

3. МЕСТО ДОПОЛНЕНИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 107. Наиболее определенное место в предложении занимают беспредложные дополнения, в то время как предложные дополнения являются более подвижными.

Выше отмечалось, что дополнение относится к глаголу. Поэтому общее положение дополнения в предложении меняется с изменением положения глагола. Однако, как отмечают различные авторы, в 90% случаев дополнение относится к глаголу-сказуемому. И в этом случае в связи с утерей флексий в английском языке порядок слов приобретает особенно

важное значение, служа для разграничения между дополнением и подлежащим, с одной стороны, и для разграничения между различными типами дополнения, с другой стороны.

Место прямого дополнения

§ 108. Обычно прямое дополнение следует за глаголом, к которому оно относится, допуская между собой и глаголом лишь косвенное дополнение. Однако по причинам, изложенным в § 57, прямое дополнение может также встречаться и в любом другом месте предложения, кроме места занятого подлежащим: ср., например, *All readers will find in the work a masterly exposition of the combination of life and logic*, — где прямое дополнение отделено от сказуемого-глагола словосочетанием *in the work*, — и *This I remember*, — где дополнение предшествует подлежащему.

Причины подобного дистантного положения прямого дополнения могут быть следующие:

1. Стремление автора речи выразить лексическое подлежащее и лексическое сказуемое (см. § 58). Так, в предложениях *This I don't understand* *Этого я не понимаю* и *That I have shown in the preceding chapter* *Это я показал в предыдущей главе* прямое дополнение стоит в начале предложения потому, что оно выражает лексическое подлежащее, являясь тем предметом мысли, вокруг которого строится все высказывание. Напротив, в предложении *All readers will find in the work a masterly exposition of the combination of life and logic* *Все читатели найдут в этой работе мастерское изложение взаимоотношения жизни и логики* прямое дополнение выражает лексическое сказуемое, а поэтому отодвинуто в самый конец предложения.

2. Необычное место дополнения может также определяться стилистическими мотивами, в частности, — необходимостью эмфатического выделения дополнения: ср. *Not a word, not a look, not a glance, did he bestow upon his heart's pride* *Ни единым взглядом, ни единым словом не удостоил он гордость своего сердца*,

В данном случае прямое дополнение выражает лексическое сказуемое, но оно все же стоит на первом месте, поскольку слова, которые это дополнение выражают, выделяются

автором. Но то, что причины выноса прямого дополнения до подлежащего здесь именно экспрессивно-эмоциональные, дополнительно подтверждается наличием частичной инверсии глагола.

3. В вопросительных предложениях в связи с их особой семантикой, требующей вопросительного слова на первом месте, вынос прямого дополнения на первое место (если вопрос относится именно к прямому дополнению) является нормой: ср. *What did he say? Что он сказал?*; *What word did he say? Какое слово он сказал?*

Следует отметить, что тенденция постановки вопросительного слова при вопросе на первое место характеризуется большой силой не только в английском языке, но и в других языках, например, в русском. Правда, в русском языке главным образом в разговорной форме речи наблюдаются отступления: ср. 'Вы когда придете?' В английском же языке постановка вопросительного слова имеет место всегда, а в случае, когда вопрос ставится к подлежащему, отсутствует даже типичная для вопроса инверсия; однако вопросительное слово стоит на первом месте.

Место косвенного дополнения

§ 109. Как уже отмечалось (см. § 102), косвенное дополнение в английском языке не может употребляться без указания прямого дополнения. Поэтому о месте косвенного дополнения в английском языке нельзя говорить, не имея в виду прямого.

Косвенное дополнение регулярно стоит непосредственно после глагола, перед прямым: *They offered the man a reward. Они предложили человеку награду.* Однако, если прямое дополнение выражено местоимением *it*, то на первое место после глагола ставится прямое дополнение, что объясняется спецификой *it*. *It* обозначает вещь, а не лицо, и, следовательно, предположить здесь косвенный объект невозможно. Кроме того, здесь играет роль ритмический интонационный момент: *it* — безударное слово и помещается между словами с основным и второстепенным ударением.

Выноситься на первое место косвенное дополнение не может, так как в этом случае получилась бы нечеткость конструкции, поскольку глагол оказался бы совершенно от-

деленным от косвенного дополнения. В процессе исторического развития английского языка в случае перенесения косвенного дополнения на первое место оно превращалось в подлежащее. It liked me первоначально означало 'Это нравилось мне'. В случае же инверсии конструкция имела вид Me liked it *Мне нравилось это*. Так же понимались и случаи с существительными, например: It liked my sister; My sister liked it. Это стало пониматься как 'Моя сестра это любит', а затем по аналогии перестроились и конструкции с местоимениями: Me liked it > I liked it. Таким образом, в английском языке не осталось случаев, где бы косвенное дополнение было бы на первом месте. В этом положении оно переосмыслялось в подлежащее. (См. также § 102, особо сноску.)

Место предложных дополнений

§ 110. Предложные дополнения, как общее правило, следуют за прямыми и косвенными. Однако предложные дополнения часто выдвигаются на первое место, что обычно связано с эмфазой: ср. He didn't speak about that *Он не говорил об этом*; About that he didn't speak *Об этом он не говорил*; To you they showed everything, to us—nothing *Им они показали все, нам — ничего*.

Предложные дополнения близки к обстоятельствам, так что не всегда возможно их различить (см. § 104). Близость их к обстоятельствам сказывается и в их обычном месте в конце или начале предложения.

В предложении He disclosed to us the secret of the invention *Он открыл нам секрет изобретения* мы имеем сравнительно редкий случай внедрения предложного дополнения в сочетание глагола с прямым дополнением. Такое положение предложного дополнения должно быть чем-то особенно мотивировано. В частности, если бы в данном примере to us стояло в конце предложения, то на него падало бы логическое ударение ввиду большой величины прямого дополнения. Однако ударение не было бы оправдано, поскольку то, что сообщается им, является наиболее важной частью сообщения. Поэтому ОЮ И должно стоять в конце.

Глава VIII

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

1. СУЩЕСТВО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

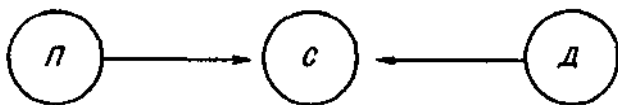
§ 111. Как и дополнение (см. § 100), обстоятельство является второстепенным членом предложения, поскольку оно не участвует в создании основного предикативного узла, состоящего из сочетания подлежащего со сказуемым. Обстоятельство соединяется с ведущим членом предложения так, что это соединение не связывается с предикацией; связь обстоятельства с ведущим членом комплетивная, аналогичная связи дополнения с глаголом. Отличие обстоятельства от дополнения заключается не в характере связи с ведущим членом предложения, а в содержании этой связи. Обстоятельство представляет собой второстепенный член предложения, обозначающий условия, в которых протекает процесс.

В отличие от дополнения, обстоятельство не характеризуется предметностью содержания: если им и обозначается предмет, то этот предмет мыслится как условие протекания действия. В связи с этим отношение обозначаемого обстоятельством реального факта к процессу более пассивно, чем отношение того, что обозначается дополнением. Условия протекания действия непосредственного участия в осуществлении процесса не принимают, они как бы только присутствуют при осуществлении процесса, сопровождают его.

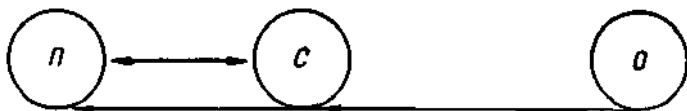
Как и дополнение, обстоятельство естественнее всего может относиться к глаголу (большей частью к сказуемому, но не обязательно только к нему). Однако именно потому, что обстоятельство определяет глагол не так, как дополнение, обозначая не предмет, а обстановку протекания процесса,

связь его с глаголом в известных случаях может быть в грамматическом отношении очень свободной, очень приближительной. Обстоятельство может настолько отрываться от глагола, что начинает относиться ко всему предложению в целом. Это касается, например, обстоятельства места, так как в самой действительности место связано не только с действием, но и с предметами, которые в этом месте находятся.

Таким образом, в отличие от дополнения, которое может вступать в определенные взаимоотношения с подлежащим только через посредство сказуемого:

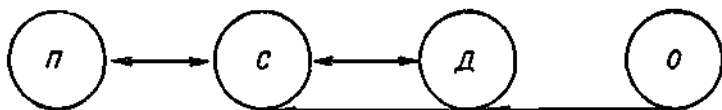
обстоятельство может соотноситься с подлежащим и помимо сказуемого, что графически можно изобразить следующим образом:

Так, в предложении *He worked there Он работал там* обстоятельство места *there* относится не только к сказуемому *worked*, но и к подлежащему *he*, так как *He worked there* означает вместе с тем и *He was there Он был там* (раз он там работал, следовательно, он там был). В этом предложении, таким образом, можно проследить две связи: *he — there* и *worked — there*.

В тех случаях, когда в предложении имеется дополнение, обстоятельство может относиться и к нему, как, например, в предложении: *I saw him in the street Я видел его на улице*. Обстоятельство *in the street* относится как к *saw*, так и к *him*, поскольку мысль здесь такая: *I saw him and he was in the street Я видел его, и он был на улице*.

Графически отношения между обстоятельством и другими членами предложения в данном случае можно представить с помощью следующей схемы:

В рассматриваемом предложении (*I saw him in the street*) обстоятельство может соотноситься и с подлежащим, если это предложение означает: *I saw him and I was in the street*. Однако в данном случае связь с подлежащим не обязательна (в отличие, например, от предложения *He worked here*), так как лица, о которых идет речь в предложении, могли находиться в разных местах: я мог видеть его и из другого места.

Трехстороннюю связь обстоятельства со сказуемым, с дополнением и с подлежащим мы видим, например, в предложении *He met her there Он встретил ее там*. Здесь обстоятельство вступает в следующие связи: *he — there, met — there, her — there*.

В данном случае схема будет иметь такой вид:

Обстановка, обозначаемая обстоятельством в приведенном предложении, является своего рода сценой, на которой развивается данное событие и действуют его участники.

Итак, обстоятельство более нейтрально по отношению к глаголу, чем дополнение; оно менее сосредоточено на одном глаголе. В отличие от дополнения, для обстоятельства характерно отсутствие специфической зависимости от одного члена предложения. Обстоятельство имеет тенденцию относиться к целой группе слов в предложении, оно оказывается непосредственно связанным с несколькими членами предложения. (Напомним, что связь дополнения с подлежащим не является непосредственной, а осуществляется через посредство сказуемого.)

В связи со способностью обстоятельства относиться не только к глаголу, но и к другим членам предложения, оно относительно более подвижно в предложении, чем дополнение, и может занимать в предложении различные места.

Таким образом, как мы видели, отличие обстоятельства

от дополнения состоит не в характере той связи, посредством которой эти члены вводятся в предложение: и в том и в другом случае связь является комплетивной. Отличие это состоит в содержании этих членов предложения, из чего вытекают и все особенности обстоятельства.

По содержанию обстоятельство отличается от дополнения тем, что оно обозначает не предмет, непосредственно участвующий в действии, а только «предмет», сопутствующий действию (место, время, цель, причина). Как легко видеть, отличие это по существу небольшое (в известных случаях различие между тем и другим значением может быть очень тонким). Отсюда трудности разграничения обстоятельства и дополнения, в особенности в случае с косвенным и предложным дополнением, поскольку такое дополнение, так же как и обстоятельство, обозначает то, что непосредственного участия в процессе не принимает.

Рассмотрим следующие примеры:

1. He saw a dog in the garden *Он увидел собаку в саду.*

В данном предложении *in the garden* является обстоятельством, так как обозначаемый предмет не выступает здесь как активный участник процесса, интересуется не как таковой, а лишь как условие протекания действия. *In the garden* не мыслится здесь предметно.

2. Dick inquired about his aunt among the boatmen *Дик расспрашивал о своей тетушке среди лодочников.*

В данном случае возникает сомнение относительно того, как рассматривать *among the boatmen*: как обстоятельство или как дополнение. Возможно двоякое толкование. Если обозначаемое *boatmen* мыслится предметно, если говорится о лодочниках как об участниках разговора, как об объекте, «расспрашивания» наряду с *my aunt*, ТО *among the boatmen* можно понять как дополнение. Если же отвлечься от конкретных людей и понимать *among the boatmen* как условие протекания процесса, т. е. если важны не лодочники сами по себе как люди, которых он расспрашивал, а важно указание места, где он расспрашивал о тетушке, то *among the boatmen* будет выступать как обстоятельство.

Таким образом, обстоятельство — это второстепенный член предложения, который вводится в предложение посредством комплетивной связи и который со стороны содержания

характеризуется тем, что обозначает условия протекания процесса, а не предмет, участвующий в процессе.

В традиционной грамматике категория обстоятельства — это очень неопределенная категория. В ней объединяются различные вещи, почему при характеристике обстоятельств обычно употребляются уточняющие определения: обстоятельства места, времени и т. п.

Однако в этой категории объединяют не только разные, но и разнородные вещи.

Обстоятельство места и обстоятельство времени различны, но не разнородны, так как оба они характеризуют обстановку, при которой протекает событие, дают его пространственно-временную характеристику. Если же мы сравним обстоятельства времени и места с тем, что называют обстоятельствами образа действия, то мы увидим, что это совершенно разнородные вещи. Так называемое обстоятельство образа действия не характеризует, не уточняет обстановки, условий совершения процесса, не определяет места события в действительности. «Обстоятельство образа действия» дает внутреннюю характеристику действия самого по себе. По своему содержанию «обстоятельство образа действия» является квалификацией известного процесса. Различный характер «обстоятельства образа действия», с одной стороны, и обстоятельства места и времени, с другой, можно видеть на следующих примерах:

- (1) The boy walked slowly *Мальчик шел медленно.*
- (2) He got up early *Он встал рано.*
- (3) Outside cocks were crowing *Снаружи кукарекали петухи.*

Slowly определяет характер самого движения, обозначает признак процесса. Early и outside определяют условия протекания процесса, давая пространственно-временную характеристику.

Таким образом, так называемое обстоятельство образа действия, с одной стороны, и обстоятельства места и времени, с другой, имеют совершенно различное содержание.

Возникает вопрос, есть ли между этими видами «обстоятельств» различие с точки зрения характера связи, объединяющей их с тем, к чему они относятся. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, сравним следующие предложения:

- (1) I highly esteem him *Я высоко ценю его.*
- (2) I live here. I saw him in the street *Я живу здесь. Я видел его на улице.*

(3) He came yesterday *Он пришел вчера.*

В первом предложении *highly* стоит перед тем словом, к которому оно относится, и такое положение является для него вполне нормальным, так же как и для других «обстоятельств образа действия»*. Что касается *here, in the street* и *yesterday* и подобных им обстоятельств места или времени, то положение непосредственно перед ведущим словом, т. е. тем словом, с которым они непосредственно связаны, для них нехарактерно. Уже этот факт говорит о том, что «обстоятельство образа действия» теснее объединяется с определяемым, поскольку положение перед ведущим словом является в английском языке признаком более тесной связи.

В отношении обстоятельств *here, in the street* или *yesterday* трудно сказать, к какому члену предложения они относятся. Они не вступают в тесную связь с глаголом, не образуют с ним комплекса, а относятся ко всему высказыванию.

Highly, напротив, вступает с глаголом *esteem* в тесную связь, образует с ним естественный цельный комплекс, так же как, например, и *to write well* *писать хорошо* и т. п.

Таким образом, обстоятельства места и времени и «обстоятельство образа действия» существенно отличаются друг от друга и по типу связи, объединяющей их с другими членами предложения. Для обстоятельства образа действия характерна атрибутивная связь или связь, приближающаяся к ней, а для обстоятельства места и времени более свободная комплетивная связь.

Если мы сравним то, что называют обстоятельством образа действия, с традиционно выделяемым определением, мы увидим, что между ними имеется известный параллелизм. Ср. *I highly esteem him* *Я высоко ценю его* — *high esteem* *высокая оценка*; *I heartily thank you* *Я сердечно благодарю вас* — *heartly thanks* *сердечная благодарность*.

Различие между этими двумя группами примеров состоит лишь в том, что в первом случае ведущим словом является глагол, а во втором существительное.

Отношение же между компонентами здесь то же самое:

* В положении после определяемого слова: *I esteem him highly*, *highly* особо выделяется в предложении. Как будет показано ниже (см. раздел «Место определения. Прилагательное определение»), такое положение следует рассматривать как обособление, подобно постпозитивному положению присубстантивных определений.

и в том и в другом случае выражается одно я то же содержание — качественная характеристика явления, и в том и в другом случае мы имеем атрибутивную связь.

Таким образом, как по характеру выражаемых отношений (обозначение признака, квалификации), так и по характеру объединяющей его с ведущим словом связи «обстоятельство образа действия» ближе стоит к определениям, чем к обстоятельствам. Близость между «обстоятельством образа действия» и определением можно показать и на следующем примере: *The sun shone brightly Солнце сияло ярко — bright shine яркое сияние.*

В обоих случаях подчеркивается характер света: квалифицируется яркость сияния.

То же самое мы видим и в следующих примерах: *He knows it perfectly Он знает это прекрасно — his perfect knowledge его прекрасные знания; The boy walked slowly Мальчик шел медленно — slow walk медленная ходьба.*

«Обстоятельства образа действия» и определение сближаются также тем, что они имеют одну и ту же адъективную основу. «Обстоятельство образа действия» обычно выражается так называемыми качественными наречиями, образованными от основы прилагательного (ср. в вышеприведенных примерах *high* и *highly*, *heartу* и *heartily*, *bright* и *brightly* и т. д.). Обстоятельства же в собственном смысле слова (обстоятельства места, времени) обычно выражаются с помощью обстоятельственных наречий или существительных с предлогами.

Образование так называемых качественных наречий от прилагательных — регулярный процесс; по-видимому их можно рассматривать как одну часть речи (прилагательное), выступающую в разных формах: адъективная форма прилагательного выступает при существительном и адвербиальная — при глаголе (см. «Лексикологию английского языка», гл. III).

Параллелизм качественных наречий и прилагательных характерен и для русского языка: ср. 'Он идет медленно' и 'медленная походка'. Но в английском языке, в отличие от русского, стерто принципиальное различие в построении словосочетания «качественное наречие + глагол и прилагательное + существительное». В русском языке прилагательное и существительное соединяются посредством согласо-

вания, а наречие и глагол — путем примыкания. В английском же языке такого формального различия в способе выражения связи нет, так как согласование в нем почти исчезло и тип соединения здесь в основном тот же самый — примыкание.

Исходя из всего сказанного, отнесение «обстоятельства образа действия» к числу обстоятельств является спорным и подлежит критическому пересмотру*.

Действительно, почему в традиционной грамматике обстоятельства образа действия объединяются с другими обстоятельствами? Основанием для этого служит лишь то, что и те и другие относятся к глаголу. Таким образом, при выделении обстоятельства появляется новый критерий, а именно — часть речи, к которой относится данный член предложения. Однако при рассмотрении других членов предложения (например, подлежащего или сказуемого) этот момент во внимание не принимается. Кроме того, если считать основным критерием то, к какой части речи относится данный член предложения, то становится непонятным, почему дополнение выделяется в особую категорию. Ведь дополнение тоже относится к глаголу. Если быть последовательным и основным считать то, к чему относится данное слово, то не надо проводить дифференциации между дополнением и обстоятельством. Между тем, при различении обстоятельства и дополнения учитывается не то, к чему они относятся, а само их содержание: обстоятельство обозначает обстановку, а дополнение — предмет, который участвует в действии.

К этому следует добавить, что то, к какой части речи данный член предложения относится, не может являться критерием при определении членов предложения и потому, что в этом случае теряется специфика членов предложения как особой категории. В этом случае мы могли бы просто говорить о словах, которые стоят только при существительных (присубстантивные) или только при глаголах (приглагольные) и т. п. В этом случае термины, обозначающие

* Кстати и сам термин «обстоятельство образа действия» звучит странно: в нем есть противоречие. С одной стороны, этот термин указывает на качественную характеристику действия, а не на обстановку совершения действия, а, с другой стороны, оставляет название «обстоятельство». Английский термин "Adverbial Modifier of Manner" также неудачен, так как носит чисто формальный характер, указывая лишь на часть речи.

члены предложения, показывали бы просто, от какой части речи данное слово зависит. Если при выделении членов предложения последовательно придерживаться установленных выше критериев, т. е. исходить из содержания и типа связи, то «обстоятельства образа действия» следует рассматривать как своеобразные определения, относящиеся к глаголу или к прилагательному.

Таким образом, среди традиционно выделяемых «обстоятельств» имеется две группы:

1. Обстоятельства в собственном смысле слова; их можно было бы назвать обстоятельствами ситуации. Они обозначают условия протекания процесса и вводятся в предложение с помощью комплетивной связи. Эти обстоятельства занимают в предложении весьма самостоятельное место и могут относиться к целой группе членов предложения или ко всему предложению в целом. Выражаются они с помощью обстоятельственных наречий или существительных (особенно с предлогом). Наиболее типичными среди этих обстоятельств являются обстоятельства места и времени. Обстоятельства причины, цели, следствия, сопутствующие обстоятельства (например: *He sleeps with his window open Он спит с открытым окном*) примыкают к обстоятельствам места и времени, но являются менее типичными.

2. «Обстоятельства образа действия», к которым примыкают «обстоятельства меры и степени», обозначающие признак и стоящие в атрибутивной связи с определяемым словом. В предложение они входят не самостоятельно, а вместе со словом, которое они определяют, образуя с ним атрибутивный комплекс. Они имеют общую с прилагательными адъективную основу. Эти члены предложения по существу не являются обстоятельствами. Их правильнее рассматривать как своего рода определения, обозначающие признак процесса или признак другого признака.*

* Особую группу обстоятельств-определений составляют слова, обозначающие частоту, повторность, отрицательность (например: *seldom, never, often* и т. п.). Это слова, обозначающие наиболее общие признаки распределения во времени. Они образуют тесное единство с глаголом и воспринимаются как определители действия. По их отношению к глаголу их можно сравнить с указательными артиклями и местоимениями при существительных (см. раздел «Место обстоятельства»).

2. МЕСТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 112. Обстоятельственные слова являются наиболее подвижными членами предложения. Нормой считается положение обстоятельства места или времени в конце предложения, после подлежащего и сказуемого. Происхождение такого положения обстоятельства в предложении объясняется тем, что обстоятельство обычно выражает лексическое сказуемое (см. § 58). Обстоятельство возникает в речи тогда, когда оно является существенным, новым в сообщении (выражает лексическое сказуемое). Обстоятельство может выражать также лексическое подлежащее, и тогда оно выносится в начало предложения. Иными словами, постановка обстоятельства в начале предложения определяется смысловыми причинами.

В уже приводившемся предложении *Down the frozen river came a sledge drawn by dogs* обстоятельство места *down the frozen river* выражает лексическое подлежащее (то, от чего отправляется мысль), центром которого является *river*. Центром лексического сказуемого является *sledge*. Эти два обозначения мысли связаны между собой обозначением процесса: *the river — came — sledge*.

В предложении с конструкцией *there is* обстоятельство места ставится в конце предложения, несмотря на то, что оно выражает лексическое подлежащее, так как его место занимает *there*, как бы предваряя его (см. § 60).

Таким образом, обстоятельства ситуации стоят либо перед всем комплексом «подлежащее — сказуемое — дополнение», либо после него. Лишь очень редко обстоятельство может занимать иное положение, например: *All readers will find in the work a masterly exposition of the combination of life and logic*. В данном случае обстоятельство стоит между глаголом и дополнением, тем самым разрывая их обычно тесную связь. *In the work* не выражает лексического сказуемого. Лексическое сказуемое выражается здесь словосочетанием *a masterly exposition*. *In the work* здесь несущественно для смысла высказывания и может стоять внутри предложения.

Возможность такого положения обстоятельства объясняется, с одной стороны, громоздкостью словосочетания, которым выражено дополнение, а с другой, — степенью связанности обстоятельства с глаголом. В вышеприведенном примере обстоятельство *in the work* относится к дополнению

и непосредственно связано с глаголом, а не является определением ко всей ситуации.

При наличии в предложении нескольких обстоятельств ситуации обстоятельство места ставится ближе к комплексу «подлежащее — сказуемое — дополнение», чем обстоятельство времени, например: He saw his friend in Moscow last year *Он видел своего друга в Москве в прошлом году*; He lived in Moscow last year *Он жил в Москве в прошлом году*.

Обстоятельство времени слабее связано со сказуемым, чем обстоятельство места. Поэтому оно легче может переноситься в начало предложения. Однако и обстоятельство времени чаще всего стоит в конце предложения, а для положения в начале должна быть особая мотивировка.

Особую группу обстоятельственных слов представляют слова типа never, ever, always, often и т. п. Такие слова обычно ставятся внутри самого сочетания подлежащего со сказуемым, например: I never saw such a thing *Я никогда не видел такого*; I have never seen such a thing *Я никогда не видел такого*.

Если форма глагола не аналитическая, то такие обстоятельственные слова ставятся между подлежащим и сказуемым; если же глагол стоит в аналитической форме, то обстоятельственные слова вышеуказанного типа стоят внутри глагола-сказуемого. Позиция таких обстоятельственных слов внутри сказуемого объясняется тем, что по своему характеру такое обстоятельство часто становится определением к сказуемому, а определение включается в сказуемое, как его неотъемлемая часть. Некоторые исследователи пытались объяснить особое положение таких обстоятельственных слов в предложении ритмическими моментами, считая, что оно является следствием того, что эти слова слабоударные. Но такое объяснение недостаточно. Безударность этих слов есть момент вторичный. Она обусловлена их семантикой. Эти слова обозначают наиболее общие признаки распределения во времени. Семантика этих слов показывает, что положение действия во времени неопределенно. Между тем отношение глагола к определенному времени (временная отнесенность) тесно связана с характеристикой глагола (является основной характерной чертой глагола), что выражается самой формой глагола. Поэтому естественно, что слова, выражающие распределение действия во времени, стремятся слиться с глаголом в один комплекс. По их отношению к глаголу их можно сравнить с указатель-

ными местоимениями, артиклями и притяжательными местоимениями при существительных: они образуют тесное единство с глаголом.

Выражение общего, категориального свойственно грамматике, и поэтому обстоятельственные слова типа *always, never, ever, seldom*, обозначающие общие признаки распределения во времени, стоят на пороге грамматики, сближаются максимально с грамматическими единицами, хотя грамматическими единицами не являются (см. § 40).

Итак, положение обстоятельственных слов типа *never, ever, always, often* и т. д. внутри сказуемого является нормой для английского языка. Вынесение этих слов в начало или конец предложения воспринимается как явление необычное. Начальная позиция этих слов указывает на то, что этим словам придается особое значение в предложении. Такая позиция обстоятельственного слова влечет за собой инверсию подлежащего и сказуемого (ср. §60): ср. *Never did I see such a tiling*. Грамматическая инверсия вызывается здесь тем, что нарушается общий нормальный порядок слов; инверсия указывает на тесную связь обстоятельственного слова этого типа с глаголом.

Глава IX

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1. СУЩЕСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

§ 113. Определение — это второстепенный член предложения, для которого характерным является, во-первых, обозначение признака, или, говоря шире, выражение квалификативных отношений, и, во-вторых, тесная атрибутивная связь с тем словом, к которому оно относится.

Среди частей речи наиболее приспособленным для роли определения является прилагательное, поскольку в само значение этой части речи как таковой входит обозначение явления как признака или качества. Однако в роли определения могут выступать и слова, которые сами по себе признака не обозначают, но в определенных сочетаниях, вступая в предложение в особые отношения с другими словами, могут служить для обозначения признака. Так, например, в словосочетании *my father's house* *дом моего отца* роль определения выполняет существительное в притяжательном падеже. Для значения существительного как части речи характерна предметность, а не обозначение признака. Поэтому, чтобы приобрести характер определения, существительное должно вступить в какие-то определенные отношения с определяемым. Только через выражение определенных отношений существительное может служить выразителем признака, ослабив свое предметное значение. Поэтому в качестве определения существительное выступает или в форме особого падежа или с предлогом.

Итак, основное содержание определения — это обозначение

признака. Возникает вопрос: признак чего именно определение обозначает, т. е. что является носителем обозначаемого определением признака, и в связи с этим, к какой части речи определение относится.

Обычно считают, что определение обозначает признак предмета и говорят об определении только в случае сочетания прилагательного и существительного, например: *a young man молодой человек*, *a large room большая комната* и т. п. Однако такое понимание определения представляется слишком узким и нуждается в пересмотре.

Выше уже приводились основания, позволяющие считать так называемое обстоятельство образа действия, обозначающее признак процесса и относящееся к глаголу, частным видом определения. Как отмечалось, по своему содержанию (квалификация), по характеру связи с определяемым и в том и в другом случае мы имеем атрибутивную связь. Такое определение близко стоит к определению присубстантивному, что и позволяет объединить их в одной категории случаев: ср. *to live long* и *a long life*.

Исходя из содержания выражаемых отношений и характера их связи, частным видом определения следует признать и «обстоятельства образа действия, меры и степени», относящиеся к прилагательному и обозначающие признак признака. Так, например, в словосочетании *a very large room* — *very* стоит в таких же отношениях и такой же тесной связи с прилагательным *large*, как само это *large* по отношению к существительному *room*. *Very* является здесь определением к прилагательному и обозначает признак признака.

Таким образом, для определения как члена предложения характерно обозначение признака независимо от того, к чему этот признак относится. Помимо определений присубстантивных, обозначающих признак предмета, следует различать определения приглагольные, обозначающие признак процесса, и определения приадективные, обозначающие признак признака.

Следует подчеркнуть, что для определения характерно именно то, что оно относится к словам как к частям речи, а не как к членам предложения. Оно не связано с каким-либо определенным членом предложения. В зависимости от того, какую роль в предложении выполняет определяемое слово — существительное, прилагательное или глагол — комбинации

могут быть самыми различными. Так, например, определение к существительному может относиться и к подлежащему, и к дополнению, и к именной части сказуемого и т. д. (ср. *An old man crossed the broad street. He is a good doctor*), т. е. ко всем тем членам предложения, в роли которых выступает существительное. То же самое касается и определения к глаголу и к прилагательному. Таким образом, по существу определение может относиться к любому члену предложения.

Благодаря квалификативному содержанию и особо тесному характеру связи с определяемым, определение выделяется в предложении более отчетливо, чем другие второстепенные члены. Как мы видели (см. § 102), граница между обстоятельством и дополнением может быть в известных случаях недостаточно четкой, поскольку и тот и другой член предложения вводится в предложение с помощью комплетивной связи, а различие между ними в содержании может быть иногда очень тонким. Поэтому при рассмотрении обстоятельства перед нами особо вставал вопрос об отграничении его от дополнения. Граница же между определением и дополнением более определена, так как они различаются как содержанием выражаемых отношений, так и характером объединяющей их с другими членами предложения связи. В этом смысле можно говорить о том, что определение — это второстепенный член предложения, наиболее противоположный дополнению.

В случае с определением не встает также особо вопроса и об отграничении его от подлежащего, как это было при рассмотрении дополнения, имеющего, как и подлежащее, предметное содержание. Обозначая признак, определение, в противоположность дополнению, уже по самому своему содержанию четко отграничивается от подлежащего.

Однако определение по содержанию сближается с другим членом предложения, а именно с квалификативным сказуемым, поскольку в том и в другом случае речь идет об обозначении признака. Поэтому, говоря об определении, следует отграничить его от именной части квалификативного сказуемого.

Различие между определением и квалификативным сказуемым заключается не в содержании, а в характере связи, посредством которой вводятся в предложение эти члены.

Это ясно видно из сравнения следующих предложений: This is a large room *Это большая комната* и This room is large *Эта комната большая*; He saw a black dog *Он увидел черную собаку* и The dog that he saw was black *Собака, которую он увидел, была черная*.

Во всех приведенных примерах выражается квалификация; слова large и black по своему содержанию характеризуют признак предмета, обозначенного словами room и dog соответственно. Однако первые два предложения резко отличаются от вторых тем, что квалификация в них не связывается с выражением предикации: она дается в форме связи атрибутивной, а не предикативной. Поэтому в первом случае прилагательные large и black выступают в роли определения, а во втором — в роли именной части квалификативного сказуемого.

Итак, несмотря на единство выражаемого содержания, определение резко противостоит квалификативному сказуемому благодаря тому, что в его связи с определением отсутствует предикативность. Как и другие второстепенные члены предложения, определение не входит в основную предикативную конструкцию предложения. Однако следует подчеркнуть, что в случае с определением отсутствие предикативности выступает еще ярче, чем в случае с дополнением и обстоятельством. Для связи определения с определяемым характерно не просто отсутствие предикативности. Эта связь наиболее далеко отстоит от предикативной связи подлежащего и сказуемого, создающей предложение. Комплекс a large room *большая комната* или a black dog *черная собака* дальше всего отстоит от построения предложения и приближается к одной лексической единице. Таким образом, для определения характерна особенно тесная связь с определяемым словом. Объективным показателем того, что связь между определением и определяемым в английском языке более тесная, чем между какими-либо другими членами предложения, является построение вопросительных предложений. Как известно, в тех случаях, когда вопрос относится к какому-либо второстепенному члену предложения, вопрос выражается не только самим вопросительным словом, но и сказуемым: оно приобретает вопросительную форму, и все предложение строится иначе, приобретает вопросительную конструкцию. При этом в тех случаях, когда вопрос относится

к дополнению или к обстоятельству, эти члены предложения выделяются как самостоятельные отдельные единицы. Они занимают обособленную позицию вне всякого комплекса: *What did he see? Что он видел ?; When did he see the black dog? Когда он видел черную собаку?*

Как дополнение, так и обстоятельство стоят на первом месте в предложении, занимая иное место, чем в повествовательном предложении: ср. *What did he see? Что он видел?* и *He saw a black dog there Он видел там черную собаку* и *Where did he see a black dog? Где он видел черную собаку?* и *He saw a black dog there Он видел черную собаку там.*

Совершенно иначе ведет себя вопросительное местоимение, выражающее определение. В этом случае комплекс «определение + определяемое» не разрушается. Определение не отрывается от определяемого, но переносится в начало предложения вместе с ним: ср. *What dog did he see? Какую собаку он видел?; How many dogs did he see? Сколько собак он видел?*

Таким образом, определение более тесно связано с тем словом, к которому оно относится, чем дополнение или обстоятельство. Такой характер связи определения с определяемым объясняется самим содержанием определения. Как уже говорилось, определение обозначает не предмет, не условия или обстановку протекания процесса, а признак. Признака же в самой реальной действительности не существует помимо его носителя. Признак существует не вне предмета или явления, а в нем самом. Это реальное обстоятельство, отражаясь в нашем сознании, отражается и в языке; определение выступает в качестве особо тесно связанного компонента в сочетании со своим определяемым.

Особый характер связи, объединяющей определение с определяемым, приводит к тому, что определение занимает в предложении особое место по сравнению с другими второстепенными членами предложения. Определение и определяемое составляют единый комплекс, который выступает в предложении как единая (хотя и разложимая) единица.

Атрибутивный комплекс в английском языке графически можно изобразить в виде двух соприкасающихся кругов:

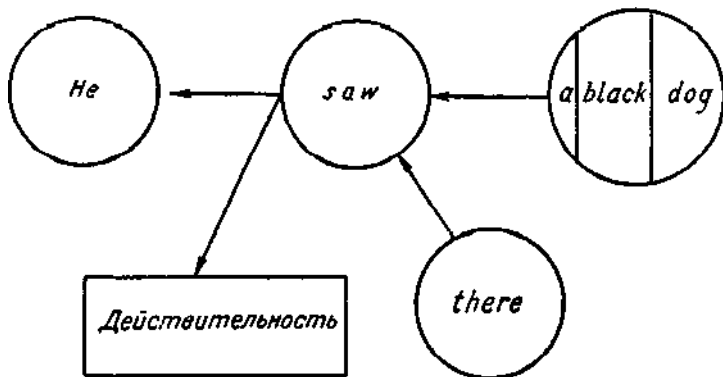

или даже в виде одного круга, разделенного посередине:

Черта посередине круга обозначает границу между двумя элементами, объединенными в одном комплексе. Приводимая ниже схема показывает положение определения в предложении по сравнению с другими членами предложения.

Схема предложения *He saw a black dog there*:

На схеме стрелками обозначены выражаемые в предложении связи.

Как видно из схемы, определение (*black*) распространяет, усложняет не все предложение, а лишь отдельный член предложения (в данном случае — дополнение). Для структуры всего предложения определение не имеет большого значения*. Строение предложения в целом не меняется в зависимости от того, есть в предложении определение или нет.

Особенностью определения по сравнению с другими второ-

* Особый случай представляют предложения, в которых определение относится к предикативному имени существительному, например: *He is a good doctor* *Он хороший врач*. Нельзя сказать, что сказуемым является здесь только *is a doctor*, поскольку основная мысль здесь заключается не в том, что он доктор, а в том, что он хороший доктор. Следовательно, определение оказывается здесь включенным в сказуемое.

степенными членами предложения является, таким образом, то, что оно не носит характера отдельного, самостоятельно-го члена предложения, подобно дополнению или обстоятельству. Оно составляет единый комплекс, один комплексный член предложения вместе с определяемым.

Итак, наиболее характерным для определения является особо тесная связь с определяемым, с которым оно образует единый комплекс, выступающий в предложении как единое целое. Нередко такой атрибутивный комплекс имеет в качестве эквивалентов простые или сложные слова.

Тесная связь определения с определяемым особенно характерна для английского языка, так как прилагательное, которым обычно выражается определение, в английском языке морфологически слабо отделяется от определяемого. Английское прилагательное не изменяется по родам и числам и, таким образом, не согласуется с определяемым существительным. Согласование, столь характерное для русского языка, почти совсем исчезло в английском (см. § 62). Для английского языка при соединении определения с определяемым вместо согласования характерен прием примыкания (некоторые говорят здесь о «закрывании», т. е. определение к существительному стоит между артиклем или указательным местоимением и существительным). Примыкание же не выражает четко границы между словами и характерно для соединения составных частей сложных слов. (Ср. *русск.* 'нефтелавка' и 'нефтяная лавка'. Различие в этих двух случаях в том, что в первом мы имеем одно слово, а во втором — два. В случае 'нефтелавка' первая часть сложного слова не оформлена как отдельная единица.) В английском языке грань между первым компонентом сложного слова и отдельным словом стала очень зыбка; соединение и в том и в другом случае аналогичное, и поэтому здесь возможен переход от сочетания двух слов к сложному слову без какой-либо ломки: ср. (a) 'black board и (a) 'blackboard. Поэтому в английском языке атрибутивные комплексы характеризуются прочностью связи компонентов. В тех случаях, когда в английском языке определение выражено прилагательным, атрибутивный комплекс очень легко может перейти в сложное слово. Но даже и тогда, когда атрибутивный комплекс состоит из двух существительных, объединенных предлогом, он рассматривается как нечто цельное, например, *the Prince of Denmark*; ср. *the Prince of*

Denmark's tragedy, где этот комплекс трактуется как единое целое (хотя здесь надо учитывать и характерную для английского языка свободу флексии притяжательного падежа-'s).

§ 114. В связи с вопросом об определении остановимся на некоторых особенностях, характерных для английского языка.

Как мы уже говорили (см. § 111), в английском языке есть все основания для того, чтобы рассматривать так называемое обстоятельство образа действия, относящееся к глаголу, как особый вид определения — приглагольное определение. Благодаря неразвитости флексии в английском языке такое определение часто сталкивается со сказуемым, так что может возникнуть вопрос, как трактовать данное слово — как приглагольное определение или как часть двойного процессно-кваликативного сказуемого.

Рассмотрим такие примеры: (1) The rising sun shone brightly и (2) The rising sun shone bright.

В первом случае столкновения со сказуемым не происходит; сама форма brightly показывает, что данное слово является приглагольным определением. Во втором случае происходит столкновение сказуемого и определения. Возникает вопрос: каким членом предложения является слово bright? Является ли оно определением к глаголу и, следовательно, второй приглагольной типовой формой прилагательного наряду с brightly (ведь существуют же приглагольные типовые формы без окончания -ly, например, fast, hard) или же это именная часть двойного процессно-кваликативного сказуемого, в котором полнозначный глагол shone играет роль связки (и тогда bright является присубстантивной формой прилагательного). В последнем случае предложение можно рассматривать как контаминацию двух мыслей: The sun shone + The sun was bright. Два сказуемых — процессное и кваликативное — сливаются в одно, образуя двойное сказуемое, и связкой становится полнозначный глагол. (Ср. в русском языке приводимый Пешковским пример: 'Я эту шинель купил мичманом' = 'Я купил эту шинель + Я был мичманом'.)

Итак, одно и то же явление (признак, принадлежащий предмету и вместе с тем проявляющийся в его действии) может быть представлено по-разному: мы можем приписать его процессу (The sun shone brightly) или предмету (The sun shone bright). При близости присубстантивной и приглагольной

форм прилагательного в английском языке происходит столкновение определения и сказуемого. В русском языке также имеются два способа выражения, но они более четко дифференцируются в связи с большим богатством флексии: ср. 'Он ответил угрюмый' и 'Он ответил угрюмо'. В первом случае характеризуется субъект действия (лицо, дающее ответ), во втором — само действие (сам ответ).

Возможность такого двоякого выражения получает в английском языке особенно широкое распространение. В связи с этим мы часто наблюдаем случаи перенесения признака от предмета к процессу: *She smiled whitely*. Признак, объективно принадлежащий предмету, представлен здесь как характеризующий процесс, т. е. грамматический признак здесь отрывается от предмета и относится к процессу. То же самое мы наблюдаем и в предложениях: *He sat miserably*; *He sat unhappily*, где *miserably* и *unhappily* грамматически относятся к сказуемому, но по существу обозначают признак предмета, характеризуют субъект во время совершения процесса (*He sat and he was miserable*).

Таким образом, по грамматической форме *whitely*, *unhappily*, *miserably* являются прилагательными словоформами и относятся к сказуемому; лексически же они связываются с подлежащим, характеризуют подлежащее. Получается различие между тем, что выражается лексически, и тем, что выражается грамматически, т. е. по грамматической линии мы имеем одну связь, а по лексической — другую*.

Однако это не значит, что грамматическая конструкция вообще не играет роли в выражении лексических взаимоотношений, т. е. что лексические отношения безразличны к грамматическим. Грамматическая конструкция играет существенную роль в выражении мысли. Грамматическое значение определенным образом отражается на осмыслении лексических

* Подобные случаи несовпадения лексических и грамматических связей не единичны в английском языке. Их можно сопоставить, например, с тем, что мы наблюдаем в системе значения одного глагола. Глагол может иметь различное значение, он может быть каузативным и некаузативным, может обозначать действие пассивное и активное, например: *He burnt the letter* и *The fire was burning*; *He sold the book* и *The book sells well*. Однако, хотя лексические отношения между словами здесь различны, грамматическое оформление глагола одинаково, т. е. грамматическое оформление не обслуживает лексического.

взаимоотношений. Это ясно видно при сравнении вышеприведенных предложений: *He sat miserably* и *He sat unhappily* с предложениями *He sat miserable*; *He sat unhappy*. В случае с прилагательными *miserable* и *unhappy* признак предмета представлен как объективно характеризующий предмет независимо от совершаемого им процесса. В случае же с образованиями на *-ly* происходит отрыв признака от предмета. Связь с предметом оказывается более проблематичной. Признак представляется не как объективно присущий предмету, а как воспринимаемый кем-либо, как отраженный в восприятии другого лица. Связываясь с процессом, прилагательная форма на *-ly* (так называемое наречие) уже не столько характеризует факт наличия данного признака у предмета, сколько то впечатление, которое производило на зрителя действие; так что наличие признака могло быть как действительное, так и воображаемое. Это особенно ясно видно в случае с *whitely* в вышеприведенном примере: *She smiled whitely*.

Относя признак предмета к процессу, автор обращает внимание на то, что белизна лица женщины обратила на себя внимание при ее улыбке, т. е. что признак бросился в глаза при процессе. Подчеркивается не столько сам факт бледности, сколько то, что говорящий заметил бледность, что она была воспринята.

Таким образом, грамматическое перенесение признака с предмета на процесс дает возможность выразить дополнительный оттенок мысли, показать, что признак субъекта действия интересует говорящего во время совершения процесса, в сопоставлении с совершением процесса. Хотя функция прилагательной формы в известной мере противоречит здесь ее значению, все же она не становится синонимом присубстантивной формы. Кроме того, употребление прилагательной формы имеет здесь и особый стилистический эффект, придавая некоторую эмоциональность сообщению: перед нами не простая констатация, а эмоциональный рассказ.

Сложный с точки зрения характеристики отношений между словами случай представляют собой предложения типа *It lay deep in the water*.

На первый взгляд *deep* является здесь усеченной прилагательной словоформой и характеризует положение в воде, а, следовательно, должно рассматриваться как прилагательное определение. Такое понимание является традиционным; *deep*

в подобных случаях связывают со сказуемым и считают обстоятельством (т. е. рассматривают так же, как *slowly* или *fast* в предложениях *He spoke slowly; He walked fast*). Однако положение в данном случае осложняется тем, что наряду с приглагольной типоформой *deer* в английском языке существует приглагольная типоформа *deerly*. Это заставляет подойти к *deer* особо. В случае с *fast* или, например, *long* дело обстоит проще потому, что параллельной типоформы на *-ly* там нет. То же самое касается и *hard*, поскольку *hardly* семантически оторвалось от *hard*, и его нельзя рассматривать в современном языке как форму от *hard*.

Рассматриваемый случай является, таким образом, в известной степени аналогичным приведенному выше предложению *The moon shone bright*. Как и в случае с *bright*, здесь возможен выбор формы, так что возникает вопрос, почему в данном случае употребляется одна форма, а не другая: *deer*, а не *deerly*.

Выше, на примере приглагольных словоформ *miserably*, *unhappily* и *whitely* мы видели, что в английском языке возможно противоречие между лексическими и грамматическими отношениями.

Исходя из допустимости такого противоречия, мы должны предположить, что и в рассматриваемом случае с *deer* мы имеем различие между тем, что выражается лексически, и тем, что выражается грамматически. *Deer* по форме как будто бы является присубстантивной формой, а по своему значению оно характеризует не подлежащее, а сказуемое — не предмет, а процесс. Отличие от разобранных выше случаев с *whitely*, *miserably*, *unhappily* заключается в том, что там, наоборот, по форме определения связывались со сказуемым, а по значению — с подлежащим.

Но как и в разобранных выше примерах с *whitely*, *miserably* и *unhappily*, лексические отношения не остаются здесь безразличными к грамматическому выражению. Грамматическая конструкция играет определенную роль в выражении лексических связей. Хотя *deer* по своему значению и связывается с *lay*, все же оно характеризует процесс совсем не так, как, например, *slowly* или *fast* в предложениях *He spoke slowly; He walked fast*. *Deer* не характеризует здесь процесса лежания с качественной стороны (нет такой вещи, как *deer lying*, в отличие, например, от *slow speech* или *quick walk*).

Здесь имеется в виду не качество процесса, а признак более внешний по отношению к процессу, признак обстоятельственного характера, внешние условия протекания процесса. И хотя *deep* теряет здесь основное значение присубстантивной формы, т. е. обозначение явления как признака или качества предмета, тем не менее оно не превращается в обычную приглагольную словоформу, параллельную *deeply*. Оно оказывается отличным по значению от словоформы на *-ly*, так как подчеркивает, что здесь имеется в виду не простое качество данного процесса, а положение самого предмета. Употребленные словоформы *deep* — присубстантивная словоформы — в отличие от словоформы на *-ly* имеет, таким образом, определенный смысловой эффект. Присубстантивная словоформа показывает, что здесь не имеется в виду какой-то вид «лежания», как в случае с *deeply* (ср. *It lay deeply in the water*). *Deep* определяет не сказуемое как таковое, а сказуемое в соединении с подлежащим. Таким образом, здесь характеризуется не просто качество процесса и не просто предмет, а весь комплекс, вся связь предмета с процессом в целом. Глубина в данном случае в равной мере характеризует и то, как предмет лежит, и сам предмет по его положению. *Deep* относится не только к одному какому-то слову — существительному или глаголу, — но ко всему сочетанию подлежащего со сказуемым, ко всему предложению. *Deep* обозначает здесь обстоятельство, условие протекания процесса, а не только признак предмета или признак процесса. При этом здесь происходит сдвиг в значении самой присубстантивной словоформы, которая приобретает значение не *имеющий глубину*, а *находящийся на глубине*. То, что такое переосмысление возможно, видно из примера *Deep are the roots*, где *deep* означает не *имеющие глубину*, так как корни сами по себе глубины не имеют, в отличие, например, от моря или реки и т. п., а *находящийся на глубине*.

Таким образом, и лексически слово *deep* осложняется, расщепляется на *deep имеющий глубину* (*deep river*) и *deep находящийся на глубине* (*It lay deep*).

Если учитывать это изменение в значении *deep*, то можно сказать, что в рассматриваемом случае (*It lay deep in the water*) *deep* является именной частью двойного сказуемого, т. е. *It lay deep in the water* представляет контаминацию *It lay in the water + It was deep*.

Если же сдвига в семантике *deer* не учитывать, то надо говорить, что *deer* в данном случае относится ко всему предложению в целом и не может быть понято ни как часть сказуемого ни как определение к сказуемому, а является обстоятельством, примерно так же, как *there* в предложении *He worked there*, где *there* относится ко всей связи подлежащего и сказуемого. Эти случаи отличаются от тех, где приглагольная словоформа является не обстоятельством, а определением к глаголу, например: *He spoke slowly*. *Deer* по форме, грамматически, отрывается от глагола, а тем самым обращает внимание на то, что здесь определяется не глагол.

Словоформа *deer* не связывается с глаголом как его определение, а занимает более самостоятельное положение — положение обстоятельства.

Таким образом, присубстантивная словоформа употребляется здесь потому, что признак в этом случае рассматривается отдельно от процесса. Это ясно видно из сравнения с *It lay deeply in the water*, где *deeply* и лексически и грамматически связано с глаголом, выступая в роли приглагольного определения, характеризующего процесс. В случае же с *deer* мы имеем не характеристику процесса, не определение к глаголу, а обстоятельство.

Таким образом, в данном случае наблюдается картина противоположная той, которую мы видели в случае с приглагольными образованиями *miserably*, *unhappily* и т. п., когда происходит отрыв словоформы, обозначающей признак, от существительного, в связи с чем и употребляется форма на *-ly*. Связь признака с предметом в результате оказывается проблематичной, признак представляется не как объективно характеризующий предмет, а как воспринимаемый кем-либо. Употребление присубстантивной словоформы в этом случае, наоборот, указывало бы на тесную связь прилагательного с существительным, показывало бы, что речь идет о признаке предмета: ср. *He sat miserable*.

2. МЕСТО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 115. Как указывалось выше, определение относится к словам не как к членам предложения, а как к частям речи. Поэтому, когда говорится о месте определения, имеется в

виду не вообще его место в предложении, а лишь его место по отношению к определяемому слову, т. е. стоит ли определение после определяемого слова или предшествует ему.

Присубстантивное определение

§ 116. Английский язык принадлежит к языкам, имеющим тенденцию ставить определение перед определяемым. В сочетании определения и определяемого основное стержневое слово является последним. Такой способ развертывания мысли от частных признаков к общему понятию характерен для всего строя английского языка, и, в частности, это можно наблюдать в словосложении. Так, например, в сложном слове *railway железная дорога* первый элемент обозначает частный признак, а второй, стержневой элемент, обозначает носителя этого частного признака и определяет класс, в который входит весь комплекс. В других языках, как, например, во французском, развертывание мысли может иметь другое направление — от общего к частному: во французском языке прилагательное обычно следует за существительным.

В английском языке, если определительным словом является прилагательное, то обычно оно ставится перед существительным. Однако в ряде случаев возможны отклонения от этой общей нормы, когда в английском языке определение, выраженное прилагательным, стоит после определяемого существительного. Постпозиция прилагательного может вызываться различными причинами.

1. Прежде всего, следует выделить традиционные устойчивые сочетания, унаследованные большей частью из французского языка, например, *knight errant странствующий рыцарь*, *court martial военный суд*. Эти традиционные комплексы являются калькой с французского языка. По своей семантике эти сочетания представляют собой одно целое, готовый языковой комплекс. Однако это не сложные слова, так как у них нет цельнооформленности. Это слитные речения (фразеологические единицы). Помимо таких устойчивых сочетаний, имеются прилагательные, которые всегда ставятся после существительных, не образуя с ними слитных речений; существительные при этих прилагательных могут меняться. Таким прилагательным является, например, *proper*, сравните:

architecture proper. Порядок слов в данном сочетании является традиционным; особой семантической нагрузки он не несет.

2. Помимо этих традиционных случаев постпозиции, встречаются случаи постпозиции, семантически обоснованной. Любое прилагательное, которое обычно ставится перед существительным, в каких-то особых случаях может ставиться после определяемого существительного, например: *Chillon's dungeons, deep and cold Шильонские подземелия, глубокие и холодные*; *We entered a forest, dark and gloomy Мы вошли в лес, темный и мрачный*.

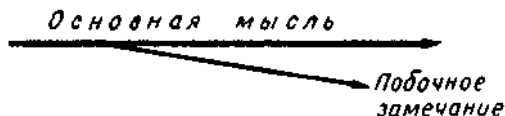
Благодаря постановке прилагательного после определяемого существительного прилагательное обособляется, и связь между определением и определяемым оживляется и представляется не как сама собою разумеющаяся, а лишь как возникающая в данный момент. Так, в приведенных сочетаниях — *Chillon's dungeons, deep and cold* и *We entered a forest, dark and gloomy* — прилагательные не образуют с определяемыми ими существительными тесного комплекса, как это бывает, когда прилагательное стоит перед существительным; связь постпозитивного прилагательного с существительным более свободна, и признак поэтому вводится не как фиксированный заранее, сам собою разумеющийся и присущий данному предмету, а как характерный для предмета именно в данный момент. Такие обособленные прилагательные всегда несут в себе идею сказуемости и являются уже некоторым шагом к образованию придаточного предложения. Они выражают какое-то ответвление мысли и представляют собой как бы неразвернутые придаточные предложения. Такое обособление прилагательных, естественно, особенно характерно для образной поэтической речи. Обособляются обычно не отдельные прилагательные, а группы, состоящие из двух и более прилагательных. Отчасти здесь играет роль и ритмический момент.

3. Но есть целая группа прилагательных, для которых постпозиционное положение является нормой в силу их семантической и грамматической природы. Эту группу составляют прилагательные с суффиксом *-able* и *-ible*, например: *the only person visible, a piece of information not at all reliable*. Особое положение этих прилагательных объясняется их близостью к причастиям.

Причастие, не превратившееся в прилагательное, регулярно

ставится в английском языке после существительного, например: *She did not create the impression desired* Она не создала желаемого впечатления; in the examples given в примерах данных.

Такие положение причастия по отношению к определяемому существительному объясняется тем, что всякое причастие является как бы неразвернутым придаточным предложением. Причастный оборот можно развить не только в придаточное, но даже в самостоятельное предложение. Например: 'Человек, сидящий в углу, читает книгу' —> 'Человек, который сидит в углу, читает книгу' —> 'Человек читает книгу; он сидит в углу'. Причастие имеет как бы оттенок побочной предикативности. Определение, выраженное посредством причастия, дается не готовым заранее, а как бы присоединяется в ходе повествования как побочное замечание как бы мимоходом.

Предложение 'Человек, сидящий в углу, читает книгу' можно понимать как 'Человек ... он сидит в углу ... читает книгу'. Признак, выраженный причастием, воспринимается как глагольный временный признак, и его связь с определяемым существительным является более живой, чем обычная атрибутивная связь, и в этом смысле в ней есть какой-то предикативный оттенок. Связь постпозитивного определения с существительным ближе к предикативной связи, чем связь с существительным определения препозитивного.

Постановке причастия перед определяемым существительным мешает и то, что причастие может иметь при себе дополнение или определение, и при постановке причастия перед определяемым существительным могло бы получиться нагромождение слов, мало понятное в виду неразвитости в английском языке морфологических форм. Однако это момент второстепенный, главным является момент семантический.

Прилагательные с суффиксом -able, -ible являются большей частью производными от глагольных основ. Их можно образовать от любого глагола, подобно тому, как в системе каждого глагола образуются причастия. Даже тогда, когда

эти прилагательные произведены и не от глагола, они все равно приближаются по своим семантическим признакам к причастиям; например, *possible* *возможный* семантически как бы соотносится с *may be может быть*. Получается что-то вроде супплетивных отношений; *may be* так же соотносится с *possible*, как *imagine* *воображать* соотносится с *imaginable* *вообразимый*. Прилагательные с суффиксом *-able*, *-ible* по своей семантике приближаются к причастиям страдательного залога. Они почти являются как бы своеобразными причастиями, выражающими возможность совершения действия. Их почти можно было бы по аналогии с латинским языком рассматривать как своеобразные пассивные причастия возможности. Так же как и у причастий, у прилагательных с суффиксом *-able*, *-ible* можно установить связь с действующим лицом: *reading — that reads, readable — that can be read*. Но как бы близко к глагольным формам не стояли эти прилагательные, они все же не входят в систему глагола, так как они не обладают характерными для глагола синтаксическими функциями. Им не свойственно характерное для глагольных форм управление. За ними не может следовать дополнение с предлогом *by*, обозначающее деятеля: *a letter written by me*. Мы можем сказать *a letter that can be read by me*, но нельзя сказать **a letter readable by me*. Однако, если нам приходится доказывать, что эти прилагательные не являются причастиями, то это уже само по себе говорит, что они близки к ним. И положение таких прилагательных после существительных объясняется их семантической близостью к причастиям.

Определение к имени может выражаться и существительным. Но существительное по своей семантике обозначает предметность, а не признак. И для того, чтобы быть употребленным в качестве определения, существительное должно быть в каком-то особом отношении к определяемому, и только находясь в этом соотношении, существительное может выражать признак.

Поэтому существительное в качестве определения выступает либо в форме особого падежа, либо в сочетании с предлогом: *my father's room, the roof of my house*. (Относительно образований типа *stone wall* см. «Лексикологию английского языка», § 133.)

В английском языке притяжательный падеж (Possessive

Case) существительного трактуется наряду с прилагательным и ставится перед определяемым существительным. Благодаря такой постановке, т. е. благодаря той синтаксической роли существительного, которая вызывает эту постановку (выражение признака), существительное в известной мере теряет свою «предметность». В немецком языке употребление родительного падежа более свободно благодаря тому, что более живо сохранилась система склонения. Что же касается словоформ притяжательного падежа в английском языке, то их место является более строго фиксированным, чем место прилагательного; в этом смысле они приближаются к притяжательным местоимениям. Необходимо учитывать, что сама идея данного падежа исключает предикативность, в результате чего его обособление является невозможным. Притяжательный падеж выражает не качественный признак, а выделяет предмет из ряда других.

Определение, выраженное существительным с предлогом, регулярно ставится после определяемого. Это объясняется ролью предлога, связывающего слова, между которыми он находится. Естественное место предлога это место между словами, отношения между которыми этот предлог выражает. Поэтому поставить предложное сочетание перед определяемым оказывается невозможным. Компоненты такого сочетания как *the roof of my house* *крыша моего дома* менять местами нельзя.

Определение, выраженное посредством инфинитива, тоже ставится после существительного: *He was the first man to tell me that* *Он был первым, кто сказал мне это.*

Инфинитив — именная (субстантивная) категория по своему происхождению; частица *to* по происхождению предлог, и инфинитив естественно ставится на том же месте, что и существительное с предлогом, т. е. после определяемого слова.

Приглагольное определение

§ 117. Приглагольное определение может как предшествовать определяемому глаголу, так и следовать за ним. Однако следует сказать, что в случае с приглагольным определением наблюдается в основном та же тенденция, что и в случае

с определением приименным: нормой является положение определения перед определяемым словом. В положении после глагола приглагольное определение становится наиболее существенной частью сообщения — лексическим сказуемым, и склонно к обособлению. Связь его с глаголом предстает уже не как заранее данная, а как возникающая в данном предложении. Так, предложение *He speaks well Он говорит хорошо* семантически членится не как *He+ (speaks well)*, а как *He+speaks+well*. Главным в сообщении является *well* (признак), а *speaks* является промежуточным звеном.

Поскольку в большинстве случаев бывает именно так, то создается впечатление, что место приглагольного определения — после глагола. Однако приглагольное определение занимает конечное положение потому, что вследствие своей семантики оно часто обособляется. Если же обособления нет, если определение не является наиболее существенной частью сообщения, то оно ставится перед глаголом: *Typical examples have been carefully selected Типичные примеры были тщательно отобраны*.

В данном случае важно, что примеры подобраны, и лишь мимоходом указывается, что подобраны они тщательно. Предложение членится следующим образом: *Typical examples +have been+ (carefully selected)*.

Совсем иной смысл имеет предложение *Typical examples have been selected carefully*, которое членится следующим образом: *Typical examples+have been selected+carefully*.

Здесь подчеркивается тщательность произведенного действия. *Carefully* в данном случае обособляется и несет основную семантическую нагрузку в предложении.

Некоторые слова особенно склонны к предглагольному положению, почти превращаясь в вводные слова. В предложении типа *He wisely refrained from remarks Он мудро воздержался от замечаний* *wisely* не характеризует действие *refrained*, а дает оценку действию со стороны высказывающего.

Очень ярко такая тенденция проявляется в случае со словом *naturally*. Если *naturally* стоит перед глаголом, то оно представляет оценку происходящего со стороны говорящего. Если же оно стоит после глагола, оно определяет то, как он говорил: ср. *He naturally spoke Он, конечно, говорил* и *He spoke naturally Он говорил естественно*.

Итак, конечное положение приглагольного определения,

вызванное особой его семантикой, является обособлением. Тенденция здесь такая же, как в случае с определением приименным: ср. careful selection *тщательный подбор* и carefully selected *тщательно подобрал*.

В тех случаях, когда определение не выражает лексического сказуемого и не является поэтому основной частью сообщения, оно ставится перед определяемым, хотя в зависимости от конкретного значения слов, от речевой ситуации оно может осмысляться по-разному: как характеристика процесса или как общее замечание по поводу ситуации и т. п.

В тех случаях, когда определение выражает лексическое сказуемое, оно ставится после глагола.

Глава X

ОБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТИВНЫЙ ЧЛЕН

§ 118. Как уже указывалось (см. § 99), при анализе предложения нельзя ограничиться стандартной классификацией по членам предложения; очень часто встречаются такие случаи, которые не укладываются в рамки членов предложения, предусматриваемых традиционными грамматиками.

Одним из таких случаев является конструкция с объектно-предикативным членом, который нельзя включить в сказуемое.

Рассмотрим предложение *He painted the door white* *Он выкрасил дверь в белый цвет*.

При анализе этого предложения возникает вопрос, к какому члену предложения мы можем отнести слово *white*.

Сравнивая предложение *The door was white* *Дверь была белого цвета* и *He painted the door white*, мы видим, что в них есть известная семантическая близость. Отношение между *door* и *white* в предложении *He painted the door white* напоминает отношение между подлежащим и сказуемым в предложении *The door was white*. Создается впечатление, что *white* в предложении *He painted the door white* входит в предикацию, давая комплекс *painted white*, где *painted* как бы выступает как связочный глагол, а *white* является своего рода предикативным членом. Но этот предикативный член отличается от обычного «субъектного» предикативного члена, вводимого глаголом-связкой. По содержанию он относится не к подле-

жашему he, а к дополнению door. Предикативный характер white направлен на характеристику дополнения*.

Те же самые отношения мы находим и в предложениях (1) They elected him the secretary of the committee *Они избрали его секретарем комитета*; (2) They named him Tom *Они назвали его Томом*.

Как и в предложении He painted the door white, в вышеприведенных предложениях предикация неполно выражена в самом глаголе. С одной стороны, обозначается определенный процесс, наличествует процессная предикация (they elected him, they named him), но, с другой стороны, приводится дополнительная квалификация (the secretary of the committee, Tom). Так же, как и в случае с white, приводимая квалификация, как было сказано выше, относится не к подлежащему, а к дополнению.

В предложении They named him Tom, named присоединяется к подлежащему, а Tom присоединяется не к подлежащему, а к дополнению. Создается комплекс: him — Tom. Внутри этого комплекса между дополнением him и словом Тот создаются отношения, по содержанию напоминающие отношения подлежащего и сказуемого (но наблюдаются они не по отношению к подлежащему, а по отношению к дополнению). Создается впечатление, что him является своего рода подлежащим по отношению к Тот, т. е. объект играет роль потенциального субъекта по отношению к тому, что обозначено объектно-предикативным членом.

Итак, объектно-предикативный член является самостоятельным членом предложения. Это предикативный член особого рода, который по содержанию относится не к подлежащему, а к дополнению.

В традиционных грамматиках при анализе предложения,

• В курсе лекций за 1945/46 учебный год проф. А. И. Смирницкий помимо объектно-предикативного члена выделял также и субъектно-предикативный член.

Проф. А. И. Смирницкий указывал, что при неполнозначности глагола-связки предикативный член можно считать компонентом самого сказуемого, например, red в предложении The sun was red.

Иначе обстоит дело в предложениях типа The sun rose red, где слово red имеет большую самостоятельность, нежели в предложении The sun was red, и где оно обособляется. В подобных случаях мы можем говорить о субъектно-предикативном члене. (*Примечание редактора.*)

помимо членов предложения, выделяются еще особые конструкции, как-то: инфинитивные, причастные и др.

Одной из наиболее часто выделяемых конструкций является конструкция *Accusativus cum Infinitivo*, состоящая из дополнения (выраженного существительным в общем падеже или местоимением в объектном падеже) в сочетании с инфинитивом: *I saw him run Я видел, как он бежал; They heard him speak Они слышали, как он говорил; They made him go Они заставили его уйти.*

Традиционные грамматики такие конструкции рассматривают как сложное дополнение (*Complex Object*). Однако сочетания *him — run, him — speak* и др. нельзя считать одной неразложимой единицей. Это явное синтаксическое сочетание, свободно воспроизводимое (которое каждый говорящий может образовать), в котором каждый элемент является лексически полноценным. Поэтому необходимо рассмотреть отношения внутри этого комплекса.

Датский ученый О. Есперсен отношения внутри этого комплекса подводит под общее понятие *pexus*, понимая под ним подобие отношений между подлежащим и сказуемым. Однако под этим термином объединяются самые разнообразные сочетания от *him — run* до сочетания *his arrival*. Термин этот, таким образом, ничего не объясняет.

По Есперсену получается, что *him* выступает как не совсем полноценное подлежащее инфинитива, который в свою очередь выступает, как не совсем обычное сказуемое.

Однако, как мы видели (в разделе о подлежащем), подлежащее характеризуется тем, что оно является главным, независимым, центральным членом предложения, на который ориентируются другие члены предложения. В вышеприведенных же сочетаниях *him, his —* явно зависимые, подчиненные члены предложения. Форма *him* (личное местоимение в объектном падеже) показывает, что эта словоформа зависит от глагола (*saw*). Здесь наблюдается зависимость, присущая второстепенным членам предложения.

Может ли инфинитив *run* в комплексе *him — run* рассматриваться как сказуемое?

Со сказуемым связано выражение предикации, так что связь подлежащего со сказуемым носит предикативный характер. В сочетании же *him — run* выражения предикации нет, нет утверждения, заявления. *Run*, являясь неличной

формой глагола, не выражает само по себе ни времени ни модальности, не относит высказывания к действительности; и лишь только от того, в каком времени употреблено сказуемое, будет зависеть осмысление (отнесение его к определенному моменту времени) run: I saw him run; I shall see him run.

Очевидно, что Есперсен исходит из того, что в сочетании him run, him обозначает действующее лицо, а run — действие, и отсюда проводит аналогию между отношениями подлежащего и сказуемого. В самом деле, в этом случае мы имеем обозначение действующего лица и действия, но не это является основным при характеристике отношения подлежащего и сказуемого. Отношения между подлежащим и сказуемым, как мы видели (см. раздел «Сказуемое»), могут лежать вне плана отношений деятеля и действия. Это противоречит данному выше определению подлежащего как слова, от которого зависит сказуемое. Подлежащее начинает пониматься не в грамматическом смысле, а в реальном. Под подлежащим уже понимается не слово, а предмет, который действует или который определяется. Если под подлежащим понимать предмет, который действует, то в предложении This letter is written by my brother надо считать подлежащим (т. е. предметом, который действует) by my brother. На самом же деле грамматическим подлежащим в вышеприведенном примере является this letter, а by my brother, хотя и обозначает деятеля, с грамматической точки зрения является дополнением.

В предложении This is a table при квалификативном сказуемом is a table нет ни обозначения деятеля ни обозначения действия, их нет и в предложении He is here при обстоятельном сказуемом. Мы не находим обозначений деятеля и действия в предложении He resembles his father (глагол to resemble выражает определенное отношение, но не в плане деятеля и действия).

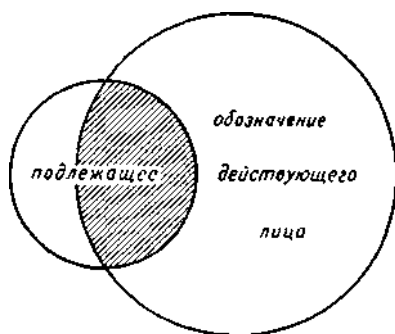
Таким образом, отношения деятеля и действия не обязательны для подлежащего и сказуемого.

С другой стороны, возможны такие словосочетания, в которых выражаются отношения деятеля и действия; их компоненты, однако, ничего общего с подлежащим и сказуемым не имеют.

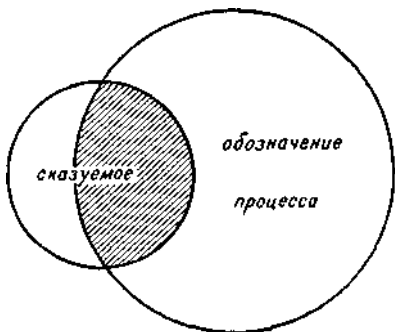
Так, например, в словосочетании the doctor's arrival обозна-

чается отношение действующего лица и действия, но никакого подлежащего и сказуемого в этом словосочетании нет. В предложении *He was seen by them* имеется обозначение деятеля и процесса, но отношения между ними — это отношения сказуемого и дополнения.

Итак, в традиционных грамматиках смешиваются различные типы отношений: с одной стороны, отношение между подлежащим и сказуемым, с другой стороны, — между источником действия — деятелем — и действием — процессом (см. первую схему). Смешение это не случайно: по-видимому, исторически, по своему происхождению, идея подлежащего была связана с представлением о деятеле; в настоящее же время соотношение между тем и другим примерно такое:

Из схемы видно, что грамматическое подлежащее может совпадать с обозначением действующего лица лишь частично. То же самое следует сказать и о соотношении между сказуемым и обозначением процесса:

Отношения между членами синтаксического сочетания типа *him run* по содержанию напоминают отношение между подлежащим и сказуемым, и в этом смысле *him run* сопоставляется с *He runs*, *He is running* и т. п. Однако в словосочетании *him run* компоненты значительно теснее связаны друг с другом, нежели в соответствующих предложениях; связь эта очень сильно отличается от живой предикативной связи подлежащего и сказуемого и, являясь более тесной, выступает в качестве комплетивной связи, т. е. такой связи, которая характерна для второстепенных членов предложения.

Подобные комплексы могут образовываться и в других типах словосочетаний: ср., например, *him in Moscow* в предложении *I found him in Moscow* *Я нашел его в Москве*. В этом случае мы также имеем комплетивную связь, а компонент *in Moscow* здесь выступает на положении объектно-предикативного члена.

Инфинитивные обороты в предложениях типа *I saw him run* часто напоминают случаи с объектно-предикативным членом в предложениях типа *He painted the door white*. В обоих случаях имеются подлежащее, сказуемое и прямое дополнение; в обоих случаях к этому дополнению присоединяется еще одна единица (некий «икс») — *run*, *white* и т. п., в обоих случаях прямое дополнение и присоединяемый к нему «икс» соотносятся с действительностью не самостоятельно, а через посредство сказуемого. И такое предложение, как *I made him run* *Я заставил его побежать*, собственно означает 'Он побежал, так как я его заставил'. Таким образом, отношения между членами комплекса во всех случаях одинаковы, различается лишь семантика входящих в предложение слов.

Рассматривая объектно-предикативный член, проф. Б. А. Ильиш различает отдельные разновидности объектно-предикативных членов. Так, например, он считает различными типами объектно-предикативного члена *run* и *go* в предложениях *I saw him run*; *I hate him go*. Он указывает, что в предложении *I hate him go* слово *go* не может быть оторвано без изменения смысла, и поэтому эта конструкция отличается от конструкции *him run* в предложении *I saw him run*. Однако это обстоятельство в действительности никак не может влиять на определение конструкции. Надо иметь в виду, что никакое слово не может быть изъято из предложения без изменения его смысла: ср. например, 'Я не люблю гнилых

яблок', где опущение слова 'гнилых' существенно меняет смысл предложения, но от этого 'гнилых' не перестает быть определением, как и во всех других случаях.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что объектно-предикативный член является самостоятельным членом предложения. Он отличается тем, что всегда относится к определенному члену предложения — прямому дополнению. Этим он отличается, в частности, и от прямого дополнения, которое не связано ни с каким определенным членом предложения. Что же касается отнесения к действительности, то оно как для дополнения, так и для объектно-предикативного члена осуществляется только через сказуемое.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

1. ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В традиционных грамматиках обычно выделяются следующие четыре типа предложений:

1. Повествовательные (declarative).
2. Вопросительные (interrogative).
3. Повелительные (imperative).
4. Восклицательные (exclamatory)*.

Это широко принятое деление базируется на целенаправленности предложения, независимо от характера выражаемого в нем отношения к действительности.

Основной целевой установкой повествовательного предложения является заявление о чем-то, безотносительно к указанию на действительность, желательность или предположительность сообщаемого факта. Русский термин «повествовательное» менее точно передает характер этого типа предложения, чем английский термин *declarative* («декларативное»), который показывает, что речь идет о заявлении, декларации.

Основной целевой установкой вопросительного предложения является непосредственное побуждение слушателя (читателя) к ответу, к известному речевому акту, связанному с содержанием данного вопросительного предложения. Иначе говоря, целевая направленность такого предложения — вызвать ответ, соотносительный с вопросом.

Основной целью повелительного предложения является побуждение слушателя к действию, например: *Come!*; *Go*. Так же как и вопросительное предложение, повелительное предложение может быть направлено на то, чтобы вызвать у слушателя реакцию в виде речевого акта, например: *Talk!*; *Say!*; *Tell me!* Однако содержание этого речевого акта не будет соотноситься с содержанием повелительного предложения

* См., например, M. Ganshina and N. Vasilevskaya. *English Grammar*. Foreign Languages Publishing House. Moscow, 1951, pp. 259-263.

и не будет ответом на него, как в случае с вопросительным предложением. Сравните следующие примеры:

1. Вопросительное предложение: Where does your father live?

Ответ: He lives in Moscow.

2. Повелительное предложение: Talk!

Ответ: All right, I'll tell you the whole story.

(Ответ, являющийся реакцией на повелительное предложение, не соотносится с ним по содержанию.)

Так как повелительное предложение имеет целью побудить слушателя к действию, то нет принципиальной разницы между повелительными предложениями Come! и Talk!: оба глагола обозначают один из видов человеческой деятельности, и повелительные предложения с этими глаголами имеют целью побудить слушателя к выполнению соответствующего действия.

Рассмотренные три типа предложений различаются, таким образом, не в плане собственно модальности, а в плане целенаправленности предложения, в выражении которой большую роль играет интонация.

Восклицательные предложения не стоят в одном ряду с предложениями повествовательными (декларативными), вопросительными и повелительными, так как любое из вышеперечисленных предложений может быть восклицательным, если оно оформлено интонацией, присущей восклицательному предложению. В грамматике М. Ганшиной и Н.Василевской совершенно правильно подчеркивается, что любое из трех перечисленных типов предложений может быть восклицательным*. Но если это так, то, следовательно, нет основания для того, чтобы выделять восклицательные предложения в особый тип, соотносительный с тремя первыми. Наряду с тремя классами предложений с различной целевой установкой (трихотомия: повествовательные, — или декларативные, — вопросительные и повелительные предложения), следует различать два класса предложений с точки зрения их эмоциональности (дихотомия: предложения эмоциональные и неэмоциональные). При этом предложение любого из предыдущих трех классов может быть как эмоциональным, так и неэмоциональным.

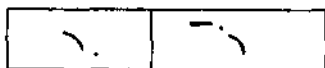
Традиционное деление предложений на четыре класса и выделение восклицательных предложений как особого класса не случайно. Повелительные предложения очень часто носят эмоциональный характер и являются восклицательными, отсюда и создается впечатление, что

* "Any of the above defined kinds of sentences ... may become emotional... and thus turn into an exclamatory sentence." (Idem, p. 263.)

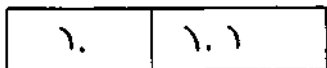
восклицательные предложения можно выделить в особый класс. Таким образом, повелительные предложения создают как бы мост между двумя системами классификации предложений. Однако связь повелительности и восклицательности не обязательна. Не все восклицательные предложения бывают повелительными, так же как и не все повелительные предложения бывают обязательно восклицательными. Связь же повелительности с восклицательностью очень легко достигается при помощи восклицательной интонации (в письме такие предложения оформляются восклицательным знаком).

Итак, в плане выражения эмоции предложения следует делить на два класса: неэмоциональные и эмоциональные предложения. Такое деление очень хорошо показано в грамматике М. Ганшиной и Н. Василевской на примерах:

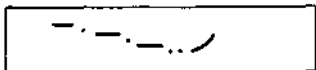
1. 'Mother, 'aunt has 'come.

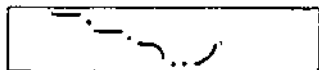
'Mother, ''aunt has 'come!

2. 'Have you 'ever 'seen such a 'thing?

'Have you 'ever ''seen such a 'thing?

В приведенных примерах предложения, одинаковые по целенаправленности, различны по своей эмоциональности. Это различие выражается соответствующей интонацией (что на письме передается соответствующими знаками препинания: точкой и вопросительным знаком, с одной стороны, и восклицательным знаком, с другой).

Выражение эмоции — это как бы вторая линия всякой речи. В речи мы имеем все время две параллельные задачи: интеллектуальную, т.е. передачу определенного содержания, и эмоциональную, т.е. передачу чувств. Эти два момента — выражение мыслей и выражение чувств, при всем их сходстве существенно отличаются друг от друга. С помощью языка можно выразить эмоции, но не это является основной функцией языка. Основная специфика языка заключается в том, чтобы выражать мысли, служить средством общения. Что же касается эмоций, то они могут быть выражены и различными другими средствами: жестом, голосом, криком, смехом, плачем и пр.

В области лексики специфическими единицами для выражения эмоции являются междометия. В области синтаксиса выработались определенные особенности построения предложения. Так, эмоциональные предложения могут иметь особую структуру: *What a nice man!*; *How well he writes!*; *How cold it is!* В таких предложениях используются вопросительные слова: *what*, *how* и др., но предложения эти не имеют вопросительной структуры, а являются повествовательными (декларативными) предложениями. С точки зрения интеллектуального содержания они равноценны предложениям *I have read a nice story*, *She writes well*, т.е. содержат определенное заявление. Однако этому заявлению придается эмоциональная окраска и поэтому оно получает соответствующее синтаксическое оформление. Следовательно, перед нами декларативные эмоциональные предложения.

2. СВЯЗЬ МЕЖДУ ТРЕМЯ КЛАССАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И СЛОВАРНЫМ И МОРФОЛОГИЧЕСКИМ СОСТАВОМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (ДЕЛЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛЕВОЙ УСТАНОВКЕ)

1. Декларативные предложения могут быть самыми разнообразными по своему лексико-морфологическому составу. Они как бы имеют отрицательную характеристику, т.е. они не характеризуются никакими специфическими лексическими или морфологическими средствами. Единственное ограничение, которое касается декларативного предложения — это невозможность использования глагола в форме повелительного наклонения.

2. Вопросительные предложения обладают большей специфичностью в плане использования лексических и морфологических средств, чем декларативные предложения. В составе вопросительных предложений обычно имеются либо специфические слова, либо специфические формы глагола, либо то и другое вместе. Для английского языка характерно наличие в системе глагола специфической морфологической формы для выражения вопроса; например: *Do you know him?*; *What did he tell you?* У таких предложений имеется не только вопросительная структура, но и специфическая вопросительная форма самого глагола, т.е. особая морфологическая форма. Вместо синтетической формы употребляется аналитическая форма со вспомогательным глаголом *do*. Иными словами, в указанном случае мы имеем изменение не только в синтаксическом плане, но и в морфологическом.

В системе английского глагола существует особая морфологическая категория — категория вопроса и заявления, которая складывается из

противопоставления синтетической и аналитической форм. (Подробнее о категории вопроса и заявления см. з «Морфологии английского языка».)

В русском языке нет специфических морфологических форм для выражения вопроса, т.е. вопросительное предложение в русском языке не характеризуется какой-либо специфической морфологической формой. Вопрос в русском языке может выражаться лексическими средствами: с помощью вопросительных слов, местоимений и наречий. В английском языке также имеются лексические способы выражения вопроса: вопросительные слова, местоимения и наречия, например: *When did he come?*; *Whom did he see?* При этом вопрос к подлежащему в английском языке характеризуется лишь лексически, морфологический признак вопроса отсутствует: ср., например, *Who said that?*, где глагол *said* не имеет вопросительной формы и вопрос выражается при помощи вопросительного местоимения *who*.

Итак, вопросительное предложение в английском языке имеет в своем распоряжении как лексические, так и морфологические средства. Однако в некоторых случаях построение вопросительного предложения возможно и без помощи этих средств. Для выражения вопроса можно использовать одну лишь интонацию, например: *You know him?*; *You understand?* Эти предложения не эквивалентны предложениям *Do you know him?*; *Do you understand?* и не являются их упрощением. В том и другом случае выражаются различные тонкие оттенки мысли.

3. Повелительные предложения (их правильнее было бы назвать побудительными) характеризуются специфической морфологической формой глагола — формой повелительного наклонения. Наличие морфологической формы повелительного наклонения глагола достаточно для того, чтобы получить повелительное предложение. Что касается интонации, то она лишь модифицирует значение повелительного предложения. Так, повелительное предложение, произнесенное с мелодией I, выражает повеление, имеет оттенок большей категоричности. Мелодия II придает повелительному предложению оттенок ослабленного побуждения, просьбы.

Вместе с тем, повелительная форма глагола не является единственным способом образования повелительных предложений. Возможны повелительные предложения, не имеющие глагола вообще, например: *All aboard!*; *Hands up!*; *The salt, please!*; *Forward to new victories!*

Эти предложения не следует понимать как недоговоренные, как эллипс, вызванный большой эмоциональностью живой речи; отсутствие глагола здесь является не пропуском его, а способом образования

повелительного предложения. Как бы мы ни старались примыслить глагол, указать точно, какого именно глагола здесь недостает, невозможно.

Существуют различные по своей структуре типы безглагольных повелительных предложений:

Предложения, состоящие из сочетания субстантивного слова с наречием: All aboard!; Hands off!

Предложения, представляющие по своей структуре сочетания типа «наречие+предлог+субстантивное слово»: Forward to new victories!; Down with the war!

Предложения типа: The salt, please!; Some water!

Хотя такие предложения в большей степени производят впечатление усеченности, чем первые два типа, все же усеченными они не являются. Они также представляют собой определенный тип повелительных предложений без глагола в повелительном наклонении. В таких предложениях существительное изолировано. По своему содержанию они являются просьбой сделать что-либо с определенным предметом.

Итак, помимо повелительных предложений, характеризующихся особой морфологической формой — формой повелительного наклонения, — надо выделять и вышеуказанные типы безглагольных повелительных предложений.

*Приложение II**

ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ФОРМ И СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Как уже указывалось выше, между частями речи и членами предложения наблюдается известная связь, а именно: для определенных частей речи характерны определенные синтаксические функции в предложении. Так, для существительного наиболее характерны функции подлежащего

* Материалом для настоящего приложения послужили лекции по теоретическому курсу современного английского языка, прочитанные проф. А. И. Смирницким в МГУ в 1944/45 учебном году. Позднее А. И. Смирницкий не возвращался к большинству вопросов, затронутых в данных лекциях. Поэтому они остались не до конца разработанными. Тем не менее, составители сочли возможным поместить этот материал в качестве приложения, поскольку он содержит ряд интересных оригинальных мыслей А. И. Смирницкого по поводу неличных форм глагола. (Примечание редактора.)

и дополнения, для прилагательного — функции определения и т.д. Это, однако, не значит, что в этих функциях не могут выступать и другие части речи. Части речи могут в отдельных случаях выступать в предложении в таких синтаксических функциях, которые для них не типичны.

1. ИНФИНИТИВ

В английском языке есть такие формы, которые имеют свойства нескольких частей речи. Особенно отчетливо в этом отношении выделяется инфинитив. Инфинитив является формой глагола, но в то же время он имеет некоторые черты, характерные для существительного. В результате этого инфинитив занимает особое место в предложении.

Обычно принято считать, что инфинитив в английском языке выполняет те же функции в предложении, что и существительное, то есть, в первую очередь, функцию подлежащего и дополнения.

Инфинитив, действительно, может выполнять функцию подлежащего, как видно из следующих предложений: *To see the rising of the sun was one of their habits; To be sent was extremely difficult.*

Те же случаи, когда инфинитив рассматривается как дополнение, вызывают сомнение. В английском языке инфинитив выступает не как обычное дополнение: для этого он недостаточно предметен; он просто стоит на месте дополнения, то есть обычно следует за глаголом, так же как и существительное в функции дополнения. Отличие инфинитива от обычного дополнения, выраженного существительным, проявляется, в частности, в том, что инфинитив часто влияет на значение сочетающегося с ним глагола в личной форме.

Сравним предложения: *I want to speak to you* и *I want some bread*. Обычно в предложении типа *I want to speak to you* — *to speak* принято рассматривать как дополнение — так же как и *some bread* во втором предложении, — так как и то и другое отвечает на вопрос *what? что?* Однако, если сравнить эти предложения, то мы убедимся, что значение глагола *want* меняется в зависимости от того, следует ли за ним инфинитив или существительное. В первом случае *want* означает *желание*, во втором — *потребность*.

Сравним еще два предложения: *I like to sing* и *I like songs*. Первое означает *Я люблю петь (сам)*, второе — *я люблю песни (вообще)*. Как мы видим, инфинитив, стоящий на месте дополнения, является более тесно связанным с глаголом в личной форме, более неотделимым от него, чем дополнение, выраженное существительным. Это отражается в том, что процесс, обозначенный инфинитивом, имеет того же деятеля, что и процесс обозначенный глаголом в личной форме. Таким образом,

различие между инфинитивом и существительным в функции дополнения может проявляться не только в изменении значения глагола в личной форме, но и в более тесной связи инфинитива с подлежащим.

Кроме того, инфинитив часто встречается в сочетании с глаголами, которые вообще не принимают дополнения. Это, прежде всего, относится к модальным глаголам, которые не могут сочетаться с существительным и сочетаются только с инфинитивом, например, *I must go*. Более того, модальные глаголы могут употребляться самостоятельно лишь в том случае, если инфинитив подразумевается после них. Инфинитив в сочетаниях с модальными глаголами выполняет особую роль. Он обозначает процесс, который раскрывает содержание глагола в личной форме, т.е. в данном случае (*I must go*) выражает содержание необходимости. В сочетании с модальным глаголом инфинитив обычно рассматривается как часть составного сказуемого. Так же следует рассматривать инфинитив и в сочетании с личными формами глагола в вышеприведенных примерах (*I want to speak; I like to sing*), где его обычно считают дополнением.

Итак, в предложении *I want to speak* следует выделять как сказуемое *want to speak*. Это сказуемое состоит из двух частей: личной формы глагола и именного члена — *to speak*. Это сочетание в целом обозначает общее состояние субъекта. Обе части сказуемого семантически связаны с подлежащим, т.е. сочетание *want to speak* показывает, что если желание лица, обозначенного подлежащим *I*, осуществится, то говорить будет то же лицо, т.е. я. Аналогично, в предложении *I must go* — *must go* представляет собой единое целое, обе части которого непосредственно связаны с подлежащим *I*. Разница между сказуемым *must go* и *want to speak* заключается лишь в том, что в *want to speak* обе части сказуемого (*want* и *to speak*) одинаково весомы семантически, тогда как в *must go* главный семантический центр совпадает с глаголом *go*.

Во всех разобранных случаях в сочетании с личной формой глагола инфинитив образует тесное единство, он развивает содержание глагола в личной форме. Так, в вышеприведенном примере *I want to speak to you* — *to speak* показывает, что является содержанием желания, обозначенного глаголом *want*. Именно такая роль инфинитива и объясняет наличие случаев, когда инфинитив, в силу недостаточной семантической насыщенности сочетающегося с ним глагола, является обязательным его сопроводителем (например, в случае с модальными глаголами).

Возможны случаи, когда глагол в личной форме настолько семантически насыщен, что сам по себе представляет сказуемое предложения (простое сказуемое). Тогда инфинитив, следующий за личной формой

глагола, уже не будет являться частью составного сказуемого. Его следует рассматривать как особый отдельный член предложения, развивающий содержание предшествующего слова. Этот член предложения можно было бы назвать «изъяснением» (Extension).

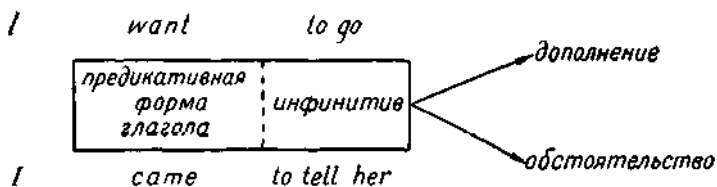
Такая трактовка инфинитива облегчает понимание многих сложных случаев использования инфинитива.

Так, в предложениях типа *He awoke to find her house in flames* на первый взгляд мы имеем особый случай употребления инфинитива, отличающийся от вышеприведенного (ср., например, *I like to sing*), так как сочетание *awoke to find* не составляет такого тесного комплекса, какой мы видели в предыдущих примерах. Однако при ближайшем рассмотрении мы наблюдаем определенное сходство между этими двумя примерами. В грамматическом плане здесь, как и в предыдущих примерах, выступают два действия, из которых второе (*to find*) как-то зависит от первого (*awoke*). Самый же характер зависимости инфинитива от глагола в личной форме определяется лексическим значением этих глаголов. В этом смысле отношение между личной формой глагола и инфинитивом в значительной степени напоминает отношение, устанавливаемое между словами при помощи предлога *of*. *Of* выражает лишь то, что одно слово служит определением другого, более же конкретно эта связь определяется семантикой слов, связываемых посредством предлога *of*.

По-видимому, и в тех случаях, когда инфинитив имеет целевую окраску, например: *He came to tell her*, он представляет собой по существу не обстоятельство цели, как принято считать, а образует тесное единство с глаголом в личной форме, развивая его содержание.

По своему содержанию инфинитив, относящийся к глаголу в личной форме, может приближаться либо к дополнению, либо к обстоятельству.

Графически это можно представить при помощи следующей схемы:

Аналогичным образом инфинитив может развивать далее содержание и других частей речи, например прилагательного. Так, в предложении *I am glad to see you* инфинитив нельзя трактовать как допол-

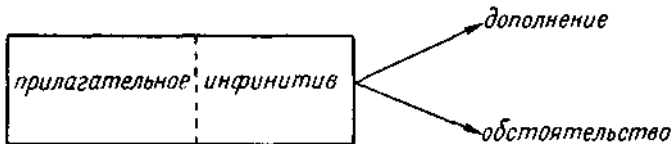
нение к прилагательному glad (которое, кроме того, вообще не сочетается с беспредложным дополнением), а лишь как особый член предложения — изъяснение, — развивающий содержание прилагательного. В предложении I am glad to see you инфинитив нельзя также рассматривать и как обстоятельство причины, как иногда объясняют здесь функцию инфинитива, ссылаясь на то, что инфинитив отвечает здесь на вопрос why? В действительности, ответом на вопрос Why are you glad? было бы Because I see you. Инфинитив же как бы раскрывает содержание, наполняет содержанием то слово, к которому он относится. Инфинитив показывает, что является содержанием радостного состояния.

Точно так же в предложении She was the first to see us инфинитив to see развивает мысль, выраженную the first. Вместе с тем, связь инфинитива с определяемым словом носит здесь более тесный характер, чем в предложении I am glad to see you, приближаясь к атрибутивной. По содержанию же в данном примере наблюдается некоторый сдвиг в сторону обстоятельства, что более ярко проявляется в примерах типа I have a new coat to wear; This is a fine book to read; He has got a large room to live in.

Итак, аналогично сочетанию с личной формой глагола инфинитив в сочетании с прилагательным и другими частями речи развивает содержание сочетающихся с ним слов, причем это развитие в семантическом плане может идти либо в сторону дополнения, либо в сторону обстоятельства.

Графически это можно проиллюстрировать при помощи следующей схемы:

Her face is pretty to look at

Особенно четко выступает функция инфинитива как развивающего содержание предшествующего сочетания слов или слова, когда в состав этого сочетания входят такие слова, как such as, too, enough и т. д., например: Ten days later he was well enough to leave the hospital; His tone was such as to allow no contradiction. Обычно в таких случаях инфинитив рассматривается как обстоятельство следствия. Однако это неправильно. Инфинитив, так же как и в рассмотренных случаях, выражает внутреннее содержание предшествующего слова или словосочетания.

Во втором примере инфинитив как бы наполняет содержанием слово *such*, к которому он относится и с которым связан через *as*.

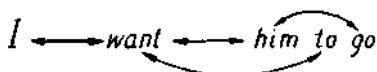
В общем можно сказать, что функцией инфинитива в предложении, таким образом, является дальнейшее раскрытие содержания того слова, к которому инфинитив относится, т. е. функция изъяснения, конкретные же отношения между инфинитивом и сочетающимися с ним словами определяются семантикой этих слов и инфинитива. От семантики слов, входящих в состав сочетания с инфинитивом, зависит, приближается ли инфинитив в этих сочетаниях по значению к значению определения, дополнения или обстоятельства.

Особо следует остановиться на функции инфинитива в следующих двух конструкциях:

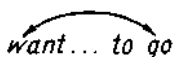
1. Инфинитив D так называемом обороте *Accusativus cum infinitivo**. — В так называемом обороте *Accusativus cum infinitivo*, например в предложении *I want him to go*, наблюдается нарушение обычного правила, согласно которому инфинитив в сочетании с личной формой глагола семантически связан с тем же словом, что и личная форма глагола. В данном примере инфинитив *to go* относится к *him*. Между лицом, обозначенным местоимением *him*, и процессом, обозначенным инфинитивом *to go*, — отношение деятеля и действия. О. Есперсен называет такое отношение «нексус» (*nexus*)**. Создается впечатление, что *to go* непосредственно относится только к слову *him* и связь его с *want* осуществляется только через это *him*. Однако рассматривать связь между *to go* и *want* как связь инфинитива с личной формой глагола через дополнение *him* нельзя, так как *want* имеет здесь тот же смысловой оттенок, как и при непосредственной связи с инфинитивом (ср. *I want to go*), т. е. инфинитив *to go* имеет в данном случае двустороннюю связь: он одновременно связан с личной формой глагола *want*, выступающего в роли сказуемого, и с местоимением *him*, играющим роль дополнения. Графически это можно изобразить следующим образом:

* В курсе лекций за 1944/45 учебный год проф. А. И. Смирницкий еще употребляет термин *Accusativus cum infinitivo*, поскольку он применялся во всех традиционных грамматиках того времени. Термин этот подвергался критике в лекциях последующих лет, что и нашло отражение в настоящем издании в разделе «Объектно-предикативный член». (*Примечание редактора*).

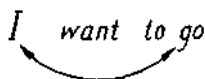
** Критику теории «нексус» О. Есперсена см. в разделе «Объектно-предикативный член».

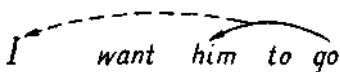
Здесь глагол *want*, с одной стороны, связан с инфинитивом, а, с другой стороны, инфинитив *to go* связан с дополнением *him*. В приведенном примере связь инфинитива с глаголом в личной форме

имеет, по существу, то же значение, что и в предложении без дополнения — *I want to go* *Я хочу «движения»*. Данный глагол движения (*to go*) по своему значению мыслится только в связи с каким-то другим деятелем. Если в предложении иного обозначения деятеля, кроме подлежащего, нет, то инфинитив связывается с подлежащим, например:

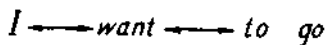

Если же появляется обозначение другого деятеля, то связь инфинитива с подлежащим разрывается. Графически это можно представить так:

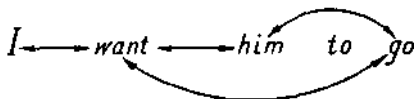

Сплошная дуговая линия, соединяющая инфинитив с дополнением (*him*), указывает на непосредственную связь, прерывистая дуга, идущая от инфинитива (*to go*) к подлежащему, указывает на разрушенную связь.

Инфинитив относится к подлежащему в том случае, если нет другого слова, обозначающего лицо, к которому он мог бы быть отнесен. В то же время он связан и с глаголом. Получается следующая схема связей:

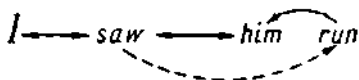
В конструкции

получается как бы связь «петлей». Связи между словами *I*, *want* и *him*

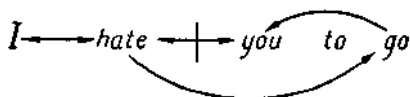
идут последовательно; связь же между want и to go и между to go и him идет как бы возвращаясь, образуя «петлю». В зависимости от лексического значения слов линии связи между ними могут быть более или менее четкими. В данном случае обе линии круговой связи равносильны, одинаково отчетливы.

Несколько по-другому выступают эти связи в предложении:

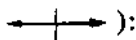

I saw him имеет полное значение и без инфинитива run. Связь между глаголом saw и him очень ясна, тогда как связь глагола saw с инфинитивом run слаба и второстепенна.

Иначе выступают эти связи в предложении:

Графически это предложение построено аналогично двум предыдущим, но фактически оно сильно отличается от них. Взятое в отдельности, I hate you противоречит всему смыслу предложения, т. е. семантическая связь между hate и you нарушается (на схеме это показано с помощью перечеркнутой стрелки

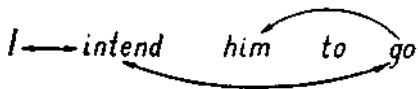

hate связано по смыслу не с you, а с to go; предложение осмысляется как I hate to go в отношении к you, т. е. I hate your going.

Этот последний пример поясняет, почему глаголы, не допускающие прямого дополнения, сочетаются с оборотом так называемым *Accusativus cum infinitivo**.

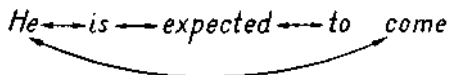
* В лекциях, прочитанных в 1948/49 учебном году, проф. А. И. Смирницкий, анализируя различные виды конструкций так называемого *Accusative cum infinitivo*, приходит к выводу, что как ни разнообразны они по своему лексическому содержанию, тем не менее они все объединяются по своей грамматической структуре. Инфинитив, с точки зрения синтаксической функции, в подобных оборотах является объектно-предикативным членом. Подробнее см. об этом в разделе «Объектно-предикативный член». (Примечание редактора.)

Например, глагол *intend* не допускает прямого дополнения, но может употребляться в обороте *Accusativus cum infinitivo*, так как связь с дополнением здесь идет как бы в обратном порядке через инфинитив:

Him является здесь мнимым дополнением по отношению к интранзитивному глаголу *intend*.

2. Инфинитив в так называемом обороте «сложное подлежащее», или *Nominativus cum infinitivo*. — В качестве примера такого оборота можно привести предложение:

Здесь инфинитив связан и с подлежащим (*he*) я со сказуемым (*is expected*); *he* — единственное обозначение деятеля в этом предложении, и с ним семантически связывается инфинитив. На основании семантических связей, *he* и *to come* в подобных предложениях рассматривают — вслед за Есперсеном — как комплекс, «сложное подлежащее». Тем не менее, при всем его кажущемся своеобразии приведенное предложение синтаксически ничем не отличается от предложения *He wants to come*, в котором наблюдаются те же самые семантические связи: *He* — wants — to come. Однако вопрос о сложном подлежащем *he... to come* здесь не ставится. Инфинитив *to come* в этих предложениях играет аналогичную роль: он раскрывает содержание глагола в личной форме и входит в состав сказуемого. Разница между предложением *He is expected to come* и предложением *He wants to come* состоит лишь в том, что в первом глагол стоит в форме страдательного залога, а во втором — в форме действительного залога; что же касается так называемой некусной связи О. Есперсена, то она характерна как для первого, так и для второго предложения (связь деятеля с действием).

Таким образом, нет никаких грамматических оснований для выделения такого типа подлежащего, как в предложении *He is expected to come*, в особый тип подлежащего; подлежащее здесь ничем не отличается от подлежащего в предложении *He wants to come*.

Функция инфинитива в предложениях с it

В предложениях типа *It is necessary to do it* обычно подлежащим считают инфинитив (в данном случае *to do*). Об *it* же обычно говорят, что оно не имеет самостоятельного значения и лишь вводит подлежащее

(так называемое anticipatory it). Однако такое толкование является искусственным. Если бы подлежащим было to do, то говорили бы* To do it is necessary. В конструкциях же типа It is necessary to do it единственным подлежащим является it, которое обозначает общую ситуацию необходимости. Инфинитив раскрывает содержание этой необходимости. Таким образом, функция инфинитива здесь та же, что и в рассмотренном выше случае.

Иногда в предложениях такого рода указывается деятель, связанный с действием, обозначаемым инфинитивом. Например, в предложении

It is necessary for him to do this

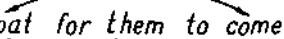

ситуация необходимости соотносится с определенным лицом, обозначенным предложным сочетанием for him. Условно for him можно назвать предложным дополнением. Далее содержание необходимости уточняется инфинитивом to do. Между этими двумя элементами — for him и to do, — которые связаны с ситуацией — it is necessary, — устанавливается некусная связь (т.е. связь деятеля с действием). Эта связь оказывается настолько прочной, что for him to do начинает восприниматься как единое целое.

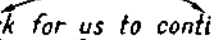
Комплекс с инфинитивом (for-phrase) может встречаться и в других случаях, например: We sent a boat || for them to come to the shore; The night was too dark || for us to continue our journey.

В приведенных примерах — так же как и в предложении It is necessary for him to do it — for us to continue и for them to come образуют «некус» и представляют собой тесное единство. Единство этого комплекса подчеркивается также тем, что каждый из его элементов — for us и to continue, for them и to come — связывается с одним и тем же предшествующим словом или словосочетанием (a boat и too dark), т.е. связь идет по двум линиям:

We sent a boat for them to come

The night was too dark for us to continue our journey

Как мы видим, во всех комплексах с инфинитивом наблюдается круговая связь, как бы смысловая петля:

It is necessary — for him to do it

We sent a boat for them to come

The night was too dark for us to continue our journey

(Ср. с вышеразобранным предложением *I want him to go*
стр. 269.)

2. ГЕРУНДИЙ

По сравнению с инфинитивом герундий носит более субстантивный характер. Это наиболее ярко выраженная именная форма глагола. В отличие от инфинитива герундий допускает при себе предлоги, определения в Possessive Case, притяжательные местоимения. Кроме того, он может играть в предложении роль прямого дополнения. По своей роли в предложении герундий менее своеобразен, чем инфинитив. Герундий не играет какой-то особой роли, а выполняет те же синтаксические функции, что и существительное. Так, например, в предложениях *I like reading; This is used for reading (lectures)* герундий выступает соответственно как прямое и как предложное дополнение.

Когда герундий сочетается с глаголом, он не составляет с ним такого целого, как это происходит в случае сочетания глагола с инфинитивом. Герундий употребляется более свободно, чем инфинитив, он может сочетаться с большим числом глаголов. Однако в отдельных случаях герундий может оказаться в более тесном сочетании с глаголом, чем обычно, например: *She delayed answering.*

Иногда сочетание делается более тесным и по смыслу и по своему грамматическому характеру, как, например, в предложении *He burst out laughing.* В этом предложении форма *laughing* напоминает причастие. Предложение это можно понять как «Он *разразился, смеясь*». Субстантивный характер герундия здесь ослабляется (*burst out* не может сочетаться с существительным).

В некоторых случаях бывает даже трудно решить, чем является данная глагольная форма — герундием или причастием. Например, в предложениях *He continued speaking; He came running.*

Для восприятия англичанина неважно, причастие это или герундий, воспринимается ли *speaking* и *running* в виде признака или предметно

в виде дополнения. Speaking и running вместе с глаголами continued и came составляют известное единство, обозначающее единый процесс.

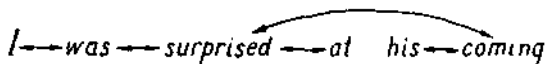
Герундий может сочетаться с прилагательным, образуя с ним тесный комплекс, например: That's worth seeing; She was busy preparing her lessons.

Характер герундия в приведенных предложениях не тождественен. В первом предложении субстантивный характер seeing выступает вполне отчетливо, т.к. прилагательное worth может сочетаться с существительным в качестве прямого дополнения, например: It's worth the time spent on it.

Прилагательное же busy не может сочетаться с существительным в качестве прямого дополнения и поэтому субстантивный характер глагольной формы на -ing во втором примере ощущается слабее, чем в первом примере. В данном случае эта форма воспринимается как переходная между герундием и причастием.

При выражении деятеля при герундии употребляется притяжательное местоимение или существительное в притяжательном падеже: I was surprised at his coming; I was surprised at John's coming.

Различие между инфинитивом и герундием в отношении их к другим членам предложения в этом случае очень значительно. Той круговой связи, которую мы наблюдали при инфинитиве, при герундии не получается.

His связано только с coming.

Для обозначения отношений между герундием и притяжательным местоимением или притяжательным падежом Есперсен пользуется термином «нексус», так же как и для обозначения отношений между инфинитивом и существительным или объектным падежом местоимения в случаях типа I saw him run и т.п. Однако следует подчеркнуть, что с грамматической точки зрения отношения между глагольной формой и существительным или местоимением здесь различны. С грамматической точки зрения his в his coming или John's в John's coming являются простым определением. Связь между действием и деятелем здесь представлена в виде принадлежности (действие принадлежит деятелю).

Если в предложениях I was surprised at his coming, I was surprised at John's coming вместо притяжательного местоимения his употребить личное местоимение в объектном падеже — him, а вместо притяжательного падежа существительного — общий падеж, конструкция приобретает

своеобразный характер: I was surprised at him coming, I was surprised at John coming.

Эти конструкции можно понять как *Я удивился ему приходящему* и *Я удивился Джону приходящему*. Субстантивный характер герундия здесь ослабляется и получается то, что Суит называет полугерундием (Half-gerund — форма, переходная между причастием и герундием). Эта десубстантивизация герундия связана с приближением его к причастию, когда в самой большой степени проявляется глагольный характер герундия.

Все же надо различать герундий и причастие не только формально, но и по смыслу.

Два одинаковых по форме примера — I was surprised at him coming и I did not notice the train stopping — могут быть поняты различно. Это различие зависит от того, что понимается как дополнение — форма на -ing или местоимение (существительное). Если в качестве дополнения воспринимается местоимение или существительное (в наших примерах him или the train), то следующая за ними форма на -ing (coming или stopping) может восприниматься как определение к him или the train.

Если же объектная направленность целиком относится к форме на -ing, то местоимение (или существительное) воспринимается как определение.

Если сравнить предложения:

I was surprised at his — coming
I was surprised at him — coming

то в первом предложении ощущается связь между was surprised и coming, his же связано только с coming; таким образом кольцевой связи не получается.

Во втором же предложении наблюдается связь как между was surprised и him, так и между was surprised и coming, т.е. получается кольцевая замкнутая связь.

Так же, если сравнить два предложения:

I didn't notice the train's — stopping
I didn't notice the train — stopping

то в первом наблюдается связь между notice и stopping; the train's не связано непосредственно с notice, а включается в предложение лишь через связь с stopping, само же stopping связано с notice. Таким образом, в первом предложении связь не кольцевая.

Во втором же предложении опять наблюдается круговая замкнутая связь между notice и the train, и notice и stopping.

Таким образом, при замене притяжательного местоимения на личное (в данных примерах — his на him) и притяжательного падежа на общий падеж (в данных примерах — the train's на the train) получается замкнутая связь, и сочетания him coming и the train stopping можно уже рассматривать как «комплексный объект»*. Формы же coming и stopping в him coming и the train stopping обычно называют полугерундием или «слитным причастием» (Fused Participle).

Помимо роли в предложении, герундий и инфинитив различаются тем, как они сочетаются с другими словами. Они не различаются по характеру сочетаемости с последующими словами, но по-разному сочетаются с предыдущими словами. По отношению к словам, зависящим от них (т.е. следующим за ними), как инфинитив, так и герундий имеют глагольный характер, т.е. могут иметь прямое дополнение, определяться наречием и т.д.

Своеобразная зависимость инфинитива от предыдущих слов уже рассматривалась выше (см. раздел «Инфинитив»).

Зависимость герундия от предыдущего слова является по существу именной (т.е. такой же как у существительного); иначе говоря, как и существительное, герундий может иметь определение в форме притяжательного местоимения или притяжательного падежа имени существительного и может соединяться с предшествующими словами посредством предлога.

Как уже указывалось выше, деятель при инфинитиве выражается особо (в виде дополнения при личной форме глагола; см. раздел «Инфинитив»); при герундии же деятель выражается не в виде дополнения, а в виде possessивного определения. Как только теряется связь между формой на -ing и деятелем, обозначенным в форме атрибута, форма на -ing теряет свойственную ей герундиальную окраску.

* В курсе лекций, прочитанных в 1948/49 учебном году, проф. А. И. Смирницкий, анализируя форму на -ing в подобном сочетании, называет ее объектно-предикативным членом; см. раздел «Объектно-предикативный член». (*Примечание редактора.*)

Сочетаемость инфинитива и герундия с предыдущими словами и сочетаемость их с последующими словами можно графически изобразить следующим образом:

3. ПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Обычно причастия играют роль определения. Однако в некоторых случаях может возникнуть вопрос, нельзя ли рассматривать причастие не как определение, а как обстоятельство; например в таком предложении, как *He stood smoking* (ср. *русск.* 'Он стоял, куря').

С грамматической точки зрения представляется несомненным, что такие причастия в английском языке следует рассматривать как определения.

Предложение *He stood smoking* осмысливается грамматически как *Он стоял курящим*.

Дело в том, что в английском языке есть способ образования наречий на *-ly* от прилагательных, но в отношении причастий этот суффикс не оказывается в таких конструкциях продуктивным, т.к. не ощущается потребности осмысливать форму на *-ing* в таких случаях как связанную с глаголом, то есть как определение к глаголу.оборот с причастием

следует трактовать здесь как построенный по образцу оборотов с прилагательным: ср. He stood pale.

С точки зрения синтаксического анализа причастие является именной частью сказуемого, а глагол в личной форме выполняет не только функцию самостоятельного сказуемого, но и глагола-связки, т.е. мы имеем здесь дело с двойным процессно-кваликативным сказуемым. Атрибутивный же характер причастия имеет в том смысле, что определяет не глагол stood, а местоимение he, являющееся подлежащим. Особенности синтаксической роли причастия проявляются и в тех случаях, когда причастие относится к дополнению, например: I found him reading.

Если разобрать подобные причастные обороты с точки зрения связности отдельных слов в предложении, подобно тому, как мы рассматривали выше инфинитивные и герундиальные обороты, то оказывается, что причастная конструкция может появиться только тогда, когда с глаголом в личной форме семантически связано лишь слово, обозначающее производителя процесса, но не связано действие, обозначенное причастием, например: I found \longleftrightarrow him \longleftrightarrow playing.

В том же случае, если действие, обозначенное формой на -ing, семантически связано с глаголом в личной форме, форма на -ing субстантивизируется и теряет характер причастия. Причастные обороты характеризуются, таким образом, отсутствием кольцевой связи. Следовательно, своеобразие причастного оборота, по сравнению с определением, выраженным прилагательным, заключается лишь в том, что определение, выраженное причастием, обычно стоит после определяемого слова, например: I found \longleftrightarrow **him** \longleftrightarrow playing.

Причастная конструкция противоположна герундиальной. Хотя в герундиальной конструкции также не бывает кольцевой связи, однако, там форма на -ing обязательно должна зависеть от глагола в личной форме; в причастном же обороте форма на -ing никогда не зависит от личной формы глагола (если причастный оборот представляется в чистом виде), например: I like Robeson's singing.

Иногда бывает трудно решить, как рассматривать форму на -ing — как герундий или как причастие; например: I heard somebody knocking at the door. Это случай, когда грамматисты рассматривают форму на -ing как полугерундий или «слитное причастие». В аналогичных примерах форма на -ing объективно двузначна, поэтому субъективно ее возможно рассматривать по-разному — либо как полугерундий, либо как «слитное причастие». Эта форма сближается с герундием, поскольку налицо связь между глаголом в личной форме и формой на -ing (heard knocking),

однако она напоминает и причастие, благодаря наличию связи между местоимением (somebody) и глаголом в личной форме (heard).

Таким образом, в так называемом полугерундии как бы сливаются две противоположные формы. Поэтому эта конструкция приобретает черты, общие с инфинитивом.

Если сравнить два предложения: I said that smiling и I found him playing, то можно легко обнаружить, что разница между ними заключается в том, к чему относится причастие. Как и обороты с инфинитивом, при отсутствии дополнения причастие, трактуемое как прилагательное, относится к подлежащему. Если же есть дополнение, причастие связывается с дополнением. That в первом предложении нельзя считать дополнением, к которому может относиться причастие smiling просто по смыслу. По характеру предложение He said that smiling аналогично He said smiling, где smiling относится к he.

4. АБСОЛЮТНЫЕ ОБОРОТЫ. ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ NOMINATIVE ABSOLUTE

Так называемые абсолютные обороты — это причастные конструкции, в которых причастие не имеет грамматического отношения ни к какому слову основной части предложения, например: Weather permitting, we start to-morrow.

В приведенном примере weather permitting представляет собой эквивалент If-Clause, отличающийся от If-Clause тем, что в нем нет настоящего сказуемого. Такие конструкции развились из косвенных падежей (ср. латинский Ablativus absolutus). Первоначально это было обстоятельством, и существительное и причастие стояли в соответствующем падеже. Постепенно этот оборот выделяется из состава предложения, так что падеж уже теряет значение, и связь с предложением основывается исключительно на семантике. В приведенном примере налицо условная связь.

Абсолютные обороты в системе английского языка связаны с описательными безглагольными неполными предложениями, например: a large house, dark windows. Такие предложения представляют опору для абсолютной конструкции, которая также употребляется для того, чтобы называть предмет, что-то констатировать. Это дает право с грамматической точки зрения рассматривать абсолютные конструкции как неполные, недоразвитые предложения, входящие в состав главного предло-

жения. Само собой разумеется, что нельзя полностью отождествлять «абсолютные конструкции» с безглагольными неполными предложениями. Между ними имеется лишь определенное сходство: ср. *weather permitting* и 'погода благоприятная' (здесь речь идет об условии, при котором состоится наш отъезд завтра).

Логическая связь «абсолютных конструкций» с назывными предложениями подтверждается возможностью образования «абсолютных конструкций» без причастий, с прилагательными и наречиями например: *Lectures over, we went home*; *He spoke, his face red*; *He fought, sword in hand* (застывшее выражение).

Причастные абсолютные конструкции характерны для книжного стиля, абсолютные же непричастные обороты употребляются гораздо свободнее. Таким образом, хотя конструктивно они близки друг другу, их роль в стилистическом плане совершенно различна.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

ЧАСТЬ I - СОДЕРЖАНИЕ И ЗАДАЧИ ГРАММАТИКИ

ГЛАВА I - ЯЗЫК И РЕЧЬ

§ 1. Наука и предмет науки	5
--------------------------------------	---

1. Речь

§ 2. Речь как соединение звучания и значения	5
§§ 3-5. Акт речи	6
§ 6. Речь	9
§§ 7-9. Формы речи	10
§ 10. Реализация речи	11

2. Язык

§ 11. Язык как средство общения	11
§§ 12-13. Разграничение между языком и речью.	12
§ 14. Критерии выделения единиц языка	14

ГЛАВА II - ГРАММАТИКА И ЛЕКСИКОЛОГИЯ

1. Единицы языка

§ 15. Лексические и грамматические единицы	16
§ 16. Слова, морфемы, фразеологические единицы	16
§ 17. Интонационные единицы	16
§ 18. Формы	18
§ 19. Лексемы	20
§ 20. Словоформы	21
§§ 21-24. Парадигмы	21
§§ 25-26. Основа	26

§ 27. Типоформы	27
§ 28. Парадигматическая схема	28
§ 29. Категория	28
§§ 30–34. Категориальная форма	30
§ 35. Словесные категории и категориальные разряды слов	33
§ 36. Члены предложения	34
§ 37. Интонационно-строєвые единицы	35
2. Разграничение между лексическими и грамматическими единицами	
§ 38. Соотношение между единицами языка	36
§ 39. Разграничение между лексическими и грамматическими единицами.	40
§ 40. Признаки грамматической единицы	44
§ 41. Предмет грамматики и предмет лексикологии	47
ГЛАВА III - ПРЕДМЕТ СИНТАКСИСА	
§§ 42–44. Предмет синтаксиса	48
§ 45. Учение о словосочетании и учение о предложении	50
§ 46. Интонация	50
§ 47. Роль предикативной (личной) формы в образовании предложения.	52
§ 48. Фразеологическая сочетаемость	53
§ 49. Последовательность изложения синтаксиса	54
ЧАСТЬ II - УЧЕНИЕ О СЛОВСОЧЕТАНИИ	
ГЛАВА IV - СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СВЯЗИ МЕЖДУ СЛОВАМИ	
§§ 50–54. Перечень средств связи между словами.	55
1. Порядок слов	
§ 55. Порядок слов	61
§ 56. Функции порядка слов	62
§ 57. Грамматическая функция порядка слов	63
§ 58. Выражение посредством порядка слов лексического подлежащего и лексического сказуемого.	67
§ 59. Экспрессивно-стилистическая функция порядка слов	70
§ 60. Полная и частичная инверсия	70
2. Использование форм слов для выражения связи между словами	
§ 61. Роль форм в выражении связи между словами	74
§ 62. Согласование	75
§ 63. Управление	81

3. Использование служебных слов для выражения связи между словами

§ 64. Предлоги и союзы86
§ 65. Предлоги86
§ 66. Союзы93
§ 67. Относительные местоимения и наречия94
§ 68. Бессоюзное соединение96
§ 69. Связующая роль глаголов98

ЧАСТЬ III - УЧЕНИЕ О ПРЕДЛОЖЕНИИ

ГЛАВА V - ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Предикация

§ 70. Предикация100
§ 71. Выражение предикации103

2. Предикат и субъект. Сказуемое и подлежащее

§ 72. Субъект и предикат107
§ 73. Деятель и действие109

3. Сказуемое

§ 74. Основные проблемы сказуемого111
--	------

Содержание сказуемого

§ 75. Классификация сказуемого с точки зрения его содержания112
--	------

Характер строения сказуемого

§76. Простое и составное сказуемое119
§ 77. Глаголы-связки124
§ 78. Вспомогательные глаголы130
§ 79. Сочетания типа to be tired130

Выражение предикации в сказуемом

§ 80. Категории, связанные с выражением предикации134
--	------

4. Подлежащее

§81. Существо подлежащего137
-------------------------------------	------

Выражение связи между подлежащим и сказуемым

§§82—83. Выражение связи между подлежащим и сказуемым145
---	------

Выражение подлежащего

§ 84. Выражение подлежащего150
---------------------------------------	------

Связь между содержанием сказуемого и содержанием подлежащего

§ 85. Связь между содержанием сказуемого и содержанием подлежащего.153
---	------

5. Основные типы предложений

§ 86. Личные и безличные предложения.156
---	------

Безличные предложения

§ 87. Безличные предложения.157
--------------------------------------	------

Личные предложения

§ 88. Личные предложения.159
-----------------------------------	------

**ГЛАВА VI - ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.
ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТИ РЕЧИ. ТИПЫ
СВЯЗИ В ПРЕДЛОЖЕНИИ**

1. Второстепенные члены предложения

§ 89. Отличие главных членов предложения от второстепенных членов предложения.164
--	------

2. Соотношение между членами предложения, частями речи и индивидуальным значением слов

§ 90. Члены предложения и части речи.168
§ 91. Части речи и индивидуальное значение слов.170

3. Типы связи

§ 92. Исходный момент классификации.173
§ 93. Предикативная связь.173
§ 94. Атрибутивная связь.174
§ 95. Комплетивная связь.178
§ 96. Копулятивная связь.184
§ 97. Выводы.184

4. Содержание связи между словами в предложении

§ 98. Содержание связи между словами.184
§ 99. Классификация.190

ГЛАВА VII - ДОПОЛНЕНИЕ

1. Существо дополнения

§ 100. Существо дополнения.194
-------------------------------------	------

2. Типы дополнения

§ 101. Прямое, косвенное и предложное дополнения	202
<i>Прямое и косвенное дополнения</i>	
§ 102. Прямое и косвенное дополнения	203
<i>Предложное дополнение с предлогом by</i>	
§ 103. Предложное дополнение с предлогом by.	209
<i>Предложное дополнение с предлогом to</i>	
§ 104. Предложное дополнение с предлогом to	213
<i>Предложное дополнение с предлогом with</i>	
§ 105. Предложное дополнение с предлогом with	214
<i>Общая классификация дополнений</i>	
§ 106. Классификация дополнений.	214

3. Место дополнения в предложении

§ 107. Роль порядка слов в разграничении дополнений	215
<i>Место прямого дополнения</i>	
§ 108. Место прямого дополнения	216
<i>Место косвенного дополнения</i>	
§ 109. Место косвенного дополнения	217
<i>Место предложных дополнений</i>	
§ 110. Место предложных дополнений.	218

ГЛАВА VIII - ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

1. Существо обстоятельства

§ 111. Существо обстоятельства	219
--	-----

2. Место обстоятельства в предложении

§ 112. Место обстоятельства в предложении.	228
--	-----

ГЛАВА IX - ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1. Существо определения

§ 113. Существо определения	231
§ 114. Конструкции типа The sun shone bright	238

2. Место определения в предложении

§ 115. Место определения	243
------------------------------------	-----

Присубстантивное определение

§ 116. Присубстантивное определение 244

Приглагольное определение

§ 117. Приглагольное определение 248

ГЛАВА X - ОБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТИВНЫЙ ЧЛЕН

§ 118. Объектно-предикативный член 251

Приложения

Приложение / — Общая классификация типов предложений 258

Приложение II — Особенности некоторых форм и словосочетаний в предложении. 263

Издательский редактор *В. Короткий*
Технический редактор *М. Натанов*
Корректор *В. Киселева*

Подписано к печати 19. IX. 1957г. Формат 84 x 108/32. Бум. л. 4, 5- печ. л. 14, 76. Уч.-изд. л.
15,44. Тираж 16000. Цена 7руб. 70 к.